

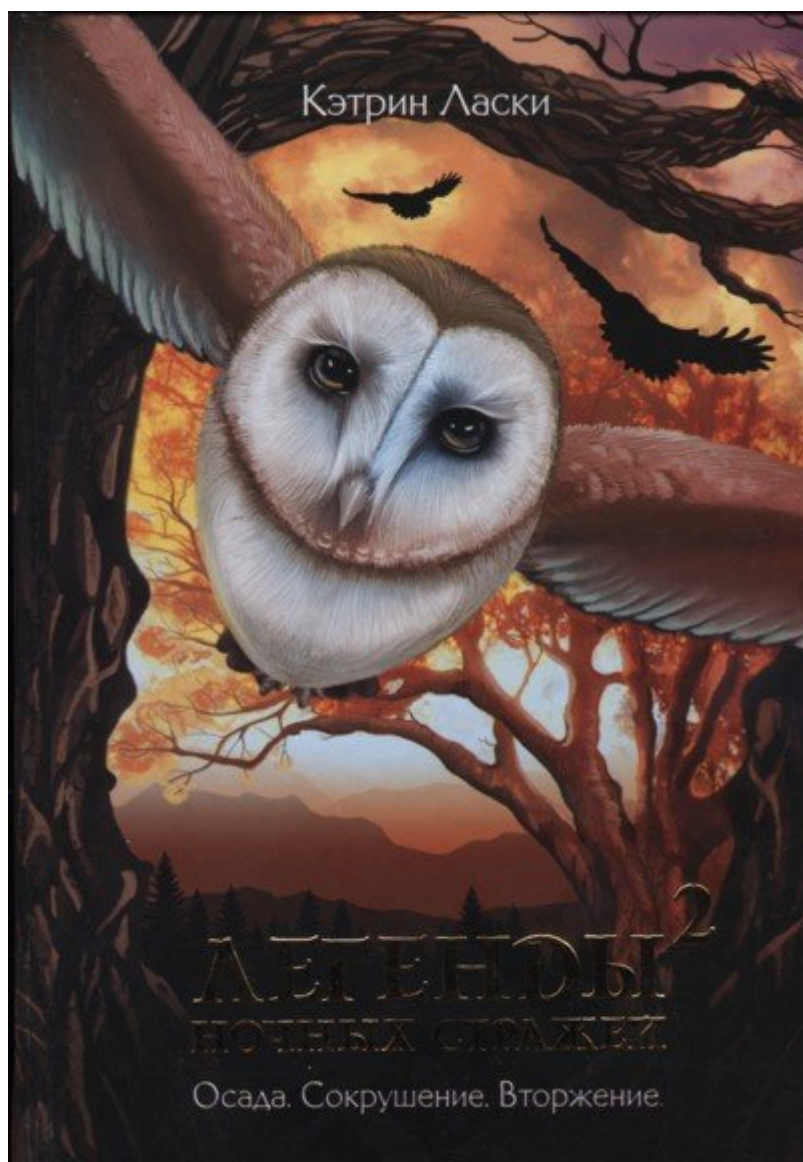

"Вторжение"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Легенды ночных стражей 2

Вторжение

ПРОЛОГ

*- Вы - Кюки-Крюк? Вы и есть та знаменитая
кильская змея, которую Эзирид поругил нам разыскать?*

— Ночь пришла, пробил ваш час! — протяжно прокричала Барран, огромная полярная сова, королева Великого Древа Га'Хуула.

В желудке у Сорена защекотало от волнения. Кажется, еще вчера они с Гильфи, Сумраком и Копушей летели через такой же снежный буран к Великому Древу. Однако от той ночи друзей отделяла целая вечность. Теперь они были взрослыми, оперившимися совами, готовыми принести самую главную присягу на верность. И им пришло время вступить в ряды славных воинов Га'Хуула.

Четверо друзей вместе со своими товарищами по учебным клювам повторяли за Барран священные слова клятвы, и голоса их сливались в один могучий рокот:

— Отныне я — Ночной Страж Га'Хуула. С сегодняшней ночи я посвящаю всю свою жизнь защите совиного мира. Я никогда не сойду с пути долга. Клянусь поддерживать своих братьев и сестер по ночной страже в мирное время и в годину битвы. Я стану глазами в темноте ночи и тишиной в реве ветра. Я буду когтями в пламени и щитом, ограждающим невинных. Я не стану искать венца власти, не буду стремиться к славе. Честью Ночного Стража я клянусь исполнять данную присягу до скончания дней своих. Я даю клятву. Я отдаю жизнь. Я клянусь именем Глаукса!

ГЛАВА I

Сталь и луна

— Ты же говорил, что ветер дует с юга, — пропищал Мартин, крошечный новошотландский мохноногий сыч. — Уже утро, а мы все тащимся через эти северные воздушные потоки!

— Не хнычь, — пробасил Сумрак. — Когда-нибудь ветер переменится.

— Спасибо, утешил! Тебе легко говорить, ты в два раза меня крупнее, и твоей огромной башкой можно любой ветер протаранить!

Сорен не особо прислушивался к этой перебранке, поскольку не относился всерьез к причитаниям Мартина. Он знал, что этому храброму маленькому сычу любая задача по крылу. За время обучения в Клюве угленосов Мартин научился летать даже в раскаленном небе над лесными пожарами, поэтому северный ветер никак не мог представлять для него особых трудностей.

Нет, Сорена беспокоил совсем не Мартин. Его тревожила старая пещерная сова Вислошейка, покрывшая себя несмываемым позором измены. Во время долгой и мучительной осады Великого Древа Вислошейка стала шпионкой и пособницей Чистых.

Лишь старость пещерной совы, милосердие Борона и Барран да то обстоятельство, что Вислошейка сама была вероломно обманута Чистыми и до конца не понимала, что творит, спасли ее от позорного изгнания с острова. В качестве наказания Вислошейку решено было отправить в обитель Глауксовых сестер, находившуюся на острове Полноводном, в море Вечной Зимы. Там несчастная сова должна была оставаться до конца своих дней.

Но это была лишь часть задания, порученного новым Ночным Стражам. После водворения предательницы на остров Полноводный Гильфи с Отулиссой должны были отправиться в обитель Глауксовых братьев: побольше узнать о военной стратегии северных сов, а также отыскать в их библиотеке второй экземпляр книги об остром крупинките, поскольку первый, из библиотеки острова Га'Хуул, был уничтожен глупой Вислошейкой.

У Мартина с Руби было другое задание: долететь до острова Быстро-буйный и найти на нем старую кильскую змею по имени Клюки-Крюк.

Но самое важное поручение, от исполнения которого зависела судьба Ночных Стражей и всего совиного мира, досталось Сорену, Сумраку, Копуше и Эглантине.

Им предстояло отправиться в самую северную часть моря Вечной Зимы и разыскать там старого воина по имени Мох.

Этот прославленный воин и старинный друг Эзилриба должен был помочь им уговорить северных воителей выступить на стороне Ночных Стражей в великой войне против Чистых.

Затем путь друзей лежал на остров Черной Гагары, где жил знаменитый кузнец Орф, который ковал лучшие боевые когти во всем совином мире.

«Из-за встречного ветра мы летим так медленно, что неизвестно когда доберемся!» — с тоской подумал Сорен.

Они были в пути уже два дня, но не достигли даже Ледяных Проливов. Между тем время

поджимало. В Северных Царствах зима наступает рано. Очень скоро море покроется плавающими льдинами и страшные кatabатические ветра, подобно водопаду, обрушатся вниз с ледяных гор, небо смешается с землей, так что лететь станет невозможно.

Сорен вздохнул. Ответственность была слишком высока, а неудача могла обернуться катастрофой. Если бы только они могли лететь хоть немного быстрее! Но разве с Вислошейкой это возможно? Просто непонятно, как врач острова Га'Хуул мог признать эту старую развалину годной к перелету!

Вислошейка тащилась так далеко позади, что Сорену пришлось послать к ней Гильфи. Через какое-то время Сумрак тоже перебрался назад, а за ним отправилась и Руби. Строй перемешался, только Отулисса осталась на своем месте.

Отулисса ненавидела Вислошейку яростной, непримиримой ненавистью. Она винила ее в гибели Стрикс Струмы, несравненной воительницы и мудрейшей совы Великого Древа.

Отулисса обожала Стрикс Струму и восхищалась ею. Сорен с друзьями много раз пытались поговорить с Отулиссой. Они убеждали ее, что любая сова может погибнуть в бою. Напоминали, что Вислошейка была далеко оттого места, где пала Стрикс Струма. Но Отулисса была непреклонна. Она вбила себе в голову, что ее обожаемая наставница погибла по вине предательницы.

Но теперь Сорен был руководителем экспедиции, поэтому имел право приказывать. Он должен был заставить Отулиссу помочь Вислошейке.

— Она ее убьет, — прошептала Гильфи.

— Не мели чепухи, — оборвал ее Сорен. — Если на острове узнают, что мы не доставили Вислошейку живой и невредимой, нам всем несдобровать.

— Не надо понимать мои слова буквально! — огрызнулась Гильфи. — Я не имела в виду, что Отулисса растерзает несчастную Вислошейку в клочья! Просто бедная старуха ужасно слаба и до смерти боится Отулиссе. Я тревожусь за нее.

Теперь они летели плотным клином, что позволяло легче преодолевать встречный ветер.

Сорен покинул свое место и подлетел к Отулиссе:

— Твоя очередь лететь рядом с Вислошейкой.

Отулисса смерила его испепеляющим взглядом, но Сорен не отвел глаз.

— Это не обсуждается. Я возглавляю экспедицию. Если будет война...

— Что значит «если»?

— Хорошо, — терпеливо поправился Сорен. — Когда начнется война...

— Точнее сказать, вторжение...

Сорен вздохнул. Великий Глаукс! Эта пятнистая сова, кажется, решила свести его с ума!

— Да, Отулисса, мы все знаем, что ты у нас специалист по наступательной стратегии. Во время вторжения ты будешь командовать и мы все будем беспрекословно тебе подчиняться. Но

сейчас не война и не наступление. Сейчас мы летим в Северные Царства, и если там у нас ничего не получится, никакого наступления может вообще не быть!

— Какое отношение ко всему этому имеет Вислошейка? Она тут вообще ни при чем, ясно?

— Возможно, но нам поручили доставить ее к Глауковым сестрам. Остров Полноводный лежит как раз у нас на пути, так что я не вижу никаких препятствий к выполнению задания. Или ты хочешь, чтобы Вислошейка осталась жить на Га'Хууле?

Отулисса моргнула.

«А ведь он прав, — подумала она. — Не желаю, чтобы эта старая гадина вечно мозолила мне глаза!»

Логическое мышление всегда было сильной стороной Отулиussy. Она взмахнула крылом, развернулась и полетела к пещерной сове.

Сорен с облегчением перевел дух. Он знал, что Отулисса вот уже несколько месяцев бредила планами наступательной операции против Чистых.

После окончания осады Великого Древа Отулисса убедила совиный парламент в необходимости покончить с врагом. Однако ждать пришлось слишком долго. Всего несколько месяцев назад Чистые сами перешли в наступление, правда, на этот раз они напали не на остров Хуула, а на Академию Сант-Эголиус, владевшую самым большим запасом крупинки во всем совином мире.

Главная сила и опасность крупинки заключалась в их магнитном воздействии, которое не только нарушало навигационные способности сов, но при определенных обстоятельствах лишало их разума, делая послушным орудием врага.

Совы Сант-Эголиуса славились своей тупостью и злобой. Они даже не представляли, какое могущество и власть давало им обладание огромным запасом крупинки. Зато Чистые прекрасно это понимали, поэтому после падения Сант-Эголиуса парламент Великого Древа всерьез задумался над предложением Отулиussy.

Теперь нападение на Сант-Эголиус было уже не возмездием, а вопросом жизни и смерти всего совиного мира. Крупинки в когтях врага представляли собой страшную угрозу. Выбора не было. Решено было готовиться к большому вторжению.

Но совы Великого Древа не могли справиться с такой задачей в одиночку. Им нужна была помощь союзников, обладавших боевым опытом. Вся надежда была на сов Кильского Союза из Северных Царств, откуда был родом Эзилриб.

Более двух веков совы свободного Кильского Союза вели кровопролитную войну против жестокого режима Ледяных Когтей, воцарившегося в восточной части их царств. Лишь совсем недавно эта самая длинная война в истории совиного мира завершилась победой кильских сов.

Сначала Эзилриб планировал отправить в Северные Царства только четырех сов. Но Сорен убедил его в том, что для такого сложного задания потребуются дополнительные силы, поэтому Лучшая в мире стая отправилась в дальний путь в полном составе.

Сорен посмотрел на свои боевые когти, выкованные легендарным кузнецом Орфом. Сталь зловеще поблескивала в свете луны.

Когда-то эти когти принадлежали Эзилрибу. Он носил их в ту далекую пору, когда был воином и командовал дивизией Глаукса Быстрокрылого.

Теперь наставник передал свои когти Сорену.

Юный страж восторженно, вспомнив тот торжественный момент. Скрипучий голос старого наставника снова зазвучал в его ушах: «Я приготовил их для тебя... Это твой пропуск, твоя охранная грамота, твой пароль... Это ключи от Северных Царств... Каждая сова будет знать, что ты — мой питомец. Это означает, что ты находишься под моей опекой и защитой, как родной сын...»

Родной сын! Трудно передать, что означали эти слова для Сорена. Неоперившимся птенцом он был похищен из родного гнезда и навсегда потерял своих родителей...

Когда ему удалось вырваться из жуткой Академии Сант-Эголиус, он вернулся в родное дупло и нашел его пустым и холодным. Позже Сорен узнал, что его родители погибли. Возможно, их убил его собственный родной брат — Клудд, предводитель воинства Чистых. Ритуальное убийство членов семьи было частью обряда посвящения в сообщество Чистых.

«У нас тоже было посвящение, — невольно вздохнул Сорен, вспоминая слова клятвы Ночных Стражей. Две клятвы, но какие разные!»

Он не хотел даже думать о том, в чем клянутся Чистые...

Ветер начал стихать, и лететь стало гораздо проще. При попутном ветре можно было рассчитывать к рассвету добраться до Ледяных Проливов.

Вообще-то, Сорен не слишком любил путешествовать днем. Даже в этих пустынных северных землях следовало опасаться нападения ворон. Однажды Сорен и его друзья едва не погибли в бою с вороньей стаей, после чего они навсегда зареклись летать при свете дня.

ГЛАВА II

Тупиковая тревога

— Йой бис...той битт... той бимм.... ной биммиш... вей бимиши... вейвен бимон...

— Что ты такое бормочешь, Отулисса? — спросил Сорен, подлетая к пятнистой сове. Было совершенно очевидно, что эта дикая абракадабра была обращена не к Вислошейке.

— Повторяю неправильные глаголы на кракише, — с готовностью отозвалась отличница. — Мы летим в Северные Царства, надо же будет как-то объясняться с местными жителями. Да, я знаю, что в Кильском Союзе говорят на множестве языков и диалектов, но кракиш понимают все без исключения.

— Понятно... Я просто хотел проверить, как вы тут.

— Нормально... насколько это возможно, разумеется — Отулисса бросила испепеляющий взгляд на Вислошейку, которая даже не заметила ее презрения.

— Очень хорошо. Ветер переменился, так что, по моим расчетам, к рассвету мы будем в Ледяных Проливах. Сейчас я уточню курс у Гильфи! — крикнул он, устремляясь вперед. — Эй, Гильфи! Что там с курсом?

— Общий курс был на север через северо-восток, но из-за перемены ветра мы немного отклонились к западу. Вот, гляди. — Гильфи вытянула шею настолько, насколько может это сделать сова. — Мы на два градуса западнее хвоста Маленького Енота. Нужно сделать небольшую поправку, поскольку на крайнем севере созвездия занимают несколько другое положение в небе, чем у нас.

Сорен с нескрываемым уважением посмотрел на своего крошечного лоцмана. Гильфи по праву считалась одной из лучших учениц Клюва навигаторов, который до своей гибели возглавляла Стрикс Струма.

«Да не допустит Глаукс, чтобы крупинки когда-нибудь разрушили такой блестящий мозг!» — подумал про себя Сорен.

— Как ты считаешь, успеем мы до рассвета добраться до Ледяных Проливов?

— Скорее всего, нет, — покачала головой Гильфи и серьезно посмотрела на друга. Она отлично знала, почему он не хочет лететь при свете дня. — Слушай, Сорен, я не думаю, что здесь есть хоть одна ворона...

— Будем надеяться, — буркнул он.

Кто бы мог подумать, что вместо стаи злобных ворон им будет угрожать беспорядочная стая тупиков, вернее, птенцов тупиков?

Туман замесил густое серое варево ночи, затянул им звезды и скрыл свет луны, хотя до рассвета оставалось еще не меньше двух часов.

Стая друзей летела очень быстро. Попутный ветер бодро гнал их вперед, увеличивая скорость на два или даже на три узла, как вдруг в густом пепельном воздухе промелькнуло что-то белое.

Затем густой туман прорезал пронзительный крик:

— Тупиковая тревога! Тупиковая тревога!

— Ох, тысяча извинений! Он в вас врезался? — спросил невесть откуда взявшийся взрослый тупику Копуши.

— Почти, — проворчал Копуша, но в следующий миг изумленно воскликнул: — Глаукс Всемогущий! Крепыш?

— Крепыш! — хором закричали Сорен, Гильфи и Сумрак.

— Крепыш? — Мартин непонимающе переглянулся с Руби. — Что за нелепое имя?

— Это мое имя, мое! — прокричал тупик. — А вот это Крепышонок, мой сынок. Вот уж не думал когда-нибудь снова увидеть вас всех!

— Крепышонок? Сын? Так ты... уже стал отцом? — пролепетал Сорен. Большой тупик теперь летел рядом с маленьким, крепко прижимая его крылом.

— Да-да-да! Разве это не потрясающе?

— Потрясающе? Но... ты же младше нас? — выдавил Сорен. Он вспомнил, как несколько зим тому назад его с друзьями отнесло ветром к Ледяным Проливам. Они тогда врезались в

ледяную скалу и познакомились с престранной семейкой тупиков. — Просто не могу поверить, что ты уже отец!

— Да-да-да, отец! Так уж заведено у нас, у тупиков. Мы рано взрослеем.

Сорен с Гильфи обменялись понимающими взглядами.

Похоже, они оба подумали об одном и том же: «Вообще-то, повзрослеть еще не значит поумнеть».

Тупики считались самыми глупыми созданиями во всем птичьем мире — причем в любом возрасте. А теперь оказывается, они к тому же так рано обзаводятся семейством. Уму непостижимо!

— Далеко еще до Ледяных Проливов? — спросила Гильфи.

— Откуда мне знать, я же тупой, — забулькал Крепыш. Как известно, бульканье у тупиков означает смех.

— Что вы тут делаете? — вежливо осведомился Копуша. — И почему твой малыш чуть в меня не врезался?

— Как здорово, что вы появились именно в это время! — вместо ответа прокричал Крепыш.

— А чем оно примечательно? — поинтересовался Сорен.

— Тем, что сейчас Праздник Тупичков-Дурачков.

— Тупи... Что-что? — переспросил Сумрак и грубо рявкнул: — Эй, полегче, малый! — потому что еще один маленький тупик с силой врезался в его левое крыло.

— Праздник Тупичков-Дурачков! Это ночь, когда маленькие тупики впервые летают над океаном. В это время они часто врезаются во все подряд и даже падают на землю.

— Угу, мы так и поняли, — хмыкнул Сорен, а про себя подумал: «Тупики летают хуже всех на свете, неудивительно, что они ничему не могут научить своих детей!»

— Ледяные Проливы! — закричала Гильфи. — Прямо по курсу!

— Как приятно узнать, куда летишь! — обрадовался Крепыш. — Полетели, мой миленький Крепышонок. Лети за папочкой, а папочка полетит следом за этими умными птичками!

Через несколько минут они очутились возле ледяной стены, сплошь утыканной крошечными норками.

Тупики гнездились в трещинах и углублениях многочисленных скал Ледяных Проливов.

«Зато они отлично умеют ловить рыбу!» — вспомнил Мартин, а вслух сказал:

— Вы только посмотрите!

Он уселся на край ледяного гнезда и во все глаза уставился на подругу Крепыша. Та только что вернулась с полным клювом рыбы и теперь с гордостью раскладывала ее в длинный ряд на дне гнезда.

— Ах, моя умница Тунпа! Ты просто чудо, прелесть, душка! — заголосил Крепыш. — Ну и хозяйка у меня, всем на зависть! — Он с любовью посмотрел на свою подругу, а потом с тем же чувством обвел глазами добытую ею свежую рыбу.

— Милый мой Крепыш! Ну, рассказывай, как наш Крепышонок отличился на Празднике Тупичков-Дурачков? Часто врезался?

— Часто, прелесть моя! Очень часто.

— Вот умница! — Туппа оторвала свой взгляд от пола ледяной пещерки и весело замахала в воздухе забавными и яркими оранжевыми лапками.

— Простите мое любопытство, мадам, — сделал шаг вперед Копуша, — но я хотел узнать, почему вы обрадовались, услышав, что ваш сынок часто врезался в препятствия во время урока? Разве вы не хотите, чтобы Крепышонок научился хорошо летать?

Туппа застыла, взмыв в воздух. Затем клюв ее горестно раскрылся, а из глаз брызнули слезы.

— Будет, будет, душечка, — бросился к ней Крепыш и принялся ласково похлопывать свою подругу по крылу.

— Что я такого спросил? — опешил Копуша. — Я вовсе не хотел ее обидеть, честное слово...

Но Туппа уже опустилась на ледяной пол. Ее грудка судорожно вздымалась от рыданий.

— Пустяки, — отмахнулся Крепыш.

— Пустяки?! — взвизгнула Туппа и, подскочив к мужу, отвесила ему тяжелую оплеуху. — Ты называешь это пустяками? Наш единственный сыночек покидает родной дом, а для тебя это пустяки?

— П-покидает? — пролепетал совершенно ошарашенный Копуша.

— Да! Сразу после того, как молодой тупик научится летать, он улетает навсегда. Навсегда! Улетает! — прокричала Туппа и снова зарыдала.

— Но я не хочу ждать! — заголосил маленький Крепышонок. — Я ничего не боюсь! И вообще, я же вернусь! Скоро я прилечу обратно, и буду вас навещать... и все такое.

— Так все говорят! — еще громче заплакала Туппа. — Но никто не возвращается... Правда, Крепыш?

— Ну, вообще-то, ты права. Мы, тупики, слишком тупые, чтобы найти дорогу к родительскому гнезду, — честно ответил отец.

Туппа заморгала, пытаясь стряхнуть слезы, и вдруг испуганно вытаращила глаза. Теперь она с ужасом смотрела в угол своего ледяного гнездышка.

— Что это там такое... откуда взялась эта... эта куча грязных перьев?

— Глаукс! — пробормотала Гильфи.

— Позвольте мне все объяснить, — вышел вперед Сорен. — Это всего-навсего старая пещерная сова. Она немного не в себе, поэтому нам поручили доставить ее в обитель Глауксовых сестер

на остров Полноводный.

Туппа сделала осторожный шаг в сторону Вислошейки и внимательно уставилась на нее. Потом обошла старуху кругом, словно хотела изучить со всех сторон. Секунду спустя Туппа шлепнулась на ледяной пол рядом с «кучей грязных перьев» и попросила:

— Крепышонок, дорогой, принеси мне небольшую рыбку.

— Что значит — небольшую? — немедленно заинтересовался Крепышонок. — Маленькую, что ли? Небольшая — это маленькая, а большая — немаленькая?

— Закрой клюв и принеси мне рыбу! — прикрикнула мать.

— Ладно, ладно. Не стоит попусту ерошить перышки, мамаша, — ответил сынок и тихонько прошептал: — Скорее бы свалить отсюда!

Он принес матери рыбу, и Туппа тут же принялась угощать Вислошейку, ласково приговаривая и объясняя, как ей следует есть:

— Вот так, дорогуша, очень хорошо. Головой вперед, хвостиком назад, все тупики так делают. Да-да, и глазки тоже скушай, это же самое вкусное! Ни в коем случае не выплевывай глазки, милая. Это же просто щекотики в животике, верно? — Туппа подняла голову и умоляюще посмотрела на мужа: — Давай оставим ее у себя?

— Но... она же не птенец, — возразил Крепыш.

— Зато миленькая и такая послушная. Смотри, она и глазки съела, не капризничала, — возразила его супруга.

— Я всегда ел рыбы глаза и никогда не капризничал! — обиженно заявил Крепышонок и ревниво посмотрел на Вислошейку.

— Пожалуйста, милый, можно я ее оставлю?

— Ты... Ты хочешь поменять меня на эту старую лохматую сову?! — заорал Крепышонок. — Ну и пожалуйста! — С этими словами он подскочил к краю ледяного гнезда и замахал крыльями.

— Он летит! — закричал Крепыш. — Посмотри, он улетает! Самый простой способ выгнать птенца — это побольнее его обидеть.

— Ты прав, дорогой. Это всегда действует, — сладко проговорила Туппа.

Друзья растерянно переглянулись.

— Но мне показалось, будто вы не хотели, чтобы он улетал, — смущенно пробормотал Сорен. — Вы же только что плакали!

— Когда? — переспросила Туппа.

— Да только что! — закричала Гильфи. — Минуту назад вы рыдали и не хотели отпускать Крепышонка.

— Ах, да. Я такая взбалмошная, правда? Но мне бы очень хотелось оставить себе эту лохматую старушку.

— Я была бы только рада, — процедила Отулисса.

— Нет, это невозможно, — решительно заявил Сорен. — Мы обязаны выполнить приказ и доставить ее к Глауковым сестрам.

— Ну что ж, — протянула Туппа, — думаю, в следующий сезон я сумею отложить новое яйцо. Вы знаете, мне бы хотелось, чтобы на этот раз у нас вылупилась старушка. Сними проще, чем с молодняком. Никаких грубостей, никаких капризов.

— Зато птенцы забавные, — возразил Крепыш.

— Вот именно! — кивнул Сорен. — Я уверен, что маленький тупик придется вам по вкусу куда больше, чем старая косматая пещерная сова.

— По вкусу?! — испуганно заверещала Туппа. — Но я не собираюсь есть своего будущего птенчика! И пещерную сову тоже. Какой ужас, какая жестокость!

— Успокойтесь, мадам, — попытался оправдаться Сорен. — Я не имел в виду ничего подобного. Это просто такое выражение...

— Выражение? Что значит «выражение»? — встрепенулась Туппа.

— Наверное, это такая рыба, которая водится в Южных водах, — пришел ей на помощь супруг.

«Глаукс Милосердный! Опять двадцать пять!» — с тоской подумал Сорен.

ГЛАВА III

Ледяной кинжал

— Я устала, — призналась Гильфи, когда друзья пролетали над Ледяными проливами. — Я совершенно и абсолютно измотана.

— С чего бы это? — удивился Сорен. — Ветер попутный, да и летим мы всего минут пять, не больше.

— Что такое «минута»? — передразнила Гильфи. — Что значит — «выражение»? Что это? А это? Вот от этого я и устала. Я бы, наверное, умерла, если бы мы задержались там еще хоть на мгновение. Я вообще не понимаю, как такие глупые птицы умудрились выжить как вид?

— Вообще-то, ум бывает разный, — ответил Сорен.

— Как и глупость, — фыркнула Гильфи.

— Не совсем. Если бы нам с тобой пришлось жить в Ледяных Проливах, мы были бы настоящими тупицами. Гораздо глупее самого глупого тупика. Ты умеешь ловить рыбу в океане? А искать ледяные пещерки в скалах, чтобы устроить там гнездо?

— Это аргумент, — задумчиво кивнула Гильфи.

— Как лететь до Ледяного Кинжала? — перешел к делу Сорен.

— Прямо на север. Ночь стоит ясная, так что мы без труда заметим Кинжал. Эзилриб говорил, что он торчит из моря Вечной Зимы, как острое лезвие.

— Теперь понятно, откуда у северных сов ледяные мечи, — пробормотал Сорен.

— Угу, — ухнула Гильфи.

На Ледяном Кинжале друзьям предстояло разлучиться. До сих пор Сорен с Гильфи на все задания летали вместе, но теперь их путь лежал в разные стороны. Ничего не поделаешь, дело есть дело, тем более что Эзилриб каждому дал задание по силам и способностям.

— Хей-хо, внизу Ледяной Кинжал! — заорал Сумрак.

Огромное зазубренное ледяное лезвие выступило из воды, пронзив черноту ночи.

Сорен подлетел к летевшему впереди Сумраку и присмотрелся.

— Ничего себе! — потрясенно прошептал Сумрак. — Говорят, он никогда не тает, поэтому из него и делают самые острые и прочные ледяные мечи. Эх, Сорен! Вот бы нам заполучить такие мечи, уж мы бы таких дел наворотили!

Все знали, что Сумрак помешан на оружии, сражениях и войне. Он был великолепным бойцом и мог сражаться чем угодно: боевыми когтями, горячей веткой, острым клювом и не менее острым языком.

Сумрак на лету сочинял такие обидные дразнилки, от которых вражеские совы теряли равновесие и камнем падали на землю. Сама мысль о таком могучем оружии, как ледяной меч, сводила Сумрака сума.

Сорен живо представил себе, какая буря сейчас бушует в мускульном желудке его отважного друга: «Наверное, у него там все так и пляшет от волнения!»

Чем ближе подлетали совы, тем невероятнее казалась стоящая перед ними задача. Как они смогут приземлиться на это сверкающее ледяное лезвие?

Но страхи их оказались напрасными. Возле вершины Кинжал опоясывал узкий ледяной карниз, похожий на гарду меча. Вот на него-то и опустились усталые путники.

Ветер хлестал ледяное лезвие, холодно сверкавшее в лунном сиянии, и Сорену на миг показалось, будто над бушующим морем огромный кинжал вздымает какое-то невидимое морское создание. Он даже представил себе острые когти, впившиеся в ледяной эфес.

Было непостижимо, как северные совы могут делать свои маленькие мечи из этого огромного монолита. На вид Ледяной Кинжал был совершенно неуязвим.

«Говорят еще, что на свете нет оружия острее и прочнее ледяного меча, который даже в огне не тает...»

Разволнованный Сумрак не мог спокойно сидеть на карнизе и возбужденно летал вокруг ледяного эфеса. Глаза его горели лихорадочным огнем:

— Ага! Я вижу трещинки... Здесь они и откалывают себе лезвия. Глаукс Великий, ну и острые же края! Да вы только поглядите!

— Довольно, Сумрак! Вернись на место, я хочу сказать несколько слов перед расставанием, — приказал Сорен.

Подождав, он обвел глазами своих друзей и произнес:

— Мы все знаем, что должны сделать. Я верю, что вы постараетесь выполнить свои задания как можно лучше. Гильфи и Отулисса! Прямо отсюда вы отправитесь на остров Полноводный, оставите Вислошейку у Глауковых сестер и полетите в обитель братьев Глаукса. Руби и Мартин! Ваш путь лежит на родину Эзилриба, на остров Быстробуйный, где живет старая кильская змея по имени Ключи-Крюк. А мы с Копушей, Сумраком и Эглантиной отправимся на поиски Мха. После выполнения своих заданий все мы встретимся на острове Черной Гагары. Но помните, что следует торопиться. Очень скоро кatabатические ветра приведут в движение лед, а когда льдины закупорят проливы и каналы, нельзя будет отличить остров от материка. Мы окажемся запертыми во льдах.

Все затихли, представив себе ужасную судьбу совы, ставшей пленницей этого жуткого холодного края.

Сорен посмотрел на небо. Как раз в этот момент облака закрыли луну и на сверкающей поверхности Ледяного Кинжала заплясали странные причудливые тени. Отчего-то желудок у Сорена тревожно задрожал.

— Сейчас полнолуние, — с усилием продолжил он. — Ровно через четырнадцать ночей, в последнюю ночь ущербной луны, мы должны встретиться на Остров Черной Гагары. — Сорен с серьезным видом обвел взглядом своих друзей, стоявших на гарде Ледяного Кинжала. — Удачи вам всем, и да пребудет с нами Глаукс!

С этими словами он поднял крылья, взмахнул ими раз, другой — и поднялся в ночь.

Копуша, Сумрак и Эглантина молча последовали за ним.

Боевые когти Эзилриба сверкали в лунном свете. И снова в памяти Сорена зазвучали прощальные слова наставника: «Эти когти — ключи от Северных Царств».

«Да будет так, — подумал про себя Сорен. — Да будет так!»

ГЛАВА IV

В кольце белых деревьев

— У-ху! Надеюсь, я больше никогда не увижу эту мерзкую старую сову, — пробормотала Отулисса, взлетая над обителью Глауковых сестер.

Вислошейку оставили они на попечение матушки — настоятельницы.

Гильфи хотела было попрощаться со старой наставницей, но Вислошейка только бессмысленно уставилась на нее пустыми, ничего не выражающими глазами.

— Мы позаботимся о ней, дорогая, — пообещала матушка — настоятельница. — Не волнуйтесь, все будет хорошо.

Гильфи с Отулиссой притворились взволнованными, но на самом деле они ничуть не беспокоились о Вислошейке. Честно говоря, они были просто рады, что завершили первую часть своего задания.

Поднявшись в темнеющее небо, совы принялись кружить под звездной россыпью.

— Скорее бы добраться до обители Глауксовых братьев! — прокричала Отулисса. — Ты хоть понимаешь, что нас ждет самая лучшая в свином мире библиотека?

— Не забывай, что в свином мире целых три библиотеки, — умерила ее восторг Гильфи. — Одна у нас на острове, вторая в Сант-Эголиусе, а мы летим в третью. Так что можешь померить свои восторги.

— Не говори так! Не будь такой...

— Какой? — взвилась Гильфи.

— Я только хотела сказать, что ты очень негативно настроена. Ты видишь все в черном свете.

— Нисколько! Просто мне наплевать на то, насколько чудесная у них там библиотека. Знаешь, поглядев на жизнь здешних сов, мне кажется, что существуют проблемы поважнее библиотечных фондов.

— Тебе просто не понравились норы в обители Глауксовых сестер, — пожалала крыльями Отулисса.

— Разумеется! Я не пещерная сова, чтобы спать в норе!

— Сестры тоже не пещерные совы. Но что им остается делать? Ты, наверное, заметила, что деревья здесь не растут?

— Да что ты? — притворно удивилась Гильфи. — Я уж и забыла, когда в последний раз видела дерево, — с печальным вздохом добавила она.

— Видишь ли, здесь в основном живут белые полярные совы. Они гнездятся на земле. По крайней мере, так написано в учебнике.

— Но я не полярная сова и не приспособлена жить в норах! Неудивительно, что мне не понравилось в обители Глауксовых сестер.

Гильфи посмотрела на расстилающуюся внизу унылую, покрытую снегом и льдом землю.

«Мне ужасно не хватает деревьев, — подумала она. — Сколько времени прошло с тех пор, как я в последний раз спала в уютном дупле?»

Она отчаянно скучала по Великому Древу Га'Хуула. По скрипу могучего ствола под порывами шквалистого ветра. По шелесту длинных лоз под легким летним ветерком. По мокрому запаху древесины в дождливый день. Она тосковала по мягкому мху, которым было выстлано ее уютное гнездышко в дупле, где они спали вместе с Сореном, Копушей и Сумраком.

В маленьком световом отверстии дупла в любой час дня и ночи можно было видеть небо — вечно меняющуюся и самую прекрасную картину. Порой там, высоко, в ясной синеве пушистой стайкой проносились облака, а иногда на закате небо вспыхивало и переливалось пылающими алыми и оранжевыми отсветами, или тяжелые серые тучи огромными небесными китами плыли на край света.

Гильфи мучительно тосковала по всему этому.

Ей просто не верилось, что она когда-то жила не на дереве, а в дупле высокого колючего кактуса посреди песчаной пустыни. Правда, это было так давно, что Гильфи уже и сама не

была уверена, было ли это на самом деле.

Может быть, она просто придумала для себя сказку про маленькую Гильфи из семейства сычиков-эльфов, которая счастливо жила с мамой и папой в далекой пустыне Кунир?

— Гильфи! Ты слушаешь меня или нет? — рявкнула у нее над ухом Отулисса.

— Ой, прости...

На несколько мгновений Гильфи погрузилась в свои мысли, предоставив Отулиссе вдохновенно рассуждать о том, какое счастье ждет ее в самой лучшей совиной библиотеке, какие изыскания она намерена там провести и с какими великими учеными ей предстоит вести глубокомысленные и увлекательные научные беседы.

— Я просила тебя свериться с курсом. Кажется, ты у нас навигатор?

— Да-да, конечно... Сейчас. — Гильфи повернула голову назад, потом снова поглядела вперед. — Великий Глаукс!

— Что такое?

— Я же сказала — Великий Глаукс. Созвездие Великий Глаукс прямо по курсу. Значит, мы уже в Северных Царствах. Это созвездие еще прекраснее, чем я думала. В небе над нашим Великим Древом в это время года его нельзя наблюдать... — восторженно пробормотала она. — Вот это да! Раньше я только слышала об этих созвездиях от Стрикс Струмы, но даже не надеялась когда-нибудь увидеть их собственными глазами. Смотри, вот это, справа, Медведь. Красивый, правда? А теперь взгляни на звезды в его лапах. Они немного зеленоватые, заметила? А вон там, чуть к югу, видна корона Хуула, а вон...

— Но Хуул никогда не носил короны, — перебила ее Отулисса. — Ты что, не помнишь легенду? Я изучила весь цикл сказаний Северных Вод, и там ясно говорится, что...

«Что за наказание! — с тоской подумала Гильфи. — Теперь она примется анализировать легенду».

Вообще-то, легенды и сказки существуют для того, чтобы рассказывать их и слушать, а вовсе не для того, чтобы их анализировать и раскладывать по веточкам. Гильфи знала это сердцем и желудком.

Однажды в Сант-Эголиусе жестокие воспитатели посадили ее и Сорена в лунный карцер, и только легенды о Га'Хууле спасли их обоих от потери рассудка. Эти легенды сохранили их разум, помогли противостоять безжалостному лунному свету, выжигавшему совиные мозги в ослепительно-белой камере.

Гильфи на миг зажмурилась, и в ушах ее зазвучал голос Сорена: «Когда-то давным-давно, когда совиных царств еще в помине не было, а на земле кипели бесконечные войны, в краю Великих Северных Вод жила-была птица по имени Хуул. Говорят, что с самого рождения этой сове были дарованы чудесные способности и неслыханная сила. Так или иначе, Хуул прославился в веках тем, что побуждал других сов на великие и славные дела, и хотя он никогда не носил золотой короны, совы признали его своим королем; милосердие и добродетель помазали его на царство, и благородство помыслов стало его короной...»

Пока Гильфи предавалась воспоминаниям, Отулисса внимательно вглядывалась вниз.

— Гильфи! Там деревья!

— Деревья? Где?

— Прямо под нами, на острове.

— Вот это да! Значит, мы прилетели, — обрадовалась Гильфи. — Мы подлетаем к обители Глауксовых братьев. Они живут на острове, где растут высокие-превысокие деревья, совсем как...

— Да-да, как в легенде, — перебила Отулисса и подхватила: — «В лесу высоких деревьев появился он на свет, в тот мерцающий час, когда секунды медленно перебегают из последней минуты старого года в первую минуту нового, а лес закован в лед...»

— Послушай, Отулисса, — медленно проговорила Гильфи, — ты думаешь о том же, о чем и я?

— О том, что Хуул появился на свет на этом острове?

— Что ни говори, но это первые деревья, которые мы увидели с того времени, как покинули Ледяные проливы.

— А ведь и правда! Теперь понятно, почему Глауксовы братья решили основать свою обитель именно в этом месте.... Конечно. Ах, Гильфи, неужели у них действительно есть оригинал нашей книги? Великий Глаукс, я просто не могу дождаться! Мне кажется, у меня мозги закипят от нетерпения!

«Если бы!» — мрачно подумала про себя Гильфи.

В Северных Царствах стояла пора, называемая здесь летом. Это означало, что лес не был закован в лед, как во время появления на свет первого Глаукса. Правда, то тут то там на земле виднелись белые островки снега.

Бледно-розовые полосы рассвета протянулись над горизонтом.

За всю свою жизнь Гильфи никогда не видела таких прямых деревьев. Они росли так густо, что поначалу совы даже засомневались, удастся ли им протиснуться между их стволами. Однако спустившись пониже, Гильфи и Отулисса поняли, что все не так страшно.

Лучи восходящего солнца пронзали лес, и все вокруг сверкало и искрилось. Капли воды, дрожавшие на сосновых иголках, преломляли свет, бросая повсюду тысячи крошечных маленьких радуг. Это было похоже на полет сквозь сказочную паутину росы и света.

— Как мы найдем обитель? — спросила Отулисса.

— Понятия не имею.

— Но ты же навигатор!

— Я навигатор во время полета. В небе, среди звезд. Я не умею ориентироваться на земле, — ответила Гильфи и повертела головой в поисках хоть какого-нибудь знака, который указал бы им расположение обители.

Они летели и летели сквозь волшебную световую паутину. Прошло не меньше часа, прежде чем Гильфи заметила впереди что-то любопытное.

— Давай опустимся вон на то дерево, — прошептала она.

Совы молча уселись на тонкую ветку.

— Погляди вон в ту сторону, — все так же шепотом велела Гильфи. Отулисса моргнула. Сквозь зеленую хвою просвечивали ослепительно-белые стволы берез. Подруги никогда в жизни не видели таких белоснежных стволов. Но самое удивительное заключалось в том, что березы росли, образуя идеально ровный круг. Гильфи присмотрелась повнимательней и заметила кое-что еще.

— Там сова, — еле слышно выдохнула она.

— Где? Я не вижу.

— Там, в нескольких дюймах от ствола. — Гильфи указала когтем в сторону березы.

— Не вижу я никакой... — начала было Отулисса, но внезапно замолчала. — Погоди... Великий Глаукс, да это же белая полярная сова!

Причем не одна, а целых шесть! Это были стражи обители. Белоснежные перья с темными пестринами служили им отличной маскировкой среди белых с черным березовых стволов.

Гильфи с Отулиссой прибыли в обитель Глауксовых братьев.

ГЛАВА V

Залив клыков

— Не нравится мне это название, — пробормотал Копуша, глядя на узкую полосу воды внизу.

— Какое название? — переспросил Сорен.

— Забыл, как это место называется? Мы сейчас летим над заливом Клыков. Честно говоря, у меня остались не самые приятные воспоминания о клыках.

— Это ты про ту рысь вспомнил? — беспечно отозвался Сумрак.

Во время своего первого путешествия на Великое Древо Сорен, Гильфи, Сумрак и Копуша подверглись нападению голодной рыси. Тогда они впервые увидели острые и страшные клыки хищника.

Впрочем, Сумрак уверял, что за свою жизнь повидал немало клыков и острых когтей. Он рано осиротел, сам выучился летать, а с приключениями и опасностями познакомился задолго до того, как полностью оперился.

— Да уж, про «ту самую», — язвительно отчеканил Сорен. — Насколько я помню, Сумрак, в тот раз встреча с рысью не показалась тебе особенно приятной.

Иногда абсолютное бесстрашие Сумрака раздражало его куда сильнее, чем откровенное бахвальство друга.

— Ну да, приятного было мало, — согласился Сумрак. — Даже не знаю, как бы поточнее описать свои впечатления.

— Может быть, это была бодрящая встреча? — пришел ему на помощь Копуша. — Такая, после которой кровь быстрее бежит по жилам и чувствуется приятная дрожь в мускульном желудке?

— Точно! В десятку! — искренне обрадовался Сумрак, а Сорен с раздражением подумал, что Копуша порой бывает излишне тактичен.

— А теперь послушай, что я хочу тебе сказать, — невозмутимо продолжал Копуша. — Есть небольшая разница между тем, чтобы взбодриться, и тем, чтобы до смерти испугаться. Клыки длиной больше шести дюймов приводят меня в ужас, и я ничего не могу с собой поделать. Вот почему мысль о том, что залив Клыков получил свое название не случайно, внушает мне определенное беспокойство. И я очень надеюсь, что поиски этого знаменитого Мха стоят риска.

— Слушай, Копуша, — подала голос молчавшая до сих пор Эглантина, которая летела между Сумраком и пещерной совой, — во-обще-то залив — это всего лишь залив, часть моря, глубоко вдающаяся в сушу.

— Да неужели? Мне кажется, я разговариваю с Отулиссой! Поверь, Эглантина, в словосочетании «залив Клыков» меня меньше всего беспокоит первое слово. Я тревожусь по поводу второго.

— А тебе не приходило в голову, что залив могли так назвать из-за того, что сверху он выглядит похожим на клык? — невозмутимо спросила Эглантина.

— Вот как? Пожалуй, в этом есть смысл...

Но договорить ему не удалось, потому что в следующий миг Сорен издал оглушительный, желудкораздирающий крик, характерный для всех амбарных сов в миг опасности.

— В-в чем дело? — пролепетал Копуша.

Мгновение спустя друзья узнали ответ на этот вопрос.

Внизу, на черных волнах залива покачивались несколько крупных льдин, представлявших собой осколки зимнего пакового льда. В ярком лунном свете был отчетливо различим ручеек крови, зловеще перечеркивавший их белую поверхность.

Огромное белое животное, не похожее ни на одного известного совам зверя, терзало на льду свою жертву. Вот чудовище откинуло назад голову, и друзья увидели перепачканные кровью огромные клыки. В когтях у белого зверя бился крупный тюлень.

— Хочешь поздороваться с этими клыками, Сумрак? — спросил Копуша. — Бодрящая встреча тебе обеспечена!

Клыки у животного были намного длиннее шести дюймов.

— Смотрите, там, на льдине тюлений детеныш! — завопила Эглантина. — Нужно спасти малыша!

— Мама! Мамочка! — кричал крошечный белёк.

— Мы тебе поможем! — закричала Эглантина.

С этими словами сестра Сорена — самая младшая и самая неопытная участница экспедиции —

начала кругами спускаться вниз, к плачущему бельку. Остальные бросились следом.

Когда они опустились на льдину, Эглантина уже стояла возле детеныша тюленя.

— Он не говорит по-хуульски, а я не знаю кракиш! — в отчаянии крикнула она друзьям.

— Ну... — замялся Сорен, пытаясь вспомнить какие-нибудь подходящие слова на кракиш. Как жаль, что с ними нет Отулиussy! Она единственная из участников экспедиции могла бегло разговаривать на языке северных сов. Познания остальных ограничивались лишь несколькими простейшими фразами и отдельными словами.

— Малыш... будет в порядке! Малыш будет в порядке! — начал Сорен и встревоженно огляделся по сторонам.

Кровь матери-тюленихи капала с соседней льдины, окрашивая воду в красный цвет.

— Кажется, это медведь... белый медведь, — пробормотал Сорен.

— Полярный медведь? — переспросил Копуша.

— Нуда, — кивнул Сорен.

— Глаукс Всемогущий, — прошептал Копуша. — Теперь мы знаем, почему это место называется заливом Клыкков. Я где-то читал, что полярные медведи считаются самыми крупными хищниками на свете.

— А мы представляем собой плавучую мясную лавку, — мрачно добавил Сорен, глядя на приближающуюся льдину с медведем.

— А еще они умеют плавать... и очень быстро, — дрожащим голосом выдавил из себя Копуша.

— Зато они не умеют летать, — ухнул Сумрак. — Надо убираться отсюда, да побыстрее.

— А как же малыш? Мы не можем его бросить! — завопила Эглантина, перекрикивая плач детеныша.

Внезапно раздался громкий удар, и совы вместе с бельком кубарем покатались на противоположный конец льдины. Та льдина, на которой стоял медведь, врезалась в их ненадежный плот.

На миг медведь перестал пожирать свою добычу и поднял морду.

Это было жуткое зрелище. Белоснежная шерсть вокруг медвежьей пасти была перепачкана кровью. Потом чудовищный зверь запрокинул голову:

— Арррраааа! — дикий рев потряс лед, океан и совиные желудки.

«Да уж, тут перевода не требуется», — промелькнуло в голове Сорена.

Нужно было спасаться. Улетать. Детеныш тюленя был обречен.

Сорен взмахнул крыльями и захлопал ими в воздухе. Остальные взлетели следом за ним. Только Эглантина осталась на земле — вернее, на льдине, и еще крепче вцепилась в лед своими замерзшими когтями.

— Эглантина, немедленно взлетай! Это приказ! — заорал Сорен.

— Я его не брошу, Сорен. Ни за что.

— Эглантина, я командир экспедиции. Ты обязана мне подчиниться.

— Мне наплевать, командир ты или нет! Я знаю, что такое быть брошенной. Я его не оставлю!

— Ты с ума сошла! Хочешь, чтобы мы сорвали задание из-за какого-то несчастного белька?

— Я его не брошу, Сорен. Ни за что. Ты меня понял?!

Сорен в отчаянии посмотрел на младшую сестру, упрямо вцепившуюся в льдину, и понял, что она не отступит.

Тем временем медведь перестал есть. Он внимательно смотрел то на кружащего в небе Сорена, то на замершую возле белька Эглантину.

Вот огромный зверь лениво намочил в воде гигантскую лапу, умыл перепачканную кровью морду и стряхнул с груди клочки тюленьей шерсти.

Сорену, Сумраку и Копуше показалось, будто медведь что-то негромко сказал, но, возможно, это было просто рычание. А затем друзья в ужасе увидели, как гигант поставил тяжелую лапу на льдину, на которой стояла отважная Эглантина.

— Улетай, Эглантина! Улетай!

— Взлетай, дура! — заорал Сумрак.

— Эглантина, ты совсем спятила? — подхватил Копуша.

— Закройте клювы! — звонко донеслось со льдины.

И потом на глазах у потрясенных друзей Эглантина запрокинула голову и едва не уткнулась клювом в белую морду медведя.

Сорен чувствовал, как падает. Крылья его бессильно застыли, и он камнем рухнул вниз. Никогда в жизни с ним такого не случалось, но не мог же он потерять сестру, которую уже дважды спасал от гибели?

— Это же белый медведь! — завизжал Сорен, когда к нему вернулась способность махать крыльями. Он не разбился об лед, а мягко приземлился чуть поодаль от Эглантины и на достаточном расстоянии от чудовища.

Эглантина обернулась к брату и назидательным видом заявила:

— Он сказал, что не питается малышами.

— Да что ты? Хочешь сказать, что ты внезапно стала понимать кракиш? — обозлился Сорен, делая шаг к сестре.

— Мало слов знает сестра.... Я немного говорить по-хуульски, — раздался в ответ рокочущий голос зверя.

Белый медведь поднял огромную лапу с длинными смертоносными когтями и прижал крайний коготь к самому первому, показывая, насколько «немного» он разговаривает по-хуульски. Что и говорить, зрелище было завораживающее!

А затем Сорен стал свидетелем самого странного разговора на свете.

— Правиш прак нрагг граш муоки, — прорычал белый медведь.

— Правда? — переспросила Эглантина.

«Неужели она в самом деле его понимает или просто притворяется? Клянусь хвостом, это сплошное притворство!» — подумал про себя Сорен.

— Что он сказал, Эглантина?

— Я не совсем поняла... Что-то насчет леммингов и...

— ...и мышей, и прочих мелких... существ... которых едят совы, — пророкотал медведь.

— Что? — переспросил Сорен. Потом изумленно заморгал. Выходит, Эглантина действительно что-то понимает!

— Йа! Йа! — закивал тяжелой головой медведь. Пасть у него была огромная, как дупло. Наверное, все четыре совы легко могли бы там поместиться. — Я... не учить сову, чем ей питаться. Грызуны противные... Никогда не возьму в пасть змею. И вы не говорить медведю, что ему есть! Мишнахт?

— Он спрашивает — ты понял? — перевела Эглантина. — Ты ведь понял, правда? — переспросила она покровительственным тоном, который ужасно не понравился Сорену. Но сестра уже снова повернулась к медведю и закивала головой: — Да, мы мишнахт!

— Гунда, гунда, — проурчал огромный хищник.

Эглантина открыла было клюв, чтобы перевести его слова брату, но тот перебил ее:

— Я все понял. Он сказал: «Хорошо».

— Я никогда не есть детей.

— Не ест детей, — снова кивнул Сорен.

— И сов тоже? — пискнул Копуша, зависший в небе на внушительном расстоянии от медведя.

— Нахсун! Буэээ! — медведь сделал вид, будто его тошнит.

В горле у него что-то заклокотало. — В совах нет жира. Ненавидеть перья!

— Полностью с вами согласен, — кивнул Копуша, но отлетел подальше.

Теперь медведь смотрел прямо на Сорена. Внезапно льдина резко накренилась, и Сорен с Эглантиной беспомощно заскользили по направлению к зверю.

Эглантина едва не уткнулась в медвежью морду, на которой, несмотря на умывание, все еще виднелись следы тюленьей крови.

— Эглантина! Лети! — завизжал Сорен, поднимаясь в воздух. На этот раз сестра последовала за ним.

— Миллиметр... — прошептал Копуша. — Клянусь клювом, ты была в миллиметре от его пасти.

Тем временем медведь неторопливо поднял голову и посмотрел вверх.

— Храш гмер мклах? Куда вы подевались? Я сказал — не ем сов. Вы — совы. Хорошие совы. Я видеть у совы когти Лизэ. Лизэ из Киля. Ты знать Лизэ из Киля?

— Ты знаешь Лизэ из Киля? — потрясенно повторил Сорен. Эзилриб! Этот медведь говорит об Эзилрибе!

— Знать ли я Лизэ из Киля? Что за вопрос это? Грахуннагиш прахнорр гундамурр Лизэ эффен Киль эррахх фризен гунда йо махт леферзундт.

— Такое впечатление, будто он гальку в пасти перекачивает, — буркнул Сумрак.

Совы опустили ниже и принялись кружить над головой медведя.

— Ты хоть что-нибудь поняла, Эглантина? — спросил Сорен.

— Почти ничего. По-моему, «фризен гунда» означает «добрый друг».

— Йа, йа, — закивал медведь. — Лизэ — добрый друг. Хороший друг. Моя командир Ледяных войск в войне Ледяных Когтей.

— Вы командовали Ледяными войсками? — с внезапным интересом уточнил Сумрак.

— Йа. Мы охраняли льдины. На них быть база Лизэ и дивизии Быстрый Глаукс. И для подразделения Мха тоже. Он командовать Ледяными Клювами.

— Мох! Вы знаете Мха! — не веря своим ушам, вскричал Сорен.

Медведь разразился еще одной длинной тирадой на кракиш, из которой совы поняли только то, что огромный перепачканный кровью хищник отлично знает Мха, а также по-прежнему не собирается есть сов.

Осмелев, друзья опустили на льдину.

— Вы можете проводить нас к Мху? — спросил Сорен, делая шаг к медведю.

— Йа.

«Глаукс, ну и когти... А клыки-то, клыки! Да они чуть ли не с меня длиной!» — пронеслось в голове у Сорена, но он заставил себя унять дрожь:

— Вы очень добры.

— Йа, я стараться быть добрый. — Медведь важно кивнул и облизнул морду. — Тюлень не считается. Просто еда. Нужно есть, чтобы жить. Вы едите крысы, мыши, лемминги. Не для зла, а для жизни. Я тоже должен есть, чтобы жить. Правильно?

— Правильно, — согласился Копуша, приближаясь к зверю. — Как вас зовут?

— Свалльборг. Можете звать меня просто Сваль.

— Хорошо, то есть я хотел сказать — гунда. Меня зовут Копуша, это Сорен и его сестра Эглантина, а это Сумрак. Мы полетим следом за вами по воздуху.

— Гунда! Гунда. Фрамиш лонха, — одобрительно прорычал Сваль и одним сильным, красивым движением прыгнул в воду. Совы поднялись в воздух, чтобы лететь следом за ним.

Плывущий медведь был по-настоящему прекрасен. Просто не верилось, что столь огромное животное может двигаться с такой неподражаемой грацией. Сильные передние лапы медведя легко и беззвучно рассекали воду, и совам приходилось махать крыльями изо всех сил, чтобы не отстать от Сваля.

Эглантина не удержалась и обернулась, чтобы в последний раз посмотреть на оставшегося на льдине белька. Как раз в этот миг малыш легко соскользнул в воду и поплыл в том направлении, где сверкнула серебристая спина рыбы.

«Может быть, я ошиблась? Кажется, он немного старше, чем я думала», — покачала головой Эглантина. Слово в подтверждение ее мыслей белек нырнул и тут же выскочил обратно с бьющейся в пасти рыбой.

«Интересно, каков из себя этот Мох?» — думал Сорен, летя за медведем.

Эзилриб не ошибся, когда сказал, что боевые когти станут для Сорена пропуском в Северные Царства. Но в то же время Сорен чувствовал, что вместе с когтями взял на себя огромную ответственность. Чего ожидают от него здешние совы? Сумеет ли он оправдать их ожидания? Вдруг они решат, что он недостоин этих когтей? Что, если его примут за обманщика?

Но больше всего тревожила Сорена мысль о задании, которое он должен выполнить. Сумеет ли он призвать на войну этих сов, вполне довольных своей мирной жизнью? Что они подумают о нем и о деле, которому он служит?

Сорен не боялся. Но с каждым взмахом крыльев, рассекавших воздух над этой пустынной, скованной льдом и покрытой снегом землей, он чувствовал себя все более мелким и ничтожным.

Он опустил глаза на боевые когти Эзилриба. В свете луны они сверкали ярко и, как показалось Сорену, насмешливо. Они весили не больше обычных боевых когтей, но Сорен знал, что им довелось увидеть столько битв, сколько не случается за двадцать обычных совиных жизней. В этих когтях — груз истории и авторитет героя — Эзилриба. Окажется ли Сорен достоин носить их?

С каждым взмахом крыльев, с каждым рывком вперед когти становились все тяжелее и тяжелее. Но Сорен должен был лететь вперед, и не просто лететь, а вести за собой других. Пути назад не было, но и двигаться вперед оказалось невыносимо тяжело.

Мучительно тяжело.

ГЛАВА VI

Обитель Глауковых Братьев

В это же самое время Отулисса испытывала ничуть не меньшие страдания. Эзилриб ничего не

сказал ей о том, что Глауксовы братья хранят обет молчания.

«Обет молчания! Надо же было додуматься до такой глупости! Как можно вести интеллектуальную беседу, если твой собеседник хранит молчание?»

Они с Гильфи могли разговаривать только в тесном дупле, которое отвели им братья.

Мертвая тишина царила и во время трапезы в столовой. А чтобы получить в библиотеке нужную книгу, приходилось писать запрос. Даже домашние змеи, славящиеся своими длинными языками, и те здесь помалкивали. Отулисса просто места себе не находила.

Справедливости ради следует сказать, что в определенное время говорить разрешалось — например, во время диспутов в диспутариях, расположенных за пределами библиотеки. Но этого Отулиссе было мало!

Самые плодотворные дискуссии, в которых она принимала участие, проходили в обеденном зале Великого Древа Га'Хуула, за сочной жареной полевкой. Здесь такое было невозможно.

Зато Гильфи искренне радовалась тому, что Отулисса хотя бы временно держит свой клюв закрытым. Ей даже казалось, что в молчании есть какая-то особая красота. Глауксовы братья оказались на редкость обаятельными и умными совами. Гильфи заметила, что они выработали особый способ общения между собой, практически незаметный для непосвященных. Слова — по крайней мере, произнесенные — были им почти не нужны. Гильфи даже попыталась объяснить это Отулиссе, но та и слушать ее не стала:

— Ты просто ничего не понимаешь, Гильфи! Ты знаешь, какая у них библиотека? Я даже представить себе не могла такого богатства! Я почерпнула здесь множество интереснейших сведений о крупинките, но мне нужно с кем-то обсудить все это! У меня возникли вопросы по поводу того, что называется холодным огнем и ледяным пламенем. Ах да, ты не в курсе... Ну, это как самые горячие угли в кузнице Бубо, только наоборот.

— Почему бы тебе не задать свои вопросы в диспутарии?

— Если бы! — вздохнула Отулисса. — Мне там слова вставить не дают!

— Что? Никогда в это не поверю. Обычно это ты никому не даешь клюва раскрыть!

— Ты опять ничего не поняла! Эти совы очень странные. Разговаривать они не любят. Но выработали целую систему, позволяющую общаться без слов, поэтому даже в диспутариях, где разрешается говорить, в основном царит молчание. Словом, они говорят, а я не понимаю о чем.

— Хмм, — протянула Гильфи.

В самом деле, проблема была серьезная.

Бедная Отулисса! Она единственная из всех участников экспедиции выучила кракиш, всю дорогу повторяла неправильные глаголы, а теперь ее познания оказались бесполезными.

— Давай вот как сделаем. В следующий раз я полечу в учебное дупло вместе с тобой и посмотрю, что можно сделать.

— Правда? — обрадовалась Отулисса. — Это было бы просто прекрасно! Понимаешь, я перечитала кучу книг, но мне совершенно необходимо обсудить некоторые моменты с кем-

нибудь знающим. Кроме того, в здешней библиотеке хранится полное собрание «Истории войны Ледяных Когтей», а также куча литературы о других войнах. Мне необходимо изучить стратегию, чтобы составить наиболее удачный план вторжения в Сант-Эголиус. Понимаешь, поскольку мой план в основном принят парламентом, то я должна довести его до ума, для этого меня сюда, собственно, и послали! Ночные Стражи рассчитывают на нас.

«На нас! Она сказала „на нас“!» — отметила про себя Гильфи. Ей было приятно, что Отулисса так выразилась.

Совиный парламент действительно принял за основу план вторжения, составленный Отулиссой. Если Сорен должен был завербовать северных воинов для большой войны с Чистыми, то Гильфи с Отулиссой было поручено как следует изучить стратегию здешних сов, чтобы использовать ее в будущих сражениях.

Если вторжение все-таки состоится, то оно станет самой масштабной военной операцией за всю историю совиного мира. Эта война будет самой крупной по числу участников и самой грандиозной по своему значению. В одну ночь тысячам сов всех видов и семейств придется пролететь расстояние, отделяющее остров Хуула от каньона Сант-Эголиус.

Земля в той части совиных царств сплошь была изрыта глубокими трещинами и ущельями. Она щетинилась высокими скалами и острыми пиками. Там не было деревьев, нет рек или озер. Зато было слишком много кое-чего другого: смертоносных крупинок, способных разрушать и уничтожать совиные мозги.

Сант-Эголиус пал, не устояв перед воинством Чистых, самым страшным порождением совиного мира. Чистые были умны. Они знали, какое мощное оружие попало им в когти, и готовы были использовать его, чтобы захватить власть над всем совиным миром.

Широкомасштабное вторжение в каньон было единственной возможностью покончить с тиранией Чистых. Но этот план требовал привлечения союзников, а союзников лучше сов из Северных Царств Ночным Стражам было не найти.

Жизнь в обители шла по раз и навсегда установленному порядку.

Ночные часы здесь были отведены для медитативных полетов. К слову сказать, Глауксовы братья вообще не занимались ремеслами, столь ценными на острове Хуула. Живые угли они выменивали у кузнецов-одиночек, давая им взамен целебные травы или мудрые советы. Охотились братья по очереди, а навигация была им не нужна, поскольку они редко покидали свой остров.

К немалой радости Гильфи, жили братья не в пещерах, как Глауксовы сестры, а в уютных дуплах в стволах белоснежных берез.

После дневного сна и вечерней трапезы вновь следовали медитативные полеты, а затем братья возвращались в обитель и посвящали оставшиеся часы изучению трав, различных наук и литературы.

В эту ночь в обеденной зале царила уже привычная мертвая тишина.

Войдя, Отулисса и Гильфи сразу увидели дряхлую пятнистую совку, сидевшую в самом углу в обществе короткоухой совы и старой кильской змеи. Змея эта то и дело высовывала свой длинный раздвоенный язык и слизывала капли густой красной жидкости из высокого бокала.

Гильфи прищурилась. Интересно, почему эта змея сидит возле совки? Они с Отулиссой уже давно заметили, что старик летает только с короткоухой совой. В облике же самой совки было что-то неуловимо знакомое, но Гильфи никак не удавалось вспомнить, кого напоминает ей этот старый косматый старик.

Вторая странность заключалась в том, что на короткоухую сову не распространялся обет молчания. Гильфи не раз видела, как она что-то шепчет на ухо совке. Может быть, для стариков здесь делаются исключения? Но почему тогда совка никогда ничего не отвечает своему другу?

Вообще-то старик выглядел слегка повредившимся в рассудке, его желтые глаза были постоянно устремлены в одну невидимую точку.

Чем дольше Гильфи разглядывала старика, тем сильнее он ей кого-то напоминал. И она решила, что этой ночью будет летать рядом с совкой и короткоухой совой.

Тем временем внимание Отулиссы было приковано к совершенно другой сове — куда более молодой и гораздо более привлекательной. Красавец из рода пятнистых сов был просто неподражаем в небе, и Отулисса долго не решалась присоединиться к нему. Но этой ночью будет иначе.

«Впрочем, поговорить все равно не удастся, так что удовольствие будет испорчено! — мрачно подумала Отулисса. — Может, лучше и не пробовать? Зачем попусту отвлекаться отдела?»

В конце концов, она прилетела сюда не знакомства заводить, а получать знания. А этот юнец все равно не знает ничего интересного. Он и на остров-то прилетел всего на несколько дней до Гильфи с Отулиссой.

После трапезы около тридцати сов поднялись в морозный воздух над лесом, где когда-то появился на свет славный Хуул, и начали ночную медитацию.

Глауксовы братья летели свободным кругом, напоминающим кольцо белых берез обители. Братья держались на расстоянии друг от друга, чтобы без помех предаваться размышлениям.

Совы вообще летают очень тихо, но такого бесшумного полета, как у Глауксовых братьев, Отулиссе видеть никогда не доводилось.

Во время полета Отулисса размышляла над легендами о Хууле. Она пыталась представить, каким был этот лес в ту далекую зиму, когда самая великая сова появилась на свет — в тот мерцающий час, когда секунды медленно перебежали из последней минуты старого года в первую минуту нового...

Она так глубоко ушла в свои мысли, что невольно вздрогнула, когда воздух позади нее всколыхнулся от шелеста крыльев и из черноты ночи вынырнула какая-то пятнистая сова.

Ох, нет, это была не какая-то сова! Это был тот самый красавец.

— Я скоро с ума сойду от этого молчания! — шепотом признался он.

Отулисса резко повернула голову и удивленно заморгала.

— Да не притворяйся, что не любишь поговорить! — засмеялся красавец. — Я таких, как ты, за милю чую. — С этими словами он взъерошил свои густые перья, как делают все пятнистые

совы, когда хотят похвастаться своими крапинками.

Отулисса с трудом подавила восторженное курлыканье.

«Какое счастье! — пронеслось у нее в голове. — Как же прекрасно говорить!»

— Но разве это не будет нарушением правил? — прошептала она.

— На самом деле здесь нет четко установленных правил. Скоро сама узнаешь. Скажу по секрету, что здесь даже взыскать за нарушение как следует не могут!

— Ты хочешь сказать, у них нет шлифовки гранита? — переспросила Отулисса, как назло забывшая, как будет на кракиш «наказание».

— Да-да, по-хуульски это называется «шлифовка гранита». Кстати, ты отлично говоришь на кракиш!

— Правда? Если честно, у меня проблемы с пассивной сослагательной формой неправильных глаголов, — призналась Отулисса и кокетливо моргнула.

— Как тебя зовут? — спросил юноша.

— Отулисса.

— Отулисса! — очень серьезно кивнул он. — Прекрасное традиционное имя!

Желудок у Отулииссы едва не пустился в пляс от радости. Какой умный, какой понимающий юноша, да еще ее собственного вида, кровь, так сказать, от крови... Ему ли не знать, что самки пятнистых сов очень часто носят древнее и славное имя Отулисса!

— А тебя как зовут, если, конечно, это не секрет? — спросила она.

— Клив из Фертмора.

— Клив из Фертмора? Ты имеешь в виду залив в Трезубцах?

Он молча кивнул.

Отулисса быстро-быстро захлопала глазами.

— Значит, ты из королевского дупла Снартов? — Ее собеседник снова кивнул. — Выходит, я разговариваю с принцем? Если я не ошибаюсь, Кракор тоже происходит из вашего клана?

Отулисса не зря перечитала кучу книг о Северных Царствах и прекрасно знала, что клан Кракора считается одним из самых старых и самых знатных родов Великих Северных Вод.

Именно клан Кракора дал название кракиш — языку Северных Царств. Это был древний клан легенд и преданий. Из рода Кракора издревле выходили писатели, сказители и поэты.

Именно к этому клану принадлежала обожаемая Отулиссой Стрикс Струма и знаменитая Стрикс Эмеральда, прославленная предсказательница погоды и дальняя родственница Отулииссы.

— Что привело тебя в обитель? — не удержалась от вопроса Отулисса. — Или это у вас в роду

такая традиция?

— Не совсем так. Я прилетел сюда, потому что... даже не знаю, как бы это объяснить... Видишь ли, у себя на родине, в Трезубцах, я в основном изучал военное дело. Но вот беда, войны-то никакой теперь нет! Последняя война Ледяных Когтей закончилась давным-давно.

— Это так, но кто знает, что будет завтра? Может быть, военная наука понадобится вновь? — очень осторожно прошептала Отулисса.

— Не думаю, — беспечно отмахнулся Клив. — Видишь ли, я прилетел сюда изучать медицину. Я не верю в войну — ее больше не будет. Никогда.

— Что?! — взвизгнула Отулисса.

— Милая, это уже слишком, — подлетела к ней большая полярная сова. — Ты забыла, что у нас медитация. Никто не запрещает вам перешептываться, но кричать — это уже слишком. Нет, душечка, это недопустимо, — повторила сова и бесшумно улетела.

В этот же самый миг Гильфи испытала ничуть не меньшее потрясение, так что ночной крик Отулиссы прозвучал для нее как нельзя кстати, став своего рода восклицательным знаком великого открытия.

«Ифгар! Я не ослышалась, эту старую пятнистую совку только что назвали именно так! Но этого просто не может быть...»

Гильфи поймала поток восходящего воздуха и пристроилась за парой сов. Разумеется, они летели молча, но время от времени болотной сове приходилось направлять своего спутника и подталкивать его в нужном направлении.

— Ну-ка, ну-ка, старина, давай-ка посильнее заберем правым крылом... Никогда не поверю, что ты не сможешь... — послышалось ласковое увещание, а затем тот же голос терпеливо повторил: — Не отчаивайся, Ифгар. Ты сможешь это сделать, дружище. У тебя все получится.

Гильфи моргнула и почувствовала каменную тяжесть в желудке. «Неужели это правда? Значит, это и есть вероломный брат Эзилриба?»

Над этим стоило очень серьезно подумать.

Гильфи как раз хотела предаться этому занятию, но тут из темноты рядом с ней вынырнула Отулисса:

— Нет, я просто с ума сойду! У меня просто в голове не уместается, что он происходит из королевского дупла в Трезубцах! Позор на мою крапчатую голову! Позор, позорище!

— Тише! — прикрикнула на расшумевшуюся Отулиссу спутница Ифгара.

Гильфи не имела ни малейшего представления о том, что так взволновало Отулиссу. Зато она точно знала, что им во что бы то ни стало нужно поговорить. Острый крупинки и расстройство желудка могут и подождать! Гораздо важнее рассказать Отулиссе об Ифгаре.

Однажды слепая змея Октавия поведала друзьям о боевом прошлом Эзилриба и о предательстве его родного брата Ифгара. Она сказала, что Эзилриб и Ифгар были влюблены в прекрасную и могучую совку по имени Лил. Красавица предпочла Эзилриба и стала его верной

подругой. Во время войны Ледяных Когтей братья командовали артиллерией, но Ифгар не забыл нанесенной ему обиды. Безумная любовь к Лил и ревность к брату заставили его изменить своему клану и перейти на сторону врага, предав не только Эзилриба, но и весь Кильский Союз. Неразлучные Эзилриб и Лил представляли собой в бою страшную силу, но Ифгар поклялся командиру Ледяных Когтей, что поможет одолеть их. Он задумал погубить Эзилриба, чтобы захватить прекрасную Лил...

Скорее бы кончились полеты, чтобы Гильфи могла уединиться в дупле с Отулиссой. Ифгар жив и находится здесь! Вероломный, подлый, коварный брат Эзилриба живет в обители Глауксовых братьев!

Это было просто невероятно!

ГЛАВА VII

Отулисса строит перышки

— Предательство Ифгара дорого обошлось всем троем, — печально вздохнула Гильфи.

— Вот как? — переспросила Отулисса.

Они только что вернулись в свое дупло после вечернего полета. Поднявшийся к ночи ветер бешено раскачивал стволы белоснежных берез, которые здесь были намного выше и стройнее своих коренастых сестер с острова Хуула. Гильфи с Отулиссой наслаждались качкой. Легко было представить, будто паришь в ночном небе, не покидая тепла и уюта глубокого дупла.

— Лил погибла в бою, — ответила Гильфи. — В этой же битве Эзилриб потерял коготь, а Октавия навсегда ослепла.

— Но ты уверена, что этот старый блохастый старик и есть Ифгар? — переспросила Отулисса.

Гильфи молча кивнула.

— Что же он тут делает?

— Лига Ледяных Когтей потерпела поражение уже после того, как Эзилриб с Октавией покинули Северные Царства и перебрались к нам, на Великое Древо. Думаю, Ифгар просто ослаб и одряхлел, вот и поселился в обители. Вернуться в Кольский Союз он уже не мог, ведь предателей нигде особо не любят. Что касается Глауксовых братьев, то они всегда сохраняли нейтралитет, и это для него просто стало подарком судьбы. Однако мне очень хочется задать несколько вопросов его спутнику, этой подозрительной болотной сове...

— Что ж, удачи тебе, — кивнула Отулисса.

— Я обратила внимание, что здесь запреты выполняются не слишком строго. Обет молчания соблюдается в общественных местах, но есть ведь и другие уголки? Можно навестить болотную сову в ее дупле и потолковать немного... Ладно, я еще как следует это обдумаю. Ау тебя что случилось? Я слышала, ты нарушила обет молчания?

— Это долгая история, — тяжело вздохнула Отулисса. — Но я постараюсь быть краткой. Красавчик, о котором я тебе говорила, оказался принцем. И еще идиотом.

— Принц-идиот? — непонимающе заморгала Гильфи.

— Да нет, ты не так меня поняла! Он не настоящий идиот, просто у него очень глупые идеи. Он не верит в войну. Можешь себе представить?

— А что тут такого глупого? Вспомни Эзилриба. Когда он удалился на наш остров, то повесил свои боевые когти на стену и поклялся никогда больше не принимать участия в битвах.

— Но он же принц, как ты не понимаешь! Принц из королевского дупла Снарта с острова Трезубцев! Ты помнишь историю этого славного рода? Помнишь битвы, в которых участвовали предки Клива? Да ведь он родом из того же дупла, что и Стрикс Струма!

— Ну и что? Он вышел из королевского рода, но не любит войны. Что из этого?

— Что из этого? — рассвирепела Отулисса. — И ты можешь так спокойно об этом говорить?!

— Успокойся, пожалуйста... Хорошо, он не любит войны. А что он любит?

— Медицину. Он прилетел сюда, чтобы изучать лекарственные травы и врачебную науку.

— Что ж, Глауксовы братья славятся своими познаниями в медицине. В их библиотеке хранится самое большое собрание книг по врачеванию, целебным травам и самым разным заболеваниям. Кстати, именно это и привело нас сюда. Разве ты не хотела прочесть единственный сохранившийся экземпляр «Острого крупинкита и других расстройств мускульного желудка»?

— Да помню я, помню! — отмахнулась Отулисса. — Ладно, хватит болтать! Мы и так уже пропустили большую часть бессловесной дискуссии в диспутарии. Глаукс, я просто с ума сойду!

Гильфи быстро-быстро захлопала глазами. Честно говоря, иногда Отулисса бывала просто невыносимой!

— Слушай, ты можешь пообещать мне одну вещь? — попросила она.

— Какую?

— Держи себя в крыльях, ладно? Иначе ты все испортишь.

— Ничего я не испорчу! Не говори глупостей!

Но Гильфи эти слова нисколько не убедили. Отулисса могла быть совершенно непредсказуемой.

«Как сейчас, например», — мрачно подумала Гильфи. Она прекрасно видела, что ее подруга влюбилась в красавчика принца. Это было совершенно не похоже на всегда погруженную в размышления книжницу Отулиссу. До сих пор у нее не было времени на такие глупости, так что бедная отличница даже не умела как следует строить перышки (так на свином языке называется невинный флирт).

«Неужели можно быть такой глупой?» — невольно думала Гильфи, глядя на расхаживающую по диспутарию Отулиссу. Дискуссия о крупинките была в самом разгаре. Разумеется, тон задавала Отулисса, без умолку тараторившая о четырех квадрантах свиного мускульного желудка и о связанных с каждым из них гуморах.

Но к кому она обращала все свои реплики, на кого устремляла сладкие взоры и кому кивала

головой? Разумеется, эти знаки внимания предназначались для Клива из Фертмора, принца королевского дупла Снарта.

— Взять хотя бы такой пример, Клив, — проворковала Отулисса и несколько раз мигнула, отчего глаза ее ослепительно засверкали. — Утебя явный избыток жара в третьем квадранте...

— Так оно и есть! — воскликнул Клив.

— Так оно и есть! — нараспев повторила Отулисса. — Это качество отличало многих одаренных и прославленных пятнистых сов. Да что далеко ходить за примерами! Моя дальняя родственница, известная предсказательница погоды Стрикс Эмеральда...

— Ахххх! — пронеслось по диспутарию при упоминании этого славного имени.

Гильфи просто ушам своим не верила. Глаукс Великий, да ведь Отулисса вот-вот испортит все дело! Впервые в жизни она отвлеклась и позабыла обо всем на свете! И все из-за какого-то чокнутого принца из дупла Снарта... или откуда он там родом?

«Глаукс, а это еще что такое?»

Словно волна пробежала по телу Отулиссы, так что бледно-бурые пятна на ее оперении вспыхнули и заиграли на свету.

«Глаукс Милосердный! Да она строит перышки этому мальчишке!»

ГЛАВА VIII

Клюки-Крюк

— В жизни своей не встречал созданий более упрямых, чем обитатели острова Быстробуйный! — процедил Мартин, облетавший с Руби западную часть острова. Вместе они искали какую-нибудь расщелину, где могла прятаться старая змея.

Кильские змеи, насколько могли судить совы, очень сильно отличались от своих сородичей. Начать с того, что они были разноцветными: от сине-зеленых до лазоревых. Кроме этого, эти змеи вовсе не были слепыми, зато славились мощной мускулатурой и невероятным упорством. Вдобавок они были гибкими, как лоза. Все это позволяло кильским змеям проникать в самые недоступные места и прорывать невидимые ходы на вражескую территорию. Они могли двигаться даже под мерзлой землей!

Но и это было еще не все. В воде кильские змеи чувствовали себя так же, как на земле, и плавали не хуже тюленей или белых медведей.

Эзилриб первым догадался использовать уникальные способности этих змей в военном деле. Он предложил создать специальное подразделение кильских змей, которые могли бы сражаться как на земле, так и в воздухе — на совиных спинах.

Клюки-Крюк была командиром такого подразделения. Именно она тренировала и обучала Октавию. Ее знания и опыт могли оказаться бесценными в будущей войне, поэтому Мартин и Руби получили приказ разыскать старую змею и уговорить ее принять участие в битве против Чистых.

Дивизия кильских змей должна была сыграть решающую роль в нападении на каньоны Сент-

Эголиуса.

Но на деле все оказалось не так просто. Клюки-Крюк словно сквозь землю провалилась, а многочисленные змеи острова Быстробуйный не проявляли особого желания помочь неизвестным совам.

Руби и Мартин начали свои поиски с мыса Крюк, но не обнаружили там никаких следов старой змеи. Теперь они в очередной раз облетали берега и мысы острова, глубоко вдающиеся в бурное море.

Времени оставалось все меньше. Через несколько ночей все участники экспедиции должны были встретиться на острове Черной Гагары, чтобы вместе отправиться в обратный путь.

— Вот позорище будет, если мы окажемся единственными, кто вернется с пустыми крыльями! — вздохнул Мартин.

— Угу, — согласилась Руби. — Уж Отулисса-то точно все выполнила и даже перевыполнила!

— Еще бы! Нашла нужную книгу, выучила ее наизусть, а заодно прочитала и запомнила еще пару-тройку полезных томиков толщиной с голову Сумрака!

— Может, попросим Отулиссу помочь нам разыскать эту змею? — с надеждой в голосе предложила Руби.

— Ты забываешь, что у нас уже нет времени. Паковый лед, кatabатические ветра и тому подобные прелести не станут ждать, пока мы с ней договоримся!

— Глаукс! — простонала Руби. — Как я могла забыть? Паковый лед пугает меня сильнее, чем стая наглых ворон.

— Страшен не сам лед, а кatabатические ветра, которые его гонят. Они не позволят нам вернуться домой и, чего доброго, расшибут о здешние скалы.

— Как я понимаю, это пострашнее, чем оказаться возле ока урагана! — прошептала Руби.

Для сов не было ничего страшнее, чем оказаться возле ока урагана.

В самом оке царило жуткое спокойствие, но стоило птице попасть в закрученное вокруг него кольцо грозных облаков, как ее ждала ужасная судьба. Несчастную пленницу начинало с бешеной скоростью вращать по кругу, вырывая крылья и ломая кости, пока жертва не задыхалась и не умирала мучительной смертью.

— Эй, гляди, что там такое? — внезапно крикнул Мартин.

— Где?

— Прямо под нами. Что-то поблескивает...

— Вижу, вижу!

Совы начали кругами спускаться на землю. Словно блестящая струйка, извиваясь, ползла по земле. Совы распластали крылья и замерли в воздухе, загнипнотизированные этим волнообразным движением.

Внезапно струйка собралась в кольцо, вскинула вверх тяжелую голову и разинула пасть, показав очень длинные и очень острые зубы.

— Вашшинк деркушшна фрамасстин?

— Что она говорит? — всполошился Мартин. — Эй, Руби, как будет «здравствуйте» на кракиш?

— Ты не перепутал меня с Отулиссой?

— Хуулишшш финн? — спросила змея. — Хуулишш?

— Йа, йа... да! — торопливо закивал Мартин. — Мы говорим по-хуульски! Мы с Великого Древа Га'Хуула.

— Я немного говорить хуулиш, так? Я с-сслушать фас...

Мартин переглянулся с Руби и прошептал:

— Наверное, лучше спуститься на землю?

Когда они опустились на скалистый берег, змея вежливо прошипела:

— Гунден ваген.

— Гунден ваген, — ответил Мартин, и Руби с усилием повторила приветствие.

— Что фы... здесь делать?

— Мы... это... короче... — совсем сбился Мартин и умоляюще посмотрел на Руби: — Слушай, куда мы дели бумажку со словами, которую написала для нас Отулисса?

Руби наклонила голову, отвязала от лапки тоненькую металлическую трубочку и выудила из нее свернутый листок бумаги.

— Как будет «змея» на кракиш? — снова зашептал Мартин.

— Хордо! — холодно ответила змея.

— Ой, простите, — поежился Мартин. — Я просто забыл. Хордо! Вы — хордо.

Змея недовольно сощурила глаза и смерила сов не предвещающим ничего хорошего взглядом:

— Мне известно, что я — змея. Что дальше?

— Простите... Вы — кильская хордо?

— Йа.

— То есть... я хотел спросить... не знаете ли вы, где нам искать одну кильскую змею? Ее зовут Клюки-Крюк.

— Зачем фам Клюки-Крюк?

«Слава Глауксу, эта змея куда разговорчивее, чем все остальные!» — подумал Мартин.

— Хорошо летаешь, короткоухая... — кивнула змея, переводя взгляд на Руби. — Оч-чень хорошо.

— Вы за нами наблюдали?

— Йа.

— Долго?

— Два дня... Или три, — последовал ответ. Змея помолчала, а потом снова посмотрела на Мартина: — Ты... мохноногий сыч... Ты спускаться спиралью, как... — было видно, что она мучительно припоминает нужное слово, — как... как... угленосник!

— Как угленос! — с изумлением пролепетал Мартин.

— Йа, угленос. Йа.

Мартин сделал маленький шагок по направлению к змее. Он изо всех сил вытянулся, стараясь казаться повыше, но все равно не доставал макушкой до подбородка нависшей над ним змеи.

— Вы — Клюки-Крюк, да? Вы и есть та знаменитая кильская змея, которую Эзилриб поручил нам разыскать?

— Может быть, да. А может быть, нет.

— Нет, это вы! Вы говорите по-хуульски гораздо лучше, чем мы на кракиш. Вы все понимаете. Почему вы от нас прятались? И почему продолжаете делать вид, будто не понимаете нас?

— Откуда мне знать, что фас действительно послать Эзилриб? Откуда мне знать, что фы есть те, за кого себя фыдаете? — резко спросила змея.

— Ни за кого мы себя не выдаем! — обиженно распушилась Руби.

— Это я сейчас проферять, — прошелестела змея. — Как зофут домашнюю змею Эзилриба?

— Октавия! — хором выпалили Руби с Мартином.

— Сколько когтей у Эзилриба на лефой лапе?

— Три! — снова одновременно крикнули друзья.

— Ш-шшш... — Змея покачала головой, словно хотела придумать вопрос потруднее, а потом прищурилась и кивнула: — Очень хорошо. Теперь — самый последний фопрос. Готофы?

У Руби и Мартина затряслись желудки. Что, если они не сумеют ответить?

— Г-готовы...

— Фы знать любимую песню старой пятнистой софки, которая рукофодить Клюф фсепогодников? Он постоянно напэфать ее фо фремя плохой погоды.

— Знаем, знаем! — заверещала Руби. Она захлопала крыльями, поднялась в небо и запела:

Совы-всепогодники — особая порода,

Мы обожаем летать в непогоду!
Мы любим бурю, мы любим ветер!
Скучно без шторма живется на свете...

Она набрала в легкие побольше воздуха, чтобы начать второй куплет, и тут кильская змея подняла голову и принялась раскачивать ею в такт музыке.

— На хуульском она звучит почти так же хорошо, как на кракиш! — довольно прошипела змея, и вскоре уже все трое громко распевали веселую боевую песню.

Совы кружили над землей, а змея извивалась немыслимыми зигзагами, исполняя древний кильский танец.

В наших желудках с рожденья живет Зов урагана и вихря полет Мы кувыркаемся в русле стихии — Мы — всепогодники, совы лихие! Град, ураган и бурана рычанье Смехом встречаем и ликованием. Кружим, парим, кувыркаемся, скачем — Разве мы хнычем? Разве мы плачем? Сплюнем погадку в пасть непогоде И продолжаем полет на свободе. Слезы и страхи неведомы, нам — Лучшего Клюва смелым бойцам. Совы, — всепогодники — особая порода, Мы, обожаем летать в непогоду!

Когда последний куплет подошел к концу, змея снова вытянулась, вежливо кивнула головой и сказала:

— Фы были прафы. Меня зофут Клюки-Крюк. Зачем я понадобилась мой старый командир? Фы, наферное, знать, что фо фрема фойны я летать с его любимой подругой, красафицей Лил.

— Вы летали с Лил? — ахнула Руби.

— Да, — тихо ответила змея. — Я была с ней в момент ее смерти.

Мартин и Руби протиснулись в каменную пещерку, которую Клюки-Крюк называла «гнездоччка». Это была очень просторная, светлая нора, в которой легко поместились обе совы и змея. Однако грохот волн о камни здесь слышался настолько громко, что приходилось орать, чтобы быть услышанным.

— Как же вы сумели выжить? — спросила Руби.

— Я уметь плафать. Лил упала в море и камнем ушла на дно. Я пыталась спасти ее... — Клюки-Крюк устало покачала головой. — Старалась изо фсех сил... — Она зажмурилась и сморгнула блестящую каплю.

Мартин наклонился и ласково похлопал змею крылом по чешуйчатому боку.

— Такк, такк, — закивала Клюки-Крюк. — Спасибо. Большое спасибо.

— Гар хелдвиг, — ответил Мартин, вспомнивший, как будет на кракиш «не за что».

— Гунда, — похвалила Клюки-Крюк. — Ты учишься понимать кракиш, но теперь я хочу погофорить о другом. Чем я могу помочь мой старый друг Эзилриб?

Мартин с Руби, перебивая друг друга, начали рассказывать. Однако вскоре у Мартина сложилось впечатление, что Клюки-Крюк продолжает сомневаться. Наверное, нужно отбросить гордость и просить еще горячее. Он глотнул воздуха и заговорил:

— Понимаете, вопрос стоит не только о жизни и смерти Великого Древа Га'Хуула, но о выживании всего совиного мира... Это касается даже змей, всех змей, кильских и обычных. Просто не знаю, как вам объяснить, насколько опасны эти крупинки. Понимаете, дело не только в том, что они могут убивать. Все гораздо страшнее. То, что делают крупинки, намного хуже смерти, — твердо сказал он и заметил, как насторожилась Ключи-Крюк. — Крупинки способны превратить всех нас в безвольные орудия в когтях самых жестоких и страшных сов во всей истории совиного мира. Хуже всего то, что Чистые прекрасно понимают силу крупинок и умеют ею пользоваться. А сейчас они завладели самым огромным запасом крупинок на Земле, — выпалил Мартин и вопросительно посмотрел на змею.

Та вздохнула:

— Это фее... дофольно страшно, но я фсего лишь старая-престарая змея. Слишком старая, чтобы фоевать. Фозможно, я смогу собрать для фас пару батальонов змей и соф и даже помогу обучить их фоенному делу. Но это нужно обсудить в парламенте. Как решит парламент — так и будет. Мы фее устали от фойны. Мы хотим покоя. Фы должны это понимать.

— Мы понимаем, — уныло кивнул Мартин. — Война Ледяных Когтей длилась ужасно долго. Значит, мы можем рассчитывать на два батальона?

Змея молча кивнула.

Это был почти провал. Они рассчитывали на гораздо более серьезные силы. Сам Эзилриб надеялся получить полк...

Мартин набрал в грудь побольше воздуха и задал вопрос, который давно вертелся у него на языке:

— Видите ли, мы планируем вторжение. Батальоном тут не обойтись. Скажите пожалуйста, вы не могли бы помочь нам обучить военному делу домашних змей?

Сверкнула синяя вспышка, и змея стремительно развернулась, вытянув голову:

— Фы спятить? Да-да, я знать, как по-хуульски будет «сойти с ума»! Точно так же, как и на кракиш. Фы спятить! Обучать домашних змей? Да фы, наферное, утопили свои мозги в море!

— Я... я просто спросил, — пискнул Мартин. — Вы же знаете, они очень трудолюбивые...

— Они слабые! У них нет мышцы! И еще они глупые. Тупые. Нанчат! Нихтан! Ниних! Нафтанг! — пролаяла змея, и Мартин без перевода понял, что на кракиш эти короткие слова означали «нет, никогда, ни за что на свете».

— Хорошо-хорошо, как скажете... Не волнуйтесь, пожалуйста. Забудьте, что я сказал, — залепетал он и с облегчением увидел, что змея снова расслабилась и начала расплетать тугие кольца своего туловища. — Скажите мне только одну вещь. — Мартин решил сменить тему и, сам того не заметив, задал давно интересовавший его вопрос: — Что случилось с братом Эзилриба, с Ифгаром?

— С этим предателем? — прошипела змея.

— Да.

— Ф том сражении он тоже быть тяжело ранен. После этого он фместе со сфоим фероломным

змеем по имени Грагг уйти в Лигу Ледяных Когтей. Презренный Грагг... Он был предатель под стать хозяин, тоже сменил чешую...

— Кильская змея?

— Йа, йа... Самый жалкий и гнусный из фсех пресмыкающихся... Больше фсего на сфете он любить морошникофый сок.

— Морошникофый сок?

— Йа, йа. От которого голофа идти кругом и мысли путаться, — пояснила Клюки-Крюк, помотав головой.

— Понятно! — хором выпалили Руби с Мартином.

По всей видимости, морошникофый сок был сродни ягоднему вину, которое старшие совы на Великом Древе пили по праздникам.

— Йа. Этот презренный змей за глоток сока готов ф быть ползти за кем угодно и куда угодно. Фот почему он пойти за Ифгар. Не знаю, куда они деться. Думаю, Лига Ледяных Когтей со фременем фышвырнуть их обоих... Единожды смениф чешую, кто тебе поферит? Предатели никому не нужны.

— Сменить чешую — значит предать?

— Йа, йа. Грагг из Слонка, так когда-то зфать эту гадину. Отныне он сменить чешую. Продал свою родину за глоток морошникофого сока.

ГЛАВА IX

Старый воин

Сваль быстро плыл по узкой полоске воды, черной лентой извивавшейся среди льдин, загромоздивших вход в залив. Уверенно продвигаясь вперед, гигант расшвыривал носом мешавшие ему обломки льда.

Совы летели над ним, и Сорен, не сводивший восхищенных глаз с медведя, в который раз подумал о том, что лучшего пловца ему еще не доводилось видеть.

Ночь выдалась волшебная. В черной воде залива отражалось небо, и казалось, что огромный белый медведь плывет по звездной россыпи. Сваль казался существом, созданным из земли и неба, льда и воздуха, воды и звезд. Слово гигантский ночной ткач, полярный медведь пронзал все эти элементы пейзажа и снова сплетал их воедино, создавая величественный и прекрасный гобелен с видом Северных Царств...

— Если тут лето такое, — ухнул Сумрак, — страшно представить, что здесь зимой творится.

— Надеюсь, когда придет зима, нас тут уже не будет, — ответил Копуша.

— Цыц! — внезапно насторожился Сорен. — Я что-то слышу...

— Я тоже, — мгновенно отозвалась Эглантина. — Похоже на пение.

Некоторое время брат с сестрой крутили головами, пытаясь уловить источник звука, а потом Сорен крикнул Свалю:

— Что это такое? Похоже на пение!

— Агрррх! Ну и уши у вас, пернатые! — поднял морду Сваль. — Я не слышу, нет. Но мы приближаемся. Видите вон те скалы?

Прямо по курсу из посеребренных лунной льдин выступала гряда золотых утесов, пронзавших звездное небо своими острыми вершинами.

— Там гнездится ваш Мох.

— Но что это за пение? — не унимался Сорен.

Теперь уже и другие совы услышали странные протяжные звуки, разносившиеся над черной водой.

— Это скельд, рассказчик и песнопевец, — прогудел медведь.

— Скельд? — переспросил Сорен. — Кто это такой?

— Сказитель. Рассказывает легенды. Рассказывает истории. Поет песни. В каждом клане есть свой скельд. Он хранит историю клана, историю дупла. Слушайте! — Медведь поднял к луне огромную мокрую лапу. — Не говорите ничего, пока не закончится песня.

Свободный от льда канал привел путников в небольшой залив, окруженный скалами, в которых зияли многочисленные черные провалы пещер. Несколько острых зубчатых утесов угрожающе торчало из воды.

Сваль бесшумно подплыл к одной из скал, а совы опустили на ее вершину.

Когда песня закончилась, Сваль поднял лапу и с такой силой ударил по поверхности воды, что звенящая тишина ночи раскололась могучим всплеском. В следующий миг из пещеры вылетели две полярные совы.

Одна из сов была покрупнее, и Сорен решил, что она и есть скельд. Вторая сова, щуплый белоснежный самец, и была, по всей видимости, Мхом.

— Гунден ваген, Свалькин, — сказала та сова, что поменьше ростом.

— Гунден ваген, Мох, — прогремел медведь и прибавил что-то на кракиш.

— Уххху, — ответил тот, кого он назвал Мхом. Затем обе совы уселись на скалу, торчавшую в нескольких взмахх крыла от утеса, на котором уже устроились четверо друзей.

— Бишшен хулен, врахнунг иссер, — проворчал Сваль.

Однако совы, казалось, не слушали медведя. Они не сводили горящих желтых глаз с боевых когтей Сорена.

— Аххх! — воскликнул белый медведь. — Инкер планкен дер криффен скар ди Лизэ.

— Что он говорит? Что он говорит? — заволновался Сумрак.

— Что-то насчет боевых когтей Эзилриба, — догадался Копуша.

Менее крупная полярная сова вытянула лапу и поманила Сорена когтем.

— Кажется, она просит тебя приблизиться, — шепнула Эглантина.

— Я понял. Сумрак, дай мне бумаги, которые вручил нам Эзилриб.

Сумрак снял привязанный к его лапе небольшой кожаный мешочек. Сорен порылся в памяти, припоминая любезное приветствие, которому научил его Эзилриб. Он поднялся в воздух и с вежливым изяществом опустился на скалу рядом с полярными совами. «Теперь пора!» — решил он и, откашлявшись, произнес заученные наизусть слова. В переводе на хуульский он сказал следующее:

— Я Сорен, питомец Лизэ из Кия. Мы прилетели с Великого Древа Га'Хуула. Мои повелители, великие монархи Борон и Барран передают вам приветствия и заверения в своем совершеннейшем почтении. Я привез вам от них запечатанные бумаги величайшей важности.

Полярные совы, не трогаясь с места, продолжали молча разглядывать его. Сорен протянул им мешочек.

Мох вытянул коготь, взял мешок и открыл его, по-прежнему не сводя глаз с Сорена.

— Бишшен их вон гунде, Сваль? — прокричал он, поворачивая голову к медведю, лениво плескавшемуся среди скал.

Сорену показалось, что прошла целая вечность, прежде чем Мох, наконец, поднял голову от бумаг. Продолжая сверлить Сорена неподвижным взором своих горящих желтых глаз, он неторопливо сложил документы и убрал их обратно в мешочек. Сорену показалось, будто он тонет в желтом тумане, струящемся из глаз совы. Желудок его трясся с такой силой, что он боялся, как бы дрожь не передалась всему телу.

По-прежнему не сводя глаз с Сорена, Мох быстро произнес несколько слов, из которых Сорен разобрал только «Лизэ» и «Октавия».

— Лиэ винген Бригид! — ответила Мху вторая полярная сова, и глаза старого воина подернулись туманом, словно взгляд его устремился в какое-то далекое-далекое прошлое. Совы принялись о чем-то быстро говорить на кракиш.

Сорен не понимал ни слова из их беседы, поэтому вскоре перестал вслушиваться и стал думать о том, что же было написано в послании. Наверное, Эзилриб сообщал своим старым друзьям о Чистых и просил собрать добровольцев для вторжения в Сант-Эголиус. Но Сорена интересовала не эта, а другая, секретная, часть письма...

Тем временем Мох обвел глазами всех членов отряда, подолгу задержавшись взглядом на каждом, и у Сорена создалось впечатление, что старик измеряет своих незваных гостей, вот только совсем не по росту.

— Значит, вы и есть Лучшая в мире стая? — спросил он на чистейшем хуульском.

Сорен едва не поперхнулся от удивления. Мох говорил совершенно свободно, без малейшего

акцента, словно вырос на Великом Древе. Старый воин заметил его удивление и усмехнулся:

— Йа-йа. Я немного говорю по-хуульски. Как и моя подруга Снорри, — он кивнул на полярную сову.

— Да, мы из Лучшей в мире стаи, — смущенно ответил Сорен. — Остальные наши товарищи сейчас...

— Вот что я вам скажу, — перебил его Мох и быстро прибавил несколько слов на кракиш. — ...Не нравятся мне эти ваши Чистые. Дурное дело они затеяли — нахтглаукс, как говорят у нас в Северных Царствах. Это означает — «против Глаукса». Своими делами они оскорбляют Глаукса, от которого все мы ведем свой род.

— Да, именно так, — кивнул Сорен. — И даже еще страшнее...

Он набрал в легкие побольше воздуха и приготовился к долгому рассказу. Но как объяснить им про Чистых? Мох и Снорри жили в Северных Царствах, вдалеке от Чистых и крупинок. Смогут ли они понять всю серьезность положения?

Сорен коротко рассказал об осаде Великого Древа и падении Сант-Эголиуса.

— Они собирают силы, — продолжал он. — Очень скоро они приведут под свои крылья тысячи наемников, нанятых в землях Далеко-Далеко. Собрав огромную армию, Чистые вновь пойдут в наступление. Сначала они ударят по Великому Древу, а затем распространят свое владычество на другие совиные царства. Они простирают свои когти не только на сов, — добавил он, посмотрев на плескавшегося внизу Свалю. — Я понимаю, как трудно поверить в то, что какая-то крошечная крупинка может причинить вред такому огромному и сильному зверю, как Сваль, но, к сожалению, это правда. Только представьте, что будет твориться на земле, когда могучие звери, подобные Свалю, станут слепыми орудиями в лапах самых жестоких и злобных в мире сов! Представьте...

— Значит, Эзилриб хочет, чтобы мы послали ему на помощь дивизии Глаукса Быстрокрылого и Ледяных Клювов? — Мох снова развернул бумагу и перечитал ее. — Йа, йа, хордо.

— Хордо? — переспросил Сорен.

— Йа, — кивнул Мох. — Он просит кильских змей. А еще, — он снова уткнулся клювом в бумагу, — Эзилриб хочет, чтобы мы научили вас искусству ледяного меча.

— Ледяной меч! — в восторге заорал Сумрак. — Ох, Глаукс Всемогущий, неужели я не ослышался? Ледяные мечи! О, я сейчас лопну от радости! Там так и написано, да? — Сумрак вытянул шею, пытаясь заглянуть в бумагу, которую держал Мох.

— Йа-йа. Мудрый Эзилриб написал, что бородатая неясуть придет в восторг, когда услышит эту новость. — Мох помолчал, внимательно разглядывая Сумрака. — Так оно и оказалось. Для тренировок нам придется перелететь на остров Черной Гагары.

— На остров Черной Гагары? Туда, где живет кузнец-одиночка Орф? — охнул Сумрак. — Но нам и так туда нужно! Я-то думал, мы получим только боевые когти, а тут еще и ледяные мечи! Глаукс, за что мне столько счастья?!

Казалось, Сумрак вот-вот лопнет от волнения и радости.

«Ну вот, все проясняется, — подумал про себя Сорен. — Теперь понятно, о чем было написано в конце письма. Эзилриб хочет, чтобы мы не только собрали добровольцев для борьбы с Чистыми, но и научились боевым искусствам Северных Царств. Что ж, это очень и очень мудро».

— Решено. Можем отправиться в путь прямо сейчас, — сказал Мох.

«Прямо сейчас?! Но как же Ледяные Клювы и дивизия Глаукса Быстрокрылого? Неужели он отказывается призвать их под наше крыло? Но спрашивать как-то неудобно, вдруг они рассердятся?» — растерянно подумал Сорен.

— Уже светает, — заметил осторожный Копуша. Ночи в этом краю были настолько короткими, что у сов практически не оставалось времени для перелетов. Вот и теперь бледный диск солнца уже поднимался над горизонтом. — Что, если на нас нападут вороны?

Вместо ответа Мох, Снорри и Сваль вдруг начали хохотать. Огромный белый медведь так развеселился, что поднял вокруг себя целую бурю. Лыдины с шумом застучали друг о друга, и холодные волны забились о скалу, на которой сидели совы.

— Ворон здесь очень мало, но если они вдруг осмелятся лететь над водой... Сваль, покажи нашим гостям, что тогда будет!

Мрачный огонек сверкнул в черных глазах исполинского зверя. Сосульки на скале жалобно зазвенели от могучего рева, исторгшегося из его груди. В следующий миг медведь выпрыгнул из воды и взметнул в небо огромные лапы с чудовищными когтями. Совы дружно разинули клювы. Только теперь они по-настоящему поняли, насколько огромен и страшен этот зверь.

На краткий миг белоснежный силуэт медведя застыл на фоне оранжевого диска рассветного солнца, а затем зверь снова обрушился в воду, так что пена и брызги фонтаном взлетели в воздух. Что и говорить, от этих ужасных лап никаким воронам было не спастись...

Радостное волнение охватило друзей. Они редко летали в дневные часы, а полет над этой странной пустынной землей, где не было деревьев, зато было огромное ледяное море, испещренное черными каналами, сулил незабываемые впечатления. И только Сорен не разделял общей радости.

— Простите, пожалуйста, — с усилием выговорил он, — я только хотел уточнить одну вещь, если позволите... — Он пристально посмотрел на Мха. — Вы только что согласились обучать нас. Но нас тут, вместе с вами, всего семеро. Не слишком грозная сила, вы согласны?

— Вернувшись на Великое Древо, ты сможешь обучить других, — сухо ответил воин.

Сорен почувствовал растущую пустоту в желудке.

— Но... как насчет дивизии Глаукса Быстрокрылого и Ледяных Клювов? — отбросив всякую деликатность, прямо спросил он.

— Вот ты о чем... Это серьезный вопрос. Слишком серьезный. Придется подождать заседания парламента.

«Но у нас нет времени! — хотелось крикнуть Сорену. Совсем нет времени!»

Он молча смотрел, как белоснежные совы расправляют крылья и одна за другой поднимаются

в рассветное небо. Неужели он единственный из всего отряда, кого томит и мучает неизвестность?

Сорен моргнул, несколько раз взмахнул крыльями и оторвался от скалы, чтобы отправиться в путь следом за двумя полярными совами.

Четверо сов в сопровождении Мха и Снорри летели к острову Черной Гагары. Прямо под ними легко и свободно рассекал воду могучий Сваль, играючи расшвыривая льдины, встающие на его пути.

Солнце начищенной монетой повисло над горизонтом, позолотив воду своим отраженным светом. Сверху могло показаться, будто расплавленное золото хлынуло в море, затопив просветы между льдинами.

Чуть позже, когда утро было уже в самом разгаре, вода окрасилась в ярко-синий цвет холодного неба. Все вокруг казалось невыносимо чистым и звонким. Это был новорожденный сине-белый мир, и Сорен, никогда раньше не задумывавшийся над цветом своего оперения, невольно почувствовал себя тусклым и скучным на фоне полярных сов и могучего Сваля, которые так прекрасно вписывались в эту чистоту.

Да-да, он чувствовал себя тусклым и несчастным. Он был в отчаянии от того, что так и не получил от Мха ясного ответа. Что теперь будет? Что станет со всеми ними? С Великим Древом, с совами, со всем миром?

Сорен опустил взгляд на могучего Сваля, так красиво рассекавшего поверхность ледяного моря. Как долго этот огромный прекрасный зверь будет оставаться сильным и свободным?

ГЛАВА X

Грагг из Слонка

— Добрый день. Я отлучусь на минутку, голубуш-шшка. Ты так хорош-шшо заботишься о нем, мне не о ч-чем бес-спокоиться, — прошипел старый кильский змей сиделке Ифгара и выскользнул из дупла.

Болотная сова, опекавшая больного старика, сощурила глаза и проводила его презрительным взглядом.

— Старый пьянчуга, — пробормотала она. — Пополз пропустить глоточек морошничкового сока, не иначе!

Она часто думала о том, что этот кильский змей неспроста решил вместе с Ифгаром отправиться к Глауксовым братьям. Все Северные Царства знали, что в соковарнях обителю делается самый вкусный и крепкий морошничковый сок. Сами братья практически не употребляли спиртного, сок нужен им был лишь для особых церемоний.

Однако на этот раз Твилла неправильно истолковала намерения змея. Грагг не стал спускаться по стволу дерева и не пополз в соковарню, расположенную в соседней березе. Путь его лежал вверх, к вершине дерева, где росла одна очень примечательная ветка.

Во-первых, она торчала как раз над дуплом, в котором поселили двух подозрительных сов, прилетевших из страны Хуула. А во-вторых, эта ветка была изнутри почти полой, так что служила отличным проводником любых звуков. Расположившись на ней, можно было услышать

каждое сказанное в дупле слово. Такой шанс выпадает один раз в сто лет, и Грагг не собирался его упускать. Выпивка могла подождать...

Грагг давно уже обратил внимание на этих сов. Они прилетели с Великого Древа Га'Хуула для работы в богатой библиотеке обители. Но Грагг подозревал, что чужаки что-то скрывают. Он чуял это каждой чешуйкой своей спины!

Когда-то давно он мечтал о славе и почестях. Но после окончания войны Кильский Союз и Ледяные Когти прогнали их с Ифгаром прочь. Это было несправедливо...

Грагг устал жить в обители. Он устал быть изгоем, ему надоело искать утешение в морошниковом соке, его не устраивала роль сиделки при тупоголовом старике, которого он когда-то считал самым храбрым и могущественным воином во всех Северных Царствах! Хватит, надоело!

Грагг пожертвовал всем ради Ифгара.

Он любил его, как только может змея любить сову и командира. Но с тех пор как Ифгар поселился в этой проклятой обители, он стал все глубже и глубже погружаться в свои мысли. Теперь он напоминал догорающую свечу, все реже вспыхивающую пламенем. Разум его затуманивался, а свет, когда-то сверкавший в дерзких желтых глазах, с каждым днем угасал.

Что касается Грагга, то он уже давно находил утешение в соке.

Старая болотная сова по мере сил заботилась об обоих изгнанниках, однако от этой бессмысленной птицы проку было немного.

Из-за сломанного крыла она почти не летала и поднималась в воздух только на время медитативных полетов. Про таких в стае говорят: «Отлетала свое».

Боевые когти! Сколько времени прошло с тех пор, как он в последний раз видел холодно поблескивающую пару настоящих боевых когтей?

Веселые мурашки пробежали по спине Грагга при мысли о том, что совсем скоро он устроится на ветке перед дуплом пришлых сов и разузнает все их секреты.

«Да-сссс, — думал Грагг, приближаясь к вершине. — Я трезв, я умен и полон сил. Несмотря на многолетнее пьянство, я еще очень и очень силен, а эти две дурочки послужат мне пропуском в большой мир... Они помогут мне добиться славы. Мы оба заслужили славу...» — Здесь Грагг прервался.

«Хватит ли у Ифгара сил покинуть обитель и полететь вместе с ним? Какое мне до этого дело?!» — одернул он себя.

Изогнувшись, он дважды обвился вокруг ветки, а затем приник головой к едва заметному отверстию в коре, чтобы слышать каждое слово.

— Вторжение? Но зачем? Разве вы не можете просто поговорить с ними?

«Вторжение?!»

Дрожь пробежала по телу Грагга, так что его сине-зеленая чешуя вдруг вспыхнула радужным сиянием.

— Ты ничего не понял, Клив!

«Клив? Принц из дупла Снарта?! Этот жалкий птенец с желудком и мозгом трусливого лемминга?»

Усилием воли Грагг заставил себя успокоиться и еще крепче прижался ухом к отверстию.

— Видишь ли... — заговорила пятнистая сова. Грагг узнал ее по характерным решительным ноткам в голосе. Пятнистая сова ему не нравилась. Слишком заносчивая, уж больно клюв задирает....

Грагг не очень хорошо понимал по-хуульски, но, к счастью, пятнистая выскочка решила говорить с Кдивом на кракиш. Говорила она хорошо, не придерешься. Грагг прямо заслушался, когда она принялась расписывать Кливу, что за совы эти Чистые.

Теперь Грагг уже не сомневался в том, что сделал правильный выбор. Вторжение, о котором толковали в дупле, было последним для них с Ифгаром шансом.

Грагг не любил заниматься самообманом и честно признал, что думает больше о себе, чем о старом друге. В конце концов, он был всего-навсего жалким провинциалом из глухой провинции Слонк. Остальные кильские змеи смотрели на выходцев из Слонка свысока и презрительно называли слонкодранцами.

Но разве он не доказал им всем, на что способен, когда летал вместе с Ифгаром? Разве не он проявил себя в битве у Трезубцев и не прославился в сражении над Ледяным Кинжалом? Он служил верой и правдой, и никто не посмел бы упрекнуть его в слабости и неумении.

А потом они с Ифгаром сменили чешую и перешли на сторону Ледяных Когтей. Но и там змею из Слонка не были рады. Здешние змеи слишком кичились собою и задирали носы. При одной мысли об этих выскочках Граггу хотелось пропустить глоток морошничкового сока.

Но нет, он сдержится. Он не поддастся искушению. Если они с Ифгаром собираются начать новую жизнь и снова стать почтенными и достойными членами общества...

«Сеньор, — вспомнил Грагг. — Да-да, так я называл Ифгара когда-то. Он был сеньором, а я — его вассалом. Я поклялся служить ему верой и правдой. Но Ледяные Когти проиграли войну, и все пошло прахом...»

Они с Ифгаром пытались поднять Когти на новую войну. Но тщетно. Билирик, старый командующий Ледяных Когтей, не желал иметь с ними дела. После поражения он ополчился против перебежчиков и обвинил их во всех своих неудачах.

У Грагга до сих пор мороз пробегал по чешуе, когда он вспоминал последние слова Билирика: «Вам известно, как мы поступаем с теми, кто сменил оперение и сбросил чешую? Мы изгоняем их!»

Так они и поступили, мерзкие неблагодарные птицы.

Но теперь все может измениться. Оказывается, Лизэ жив! Это было самым главным.

Лизэ, которого эти совы называют Эзилрибом, жив! Ифгар мог впасть в слабоумие и позабыть все на свете, но ненависть к брату до сих пор живет в его сердце. Грагг знал это наверняка.

«Значит, все просто. Нужно точно разузнать, что замышляют эти совы, а потом передать все их планы Чистым. Если благодаря нашей помощи те сумеют победить Лизэ из Киля, мы станем героями и удостоимся почестей».

Слава и отмщение — вот что ожидает их в случае победы!

ГЛАВА XI

Остров Черной Гагары

— Правильно, Сумрак, очень хорошо! Руби наискосок, сильнее!

Мох и кузнец Орф сидели на зубчатом обломке скалы и внимательно следили за тем, как Сумрак фехтует с одним из воинов дивизии Глаукса Быстрокрылого.

Ледяные мечи были тщательно обмотаны мхом и лишайниками, чтобы избежать ранений.

Лучшая в мире стая снова была в сборе. Все задания были выполнены, хотя и с разным успехом.

Разумеется, лучше всего справилась со своим делом Отулисса. Работая в библиотеке, она обнаружила исключительно важную информацию о невероятном феномене, получившем название «холодный огонь».

Мартин и Руби заверили друзей, что Клюки-Крюк использует все свое красноречие, чтобы склонить змеиный парламент на сторону сов с Великого Древа. И только Сорен был мрачен и молчалив. Дело было в том, что ему так и не удалось добиться таких же заверений от Мха и Орфа.

Вот уже два дня молодые совы тренировались на острове Черной Гагары под руководством заслуженных воинов. Воины двух элитных подразделений Северных Царств — дивизий Ледяных Клювов и Глаукса Быстрокрылого — обучали хуульских сов пользоваться ледяным оружием.

Сумрак пребывал в полном восторге и готов был тренироваться с вечера до утра.

— Ты только подумай, Сорен! — в сотый раз повторял он. — Какое у нас теперь оружие! А ведь когда-то нам пришлось в голову драться при помощи огня...

Сумрак, как всегда, преувеличивал. Ночные Стражи и раньше использовали в своих сражениях огонь, но Лучшая в мире стая придумала, как сражаться горящими ветками. И именно с помощью такого оружия они спасли Эзилриба и одержали победу над Клулдом и Чистыми.

— А теперь, — голосил Сумрак, — мы сможем сражаться огнем и льдом одновременно! Ого-го! Да ледяные мечи острее самых острых боевых когтей, представляешь?

«Все это отлично, — мрачно думал Сорен, — вот только настоящими мастерами ледяных мечей были и остаются северные воины, члены Кильского Союза. Это они выиграли войну Ледяных Когтей, и даже сейчас, в мирное время, их полки и дивизии продолжают тренироваться, поддерживая высокий уровень боевой подготовки. Почему же Мох не может срочно созвать заседание парламента и потребовать отправить войска на помощь совам Га'Хуула?»

Сорен перелетел на другой выступ и стал смотреть, как Мартин и Гильфи, самые маленькие и

хрупкие из «стай», учатся сражаться ледяными осколками. Это было очень сложное и опасное искусство, и Сорен затаил дыхание, наблюдая за друзьями.

Они фехтовали совсем неплохо, но Сорену все равно было грустно.

«Без поддержки дивизии Ледяных Клювов мы все отправимся прямо в Хагсмир, не долетев до Сант-Эголиуса...»

Сорен вздохнул и снова стал наблюдать за друзьями.

Ледяные осколки были намного меньше мечей, зато гораздо острее.

Правильно нанесенный удар таким оружием практически не оставлял жертве надежды на спасение. Однако фехтование ледяными осколками требовало крепких когтей и исключительной точности, при том, что сражаться приходилось в воздухе и на очень большой скорости.

— Быстрее, еще быстрее, Гильфи! — проухала седая огненная совка. Вдоль плеча у нее шла полоса красноватых «огненных» перьев, из-за которой представительницы этого вида и получили свое название.

Огненные совки были невелики ростом, но, разумеется, покрупнее Гильфи. Будучи самыми маленькими совами в Северных Царствах, они не могли пользоваться тяжелыми ледяными мечами, поэтому разработали сложную тактику сражения на острых, как спицы, ледяных осколках.

— Целься в глаз, Гильфи, и старайся пронзить мозг врага, и тогда ему настанет полный «капутлих».

Друзья уже усвоили, что «капутлих» на кракиш значит «конец» — смерть мозга, желудка и беспомощное падение на землю.

Гильфи и ее соперник, юркий сычик-эльф по имени Гриндлехофф, фехтовали в защитных очках, искусно сделанных из «блау несена» — синего северного льда.

Во время краткого перерыва Сорен подлетел к Гильфи.

— Ну, что скажешь? — пропыхтела запыхавшаяся фехтовальщица.

— О чем?

— Смогу я сражаться ледяной спицей, если сумею еще немного нарастить скорость? — Гильфи замолчала и быстро взглянула в небо. В ослепительной синеве носился красный стремительный вихрь, вооруженный ледяным ятаганом. — Глаукс! Да это же наша Руби! — ахнула она, приглядевшись.

Руби летала лучше всех на Великом Древе и могла творить в небе чудеса. Вот и сейчас она, словно комета, пронзала небосклон, ее алые перья рдели язычками пламени, а смертоносный ятаган, изгибаясь, зловеще поблескивал на солнце.

Но Сорен был не в настроении восторгаться успехами Руби. Тревога пожирала его желудок:

— Ты что, совсем ничего не понимаешь? Ты со своей спицей и Руби с ятаганом погоды не сделаете! Нам нужны гораздо более серьезные силы. Ваши успехи вообще не имеют никакого

смысла, понятно? Если Мох не сможет убедить парламент дать нам в подкрепление добровольцев... — Он помедлил и тяжело вздохнул: —...Тогда нам всем наступит «капутлих».

— Новостей нет?

— Парламент Кильского Союза еще не собирался. Самое ужасное, что они соберутся не раньше, чем мы улетим отсюда.

— Но мы улетаем уже завтра! Неужели до этого нельзя созвать внеочередное заседание парламента?

Сорен уныло посмотрел на Гильфи и мигнул:

— Понимаешь, за то время, что мы провели в Северных Царствах, я понял одну вещь. Здешние совы живут по своим законам. Тут ничего не поделаешь, хоть убейся. У этих сов свои правила. Они по-своему охотятся, по-своему выхаживают птенцов, строят гнезда, у них все свое — от способов выщипывания перьев на подстилку птенцам до...

— ...прополки льда! — закончил Копуша, опускаясь на выступ скалы рядом с друзьями.

— Прополка льда? — хором переспросили Сорен с Гильфи.

— Угу, — кивнул Копуша. — Пара полярных сов только что во всех подробностях рассказали мне о том, как следует правильно откалывать ледяные мечи, пики, кинжалы и ятаганы. Это настоящее искусство, я вам доложу. Совершенная инженерия! Тебя удивляет, что здешние совы живут по своим законам и правилам? По-моему, ты не вполне понимаешь, о чем говоришь. Вспомни кильских змей, которые учили меня, как закапывать мечи, чтобы уберечь их от таяния и сохранить остроту. Можешь называть это «своими законами», но я полагаю, что это не более чем способ выживания в суровом, скованном льдами краю. Здесь любая ошибка грозит гибелью. Выбор невелик: либо ты поступаешь правильно, либо погибаешь.

Все время, пока Копуша говорил, Сорен не сводил с него пристального взгляда. В этой речи был весь Копуша! Самый вдумчивый и обстоятельный из них, он — в полном соответствии со своим именем — всегда докапывался до сути вещей и явлений, вынося на свет скрытые мотивы и не всегда ясные причины событий.

— Вы видите ту сову, во-он на той скале? — спросил Сорен.

— Ну да, — ответила Гильфи. — А что с ней не так?

— Она — скельд, — ответил Сорен.

— И что она такое делает?

— Поет. В песнях она хранит и передает историю своей земли. Видите ли, я недавно узнал, что скельды — это не только певцы, но еще и хранители истории.

— Глаукс Всемогущий! — воскликнула нетерпеливая Гильфи. — Что же она хранит или воспекает здесь?

— Нас, — невозмутимо ответил Сорен. — Она поет про нас. Про все, что мы тут делаем. Про то, откуда мы пришли. Хотелось бы мне знать, чем закончится ее песня! — со вздохом сказал он.

А в это самое время в самом дальнем конце острова Черной Гагары среди пустынных скал

пряталась старая-престарая пятнистая совка. Возле ее лап примостилась змея.

— Так ты говоришь, что мой брат до сих пор жив? — прозвучало в тишине. За последние два дня Ифгар раз двести задал этот вопрос.

— Да, — терпеливо ответил Грагг.

— А эти совы, что действуют по его приказу... они... они... — пробормотал Ифгар, пытаюсь собраться с мыслями. Это давалось нелегко, ведь прошло так много времени с тех пор, когда он в последний раз напрягал свой мозг, не говоря уже о том, чтобы облекать мысли в слова!

— Вторжение, — напомнил Грагг.

— Вторжение куда?

— Точно не знаю. Вроде бы против жителей каньонов, которых захватили могущественные совы по имени Чистые.

— Я думал, Лизэ навсегда отошел от войны... Повесил на крюк свои когти.

— Но он и не воюет. Он прислал сюда других. Его посланцы рекрутируют сов и змей из Кильского Союза.

— Хррах! — рявкнул Ифгар. — Что ж, удачи ему, — хмыкнул он.

«Хорошо! Очень хорошо, просто отлично! — подумал Грагг. — Кажется, он что-то чувствует».

Прошло много лет с тех пор, как Ифгар в последний раз испытывал какие-то чувства. Порой Грагг думал, что ревность к родному брату дотла выжгла душу Ифгара, не оставив в ней места даже для гнева и ненависти. Но оказалось, что это не так... Что ж, отлично!

Ифгар и так слишком долго оставался безвольным объектом заботы этой тупой болотной совы Твиллы! Эта дура, разумеется, притащилась на остров Черной Гагары вместе со своими подопечными, но Грагг ловко избавился от нее, послав охотиться на леммингов.

Твилла и не подумала возражать, настолько ее обрадовало, что старый Ифгар, о котором она преданно заботилась много лет, начал проявлять хоть какой-то интерес к жизни. Но Грагг не собирался рассказывать ей о Лизэ и совах, прилетевших сюда с острова Хуула.

Он выждал время, а затем вкрадчиво заговорил, обращаясь к Ифгару:

— Слушай меня очень внимательно, Ифгар. Ты хочешь вернуть себе славу, которая когда-то по праву принадлежала вам с прекрасной Лил? Я не говорю о любви. Я говорю о славе, о власти, могуществе и уважении. — При этих словах Ифгар моргнул и внимательно посмотрел на змея. Приободренный, Грагг продолжал: — Представь, что мы с тобой стали обладателями ценной информации. Допустим, мы узнали о том, когда Ночные Стражи собираются нанести свой удар, и сумеем предупредить славных Чистых сов... Такая информация позволит Чистым сокрушить твоего брата и всех его сторонников! Ты спрашиваешь, что получим мы? Славу! Чистые вернут нам славу, вероломного и неблагодарно похищенную!

При этих словах Грагг стремительно развернулся и распластался по скале, чтобы Ифгар мог увидеть, что происходит за его спиной.

Ифгар вытянул шею и уставился на сов, отрабатывавших боевые приемы в воздухе. Внезапно

он вздрогнул и на мгновение закрыл глаза прозрачной перепонкой, которая позволяет совам быстро очищать взор.

— Нет! — хрипло выдохнул он.

«„Нет“ означает „да“!» — усмехнулся про себя Грагг. Именно на это он и рассчитывал. Он хотел, чтобы Ифгар своими глазами увидел это.

Знаменитые боевые когти Лизэ, отполированные до неистового блеска, сверкали на лапах неизвестной совы, да еще какой-то сипухи!

Грагг впервые увидел эти когти на чужаке два дня назад, когда летел сюда на спине своего старого приятеля, бородатой неясоти, раньше служившей в наемниках, а потом подавшейся в пираты.

— Нет! — все еще не веря своим глазам, прохрипел Ифгар. — Когти! Мои когти! Эти когти должны были стать моими... Он украл, украл мои когти!

— Разумеется, синьор.

Ифгар повернулся к змее и с усилием моргнул:

«Синьор... Он назвал меня синьором!»

Радостная дрожь пробежала по его телу. Погасшие желтые глаза слабо блеснули, словно два уголька, грозящих вспыхнуть ярким пламенем.

ГЛАВА XII

Пленники ледяного кинжала

— Катабатические ветра вызывают шторма и бури на море...

— Глаукс! — еле слышно процедила Гильфи, но Отулисса не обратила на нее никакого внимания и продолжала разглагольствовать о северных ветрах, загнавших «стаю» в неглубокую пещерку с восточной стороны Ледяного Кинжала.

— Поскольку плотность холодного воздуха выше плотности теплого, то в зимнее время...

— Но сейчас еще не зима! — не выдержал Сорен.

Голос его прозвучал жалко. От стыда он был готов провалиться сквозь лед. Это была его и только его вина! Ведь это именно он постоянно откладывал их вылет в надежде дожидаться заседания парламента.

Луна умерла и снова родилась, и теперь узкое серебряное перышко, тоньше самой тонкой пушинки на совиной грудке, висело в бледно-лиловом морозном небе.

Друзья уже дважды пытались подняться в небо, но каждый раз вынуждены были вернуться назад. Неистовые ветра еще сильнее растревляли раны Сорена.

Он потерпел полное поражение. Как у него хватит смелости предстать перед Эзилрибом? Мало того, что им не удалось получить подкрепления, так теперь еще проклятые катабатические ветра угрожают погубить всю «стаю». Он не имел права медлить с вылетом! Что, если теперь

они вообще не вернутся обратно? А если вернутся, что ждет их дома? Без помощи Ледяных Клювов у Ночных Стражей не было никаких надежд на победу...

Четверо участников экспедиции — сам Сорен, Руби, Мартин и Отулисса — прошли подготовку в Клюве всепогодников, а значит, могли продолжать путь даже в такое ненастье. Огромный и сильный Сумрак тоже, пожалуй, мог бы справиться с катабатическими ветрами. Но для остальных этот полет мог стать последним. Они не имели навыков путешествия во взбаламученном вихрями воздухе. К тому же всем участникам экспедиции лететь стало труднее, поскольку она несли кожаные сумки с самым разным ледяным оружием — от ятаганов до мечей и от ледяных пик до кинжалов.

— Эта сова повсюду устраивает такую бурю, что никаким катабатическим ветрам не под силу, — проворчал Сумрак и сердито сверкнул глазами на Отулисса: — Проглоти мышку и помолчи, ясно?

— Если бы она могла, то давно проглотила бы, — вздохнула Руби. — Да мы бы все не отказались!

Три дня они торчали на этой проклятой скале, и все три дня единственной их пищей была рыба, которую время от времени выбрасывало штормом на узкую гарду Ледяного Кинжала. Надо сказать, рыбу Ночные Стражи любили не больше, чем вонючих леммингов.

— Глаукс Всемогущий, что это за чудо болтается на гребне вон той волны? Смотрите-ка, да оно сучит лапами! — возбужденно забормотал Копуша. Он стоял на самом краю ледяного выступа и смотрел вниз, на гарду кинжала.

— Да это же омар! — воскликнула Отулисса и затараторила: — Омары, или лобстеры, как и мы с вами, относятся к царству животных, но если мы принадлежим к классу позвоночных, то омары являются представителями типа членистоногих и подтипа ракообразных. Если у нас с вами имеется голова и хвост, а пищеварительная система...

— Ух-ху! Будь так добра, засунь свой высоконаучный подтип себе в клюв! — заорал Копуша. — Ты сведешь меня с ума своими лекциями, ясно?

Сорен моргнул. Ситуация стремительно выходила из-под контроля. Дело совсем плохо, если даже Копуша — самый выдержанный и спокойный из них — вдруг срывается и начинает орать и браниться.

Неужели у них уже начинается гнездовая лихорадка? Такое случается, когда совам приходится слишком много времени проводить вместе в одном дупле. Но у «стаи» Сорена не было даже дупла, высланного мягким мхом и пухом.

Восемь сов вместе со своими сумками теснились в узкой пещерке, где едва можно было развернуться.

Казалось, будто свисавшие с потолка сосульки с каждой минутой становятся все длиннее. Из-за этих сосулек вход в пещеру имел сходство с зубастой пастью огромного хищника. Ясное дело, приятного в таком положении было мало. Но что оставалось делать? Ледяные ветры продолжали бушевать над морем, время от времени выбрасывая на берег странных существ, ни одно из которых не возбуждало особого аппетита даже у голодных птиц.

— Скажите мне вот что, — продолжал Копуша, вновь обретая свое обычное спокойствие, — можно ли есть такое чудо?

Теперь он смотрел на осьминога, только что выброшенного морской волной.

— Я не пойму, где у него что, — вздохнула Эглантина.

— Восемь ног! — воскликнула Гильфи. — Вот уж нелепость так нелепость! На ее месте я бы обменяла четыре ноги на пару крыльев.

— Откуда ты знаешь, что это она? — любопытствовала Руби.

— Ты очень кстати подняла любопытнейший вопрос о половых различиях осьминогов, — с жаром подхватила Отулисса.

«Заткнись, очень тебя прошу! Пожалуйста, замолчи. Я не имею права прибегать к насилию. Я возглавляю экспедицию. Я не имею права позорить звание командира...»

Сорен изо всех сил зажмурился, пытаясь подавить бешенство и не поддаться желанию изо всей силы ударить Отулиссе сосулькой по голове. Внезапно он почувствовал, как что-то маленькое коснулось его лапы.

— Что это такое, Сорен? — спросила Гильфи. — Мне это не нравится.

ГЛАВА XIII

Краали

Это никому бы не понравилось.

Воцарилась тишина. Над взбаламученным морем сквозь сгущающуюся ночную тьму и брызги пены летели совы. Их было более дюжины, и все они держали курс прямо на Ледяной Кинжал.

Однако это были не воины Кильского Союза, с которыми друзья познакомились на острове Черной Гагары, не бойцы Ледяных Клювов и не легионеры из дивизии Глаукса Быстрокрылого.

Эти совы были отлично вооружены и выглядели весьма причудливо. Перья у них были не черные, не белые, не серые и не бурые, а вызывающе разноцветные. Некоторые из них были красными и оранжевыми, другие щеголяли в шафране и пурпуре, третьи переливались всеми оттенками зеленого и синего.

— Глаукс Всесильный, я впервые вижу сов подобной окраски! — прошептал Мартин.

— Кем они себя вообразили? Попугаями? — прогудел Сумрак.

— Это краали, — ответила Отулисса.

— Кто-кто? — переспросил Сорен.

— Краали, — повторила Отулисса. — Так на кракиш называют пиратов.

— Пираты?! — хором ахнула «стая».

Слава Глауксу, на этот раз Отулиссе хватило ума не пускаться в пространные разглагольствования о видах, подвидах и отрядах краалей. Сама она впервые узнала о совах-пиратах из длинной поэмы «Игдальдиш Джафар», воспеваящей героические приключения славной полярной совы Гордолапа и филина Яроклюва.

Классифицировать краалей не имело никакого смысла. Они были подонками свиного мира и проклятием Северных Царств.

Краали не примыкали ни к одной из сторон. Они вступали в бой только для того, чтобы грабить, похищать и убивать. Они были опаснее наемников, сражавшихся за плату, поскольку действовали только шайкой и обладали великолепной тактикой ведения боя.

— Дело плохо, — пробормотала Руби.

— А я — очень плохая сова! — гаркнул Сумрак и, когда пираты оказались совсем близко, вылетел из ледяной пещеры. Схватив когтями самую увесистую сосульку, он могучим взмахом крыльев поднялся в воздух и бросился на врагов. За ним выпорхнула Руби. Сорен последовал ее примеру, напоследок обратившись к Гильфи, Эглантине и Копуше:

— Сидите здесь, не высовывайтесь! Вы не прошли школу всепогодников, поэтому не сможете летать при таком ветре. Будете подносить оружие. Все ясно?

— Да, командир! — хором ответили остающиеся.

Сорен особо полагался на Копушу. Пещерные совы отличаются исключительно сильными лапами, а ученые змеи с острова Черной Гагары научили Копушу ловко откалывать от ледников острейшие лезвия.

«Где-то сейчас эти змеи? — с тоской подумал Сорен. — Вот если бы дивизия Глаукса Быстрокрылого и Ледяные Клювы могли прийти нам на помощь! Или если бы здесь росли деревья. И можно было раздобыть огонь...»

Но сейчас было не время для пустых мечтаний. Настало время битвы.

Отулисса и Мартин уже сражались с попугайского вида совой, размалеванной охрой и пурпуром. Юркий Мартин стремительно мчался сквозь ветер, зловеще поблескивая острым осколком льда. Что касается Отулиссы, то она сжимала в когтях сразу два ледяных кинжала.

Что и говорить, зрелище было весьма странным: дюжина разноцветных сов вихрем кружила вокруг торчащей из моря ледяной скалы.

Раскрашенные краали больше всего напоминали обезумевшую радугу. Они были повсюду.

Но Ночные Стражи были смелы и искусны в бою. Особенно отличился Мартин. Просто не верилось, что такая маленькая птица может развивать такую сумасшедшую скорость. Раздался крик боли — и лазурно-голубая сова камнем рухнула в бушующее море.

Сумрак подлетел к Мартину и прокричал:

— Эй, Мартин, оставь и на мою долю хотя бы четырех!

С этими словами он громко захохотал и победно растопырил когти. Однако ликование оказалось преждевременным.

— Сумрак, сзади! — завизжал Сорен.

Сумрак мастерски развернулся в вихре ветра, чудом избежав нападения с тыла. Затем он снова взмыл вверх и, балансируя на самом краю сумасшедшего ветра, громко запел:

Хочу прикончить четверых,
А может, даже пятерых —
Зачем мне оставлять в живых
Таких дурацких сов цветных?
Я — плохая сова!
Я сорвиголова!
Отучу вас летать,
Научу вас нырять!
Сейчас вы будете пищать,
Сейчас вы будете визжать,
Вам будет страшно умирать —
Хотите мамочку позвать?
Но я — плохая сова,
Я сорвиголова!
Я вас буду клевать,
Я вас буду лупить,
Я вас буду колоть,
Я вас буду топить.
Заметались, испугались,
С жалкой жизнью распрощались?
Поглядите в небеса,
Сейчас начнутся чудеса.
Сумрак слева, Сумрак справа —
Начинается облава!
Я — большая сова!
Я сорвиголова!
Я не знаю усталости
И не ведаю жалости!

Полумесяц изо льда холодно сверкнул в свете луны, и Сорен невольно ахнул, увидев, как сразу четыре разноцветных крыла отделились от двух нападавших на Сумрака сов.

Отчаянный визг заглушил рев ветра, и ночь окрасилась кровью.

— Руби! Великий Глаукс в сияющей Глауморе! — изумленно вскрикнула рядом Отулисса.

Сорен обернулся. Не менее изумленная Руби в недоумении смотрела на свой ледяной ятаган, которым она только что срезала крылья сразу двум краалям.

В следующий миг пираты куда-то исчезли. Сова, с которой сражался Сорен, бросилась прочь.

— Похоже, они отступают, — пробормотала Отулисса.

Сорен моргнул. Он и сам видел разноцветные хвосты краалей, которые стремительно улепетывали в ту сторону, откуда только что появились.

«Неужели они так быстро отказались от борьбы? И что это они тащат в когтях? На кинжал вроде бы не похоже... И не сосулька. Что-то маленькое, круглое...»

Сорен снова моргнул. Почему это нечто кажется ему таким знакомым?

И тут в наступившей тишине раздался дикий крик Отулиссы:

— Гильфи! Они похитили Гильфи!

Сорен расправил крылья, готовый ринуться в погоню, но внезапно море застлал туман.

Никогда в жизни Сорену не доводилось видеть такого густого и стремительно распространяющегося тумана. Словно непроницаемая завеса лишайников или плотные кочья мха выросли перед совами в мгновение ока, полностью скрыв черноту ночи. Со всех сторон их окружила мгла — плотная и непроницаемая, как стена.

А когда ветер унес туман и ночь снова стала черной, Гильфи была уже слишком далеко, и они не ведали, где искать ее в этих бескрайних ледяных просторах.

Звезды задрожали в небесах. Сорен знал, что если он сейчас взлетит, то сорвется в море, парализованный отчаянием.

Он познакомился с Гильфи, когда был совсем маленьким, только что осиротевшим совенком, и с тех пор они были неразлучны. И теперь ему казалось, будто он утратил какую-то важнейшую часть самого себя.

«Как будто у меня вырвали желудок», — понял он и резко развернул голову за спину, чтобы друзья не заметили его слез.

ГЛАВА XIV

В логове пиратов

«Все это очень и очень странно», — думала Гильфи.

Волочивший ее пират разжал когти, и теперь Гильфи летела сама, причем совершенно не тратя на это сил. Очень скоро она поняла, что улететь от похитителей не получится. Краали окружали ее со всех сторон.

Эти совы использовали примерно ту же тактику, которую применяли Ночные Стражи для путешествий при сильном ветре. В полете они выстраивались таким образом, что между отдельными особями всегда оставалось свободное пространство, и это позволяло им блокировать особо свирепые порывы ветра.

Но у краалей был свой секрет. Внимательная Гильфи очень быстро сообразила, что их особое построение и ритмичные взмахи крыльев позволяют пиратам создать некоторое подобие воздушной тяги, которая буквально волокла пленницу вперед, не оставляя ей никакой надежды на побег.

«Настоящая воздушная тюрьма. Что ж, это умно. Даже очень умно».

Желудок у Гильфи дрожал. Она знала, что это не предвещает ничего хорошего.

Какое-то время она надеялась, что размалеванные краали окажутся простаками, которых она сумеет одурачить. Но совы, придумавшие такой хитрый вакуумный туннель, не могут быть глупы. Что ж, раз так, нужно успокоиться и смотреть в оба. Слушать и наблюдать.

Краали разговаривали на грубом диалекте кракиш, однако Гильфи вскоре, к собственному удивлению, обнаружила, что прекрасно их понимает. Оказывается, за время пребывания в обители братьев Глаукса она заметно улучшила свое знание древнего языка.

Они летели долго. Вот уже ночь стала бледнеть в преддверии рассвета. Гильфи внимательно посмотрела на последнюю гаснущую звезду и запомнила ее положение относительно поднимающегося солнца.

Очень хорошо, значит, они летят на северо-восток. По ее прикидкам, сейчас они должны были находиться где-то между Горьким морем и заливом Клыкков. Внизу, насколько хватало глаз, простирались ледяные равнины. При свете занимающегося утра Гильфи отчетливо видела, что трещины между льдинами здесь сине-зеленого цвета, а совсем не ярко-синие, как обычно. Значит, море Вечной Зимы осталось позади.

И тут Гильфи осенило. Они летели к Гратгарскому глетчеру!

Поднимающееся из-за горизонта солнце на глазах зеленело. Вот оно уже приобрело цвет густого мятного сиропа. А потом впереди выросли зубчатые пики совершенно безумного, пронзительно-синего цвета.

«Теперь я понимаю, откуда у краалей такая тяга к безумным расцветкам!» — хмуро подумала Гильфи.

Наверное, в этом пустынном, скованном льдом и укутанном снегом краю свет и воздух были своего рода призмой, в которой абсолютная белизна окружающего мира — земли и льда, скал и вершин — причудливо преломлялась, рассыпаясь на все цвета радуги.

«Интересно, где они гнездятся? Скорее всего, в ледяных пещерах, поскольку вокруг не видно ни единого деревца. Я снова буду сходить с ума от тоски по деревьям!» — вздохнула Гильфи.

Однако она понимала, что в ее положении меньше всего стоит огорчаться из-за отсутствия дупла. Было очевидно, что краали похитили ее не просто так, а с какой-то целью. Но с какой? Может быть, она нужна им как заложница? Но какую ценность она может представлять для разноцветных северных пиратов?

Вскоре выяснилось, что логово пиратов находится вовсе не среди ледяных вершин, а в довольно уютных земляных норах между камнями. Гильфи поместили в тесную каменную пещеру, возле которой выставили круглосуточную стражу.

Как ни странно, но вместо ожидаемого льда поверхность глетчера оказалась покрытой упругим ковром из мха, лишайника и незнакомых Гильфи низкорослых, стелящихся кустарников.

Она когда-то читала о таких местах, кажется, они называются странным словом «тундра». Внизу, подслоем мелкой растительности находится многолетняя, никогда не тающая мерзлота, а наверху, в краткий период северного лета в тундре расцветают неприметные цветы и поспевают ягоды.

По ночам здесь выли волки, и это сводило Гильфи с ума. Она и без того была измучена пребыванием в тесной пещере, из которой ей ни разу не позволили вылететь. Зато из пещеры было видно главное пиратское логово, и Гильфи могла наблюдать за своими похитителями.

От увиденного у нее скоро голова пошла кругом.

Совы, придумавшие воздушные туннели для транспортировки пленников, должны были быть очень умны, но сколько ни смотрела Гильфи, она не разглядела в краалях ничего, кроме суетливости и глупости.

Они полировали до зеркального блеска огромные пласты подземного льда, который на краиш назывался «иссен гляссен», и целыми днями крутились перед ними, раскрашивая себе перья и любуясь собственным отражением. Красками краалям служил сок различных ягод и растений, покрывавших тундру в период короткого лета.

Прежде Гильфи много думала о зеркалах и тщеславии. Однажды они с Сореном, Сумраком и Копушей едва не стали жертвой зеркал. С тех пор Гильфи знала, что тщеславие обманчиво, поскольку несет с собой не силу, а слабость.

Во время долгого путешествия в поисках Великого Древа они с друзьями случайно залетели в загадочный край Клювов, который едва не стал для них могилой. Зачарованные своими отражениями в глади зеркальных озер, друзья почти забыли, что значит быть совами. Они забыли о своем путешествии, о долге и даже об опасности и чуть не погибли, замороженные зеркалами озер и собственным тщеславием.

Страшно представить, что случилось бы с ними, если бы не мудрая миссис Плитивер, старая домашняя змея и подруга Сорена. Она задала всем четверым такую трепку, что они вовремя опомнились.

Внезапно Гильфи пришел на память отрывок из книги Виолетты Чужекоготь: «Безумие тщеславия стало наказанием и проклятием павлина. Эта птица почти разучилась летать, но, довольная своим жалким уделом, нелепо ковыляет по земле на радость бескрылым созданиям. Омерзительное бахвальство павлина может соперничать лишь с его отвратительной глупостью...» Там дальше было еще что-то очень интересное, но Гильфи никак не могла вспомнить, что именно.

Она снова выглянула из пещеры.

Двое ее тюремщиков вертелись перед ледяными зеркалами, хвастаясь друг перед другом окраской своих хвостовых перьев. Оба были здоровенными совами, вчетверо больше Гильфи, к тому же вооруженными ледяными кинжалами. Гильфи ни секунды не сомневалась в том, что ее стражники умеют отлично пользоваться этим оружием.

Но должен же быть какой-то выход! Может быть, ей удастся как-нибудь использовать тщеславие краалей?

Гильфи до сих пор не знала, зачем ее здесь держат и сколько у нее времени. Для каких целей этим напыщенным совам понадобилась она, крошечный сычик-эльф, совершенно беспомощный в краю, где дуют свирепые кататические ветра? Они должны считать ее никчемным и бесполезным созданием, от которого одни хлопоты. Ведь ее нужно кормить и стеречь, чтобы не улетела... Для чего же они ее похитили?

Гильфи и не подозревала, что уже через несколько секунд узнает разгадку.

Сначала послышался шелест, будто кто-то полз к ее пещере по камням. Затем на миг стало темно, и в отверстие входа просунулась тяжелая голова старого кильского змея.

Два огромных клыка угрожающе сверкнули в полумраке.

— Грагг?! — ойкнула Гильфи.

ГЛАВА XV

Подозрение и прозрение

После вечернего медитативного полета Твилла вернулась в свое дупло и, как и ожидала, застала его пустым. Интересно, куда подевалась эта жалкая старая совка со своим порочным змеем?

В следующий миг Твилле стало стыдно за то, что она в мыслях назвала Ифгара «жалким».

«Не подобает сестре Глаукса так отзываться от ближнем своем!»

Много лет она ухаживала за Ифгаром, которого искренне жалела, но так и не сумела полюбить. Глаукс велит прощать своих врагов, поэтому Твилла простила Ифгару предательство брата, доблестного Лизэ из Киля, и всего Кильского Союза.

Перед тем как навсегда покинуть обитель, Лизэ предсказал, что когда-нибудь его несчастный брат тоже прилетит сюда в поисках заботы и милосердия.

«Я надеюсь, что он найдет в этой обители приют и помощь, как нашли их здесь мы с Октавией», — добавил великий воин.

Впрочем, ему самому помощь была не слишком нужна. Лизэ просто требовалось время и одиночество, чтобы оправиться от потери своей любимой Лил.

Зато Ифгару нужно было все, причем без отдачи. Из Ледяных Когтей его выгнали, после чего предатель почувствовал себя преданным и впал в черную меланхолию.

Прибывший вместе с ним змей оказался отвратительным созданием, но, к счастью, большую часть времени он был навеселе или вдребезги пьян.

И все-таки этот противный Грагг был единственным близким Ифгару существом, поэтому Твилла заставляла себя быть к нему снисходительной.

Но в последние несколько недель с ними обоими стали происходить некие изменения, поначалу едва заметные.

Начать с того, что Грагг неожиданно перестал пить — Твилла давно уже не видела его пьяным. С Ифгаром все было гораздо сложнее. Сначала Твилла заметила непривычный блеск, появившийся в его, казалось, навсегда потухшем взгляде. Он стал заметно лучше летать, а потом наступила ночь, когда Грагг вдруг заявил, что они с Ифгаром хотят полетать вместе.

— Вместе? — опешила Твилла.

— Да-ссс, вмессте, — прошипел Грагг.

— Ты уверен, что он справится? Ты же знаешь, он уже много лет не летал со змеей на спине.

— С-справитс-ся, с-справитс-ся! Честно говоря, мы с ним уже нес-сколько раз летали, правда, недалеко.

— Вот как? — Твилла была потрясена.

«Когда же они успели?» — пронеслось у нее в голове.

— Послушай, короткие полеты — это одно. Но ты, по-моему, имеешь в виду какой-то длинный

перелет, верно? Если так, то я не могу отпустить вас одних. Я полечу с вами.

— Пос-слушай, Твилла, — твердо, но в то же время по-змеиному вкрадчиво начал Грагг, — тебе не о чем бес-спокоиться. Уверен, ты обратила внимание, что я вот уже несколько дней не брал в рот ни капли морошничкового сока. Я трезв, как лед.

— Да, Грагг, я заметила.

— Я дал обет.

— Глаукс Милосердный! Я потрясена!

— Да, Твилла. Брат Тор сказал то же самое. Я смогу позаботиться об Ифгаре. Я... я просто не знаю, как сказать... — Грагг замялся и в притворном смущении покачал головой. — Надеюсь, ты поймешь меня. Я хочу уважать себя, хочу снова поверить в свои с-силы. Ифгару это тоже очень нужно, особенно с-сейчас. Вот почему я прошу тебя позволить нам полететь одним. — Он помолчал и серьезно посмотрел на Твиллу: — Мы с Ифгаром много пережили, Твилла. Мы совершили много такого, чем вряд ли можно гордиться... Но я уверен, что мы оба постепенно вос-сстанавливаем свои силы и души. Мы на правильном пути, Твилла.

Болотная сова растерялась. Она и подумать не могла, что этот мерзкий змей способен на такие речи! Грагг был трезв и скромн, он почти вызывал симпатию.

— Хорошо, Грагг. Я все понимаю. Думаю, ты принял правильное решение.

— Я знал, что ты обязательно меня поймешь, Твилла. Ведь ты знаешь нас лучше и дольше всех.

Сидя в дупле, Твилла снова припомнила это разговор, состоявшийся несколько недель тому назад. С тех пор Ифгар и Грагг несколько раз улетали с острова, зачастую пропуская медитативный полет. Где они проводили время? Все это становилось подозрительным.

Твилла долго размышляла и, в конце концов, решила проследить за странной парой.

Это было непросто, тем более с ее-то больным крылом! Но дело явно того стоило.

Прежде всего Твилла с удивлением обнаружила, что Ифгар с Граггом летают не на юг, а на восток, к Гратгарскому глетчеру. Но что им там нужно? Все Северные Царства знали, что в этом Глауксом забытом месте нет совершенно ничего — ничего, кроме наемников и краалей!

Крыло болело невыносимо, однако в свое время Твилла была одним из лучших навигаторов Северных Царств и превосходно разбиралась в ветрах. Сейчас это сослужило ей отличную службу.

Она умела использовать самые разные воздушные потоки и вихри, чтобы давать отдых измученным крыльям.

В краю безлиственной тундры приходилось проявлять особую осторожность. Любая сова естественной окраски выглядела белой вороной среди кричаще размалеванных краалей, населявших земли вокруг глетчера.

К счастью, Твилла умела превосходно летать над самой землей, где стелящиеся кустарники и прочая редкая растительность позволяли скрыться от нежелательных взглядов.

День был в разгаре, однако в этих местах никогда не бывало ворон, так что совы могли без

страха путешествовать и в это время суток.

С наступлением зимы в небе над тундрой появлялись бесчисленные охотничьи ватаги, выискивавшие леммингов и землероек-бурозубок, не успевших впасть в зимнюю спячку.

Твилла издалека заметила крааля, вертевшегося возле лужи с краской. Старая сова невольно моргнула — настолько странными были эти ядовито-розовые и алые оттенки посреди тусклого однообразия тундры.

Казалось невероятным, что в таком унылом, бесцветном краю можно отыскать столь яркие цвета. Однако Твилла знала, что красителями краалям служит сок ягод, а также странное вещество, которое здесь называют тундровым самородком.

Но в целом и краски, и рисунки краалей были на редкость примитивными.

Глауксовы братья были несравненно более искусными художниками и красильщиками. Разумеется, они никогда не разрисовывали своих перьев. Разукрашивать себя, тем самым изменяя данную Глауксом окраску оперения, считалось в обители кощунством и покушением на совиную природу. Глауксовы братья использовали краски лишь для украшения книг и манускриптов.

Вскоре Твилла заметила неаккуратную грудку камней, вроде тех, в которых тундровые краали обычно устраивают свои наземные гнезда. Приземлившись, она забралась в чахлые кусты, достаточно густые, чтобы полностью скрыть ее из виду.

Необходимо было ждать. Ждать и наблюдать, чем тут занимаются Ифгар с Граггом.

— Глаукс! — невольно ухнула Твилла, поспешно юркнув подкует. Из щелей между камнями показались крашенные совы.

Твилла съежилась, и легкие пушинки ее плюмажа опали и плотно прилегли к телу, как всегда происходит, когда сова чем-то очень напугана. Крупная сова с пушистым оперением вдруг стала совсем маленькой, когда заметила, как два огромных пирата выводят из расщелины среди камней крошечную сову с привязанной к лапе веревкой.

Твилла мгновенно узнала узницу! Это же милая маленькая Гильфи, которая совсем недавно гостила у них в обители! Но еще ужаснее было то, что среди сопровождавших пленницу были Ифгар и Грагг.

«Великий Глаукс, что эти разбойники собираются сделать с малюткой-сычином?!»

Твилле недолго пришлось задаваться этим вопросом.

Она повернула голову и направила свои ушные щели в сторону пиратов. Слух у болотных сов пусть и не такой великолепный, как у сипух, но тоже исключительно тонкий, к тому же Твилла сидела с подветренной стороны, так что звуки относилось в ее сторону.

— Итак, мы предоставляем тебе выбор, — говорила полярная сова, выкрашенная как Глаукс знает что.

Твилла напрягла зрение. Скорее всего, это был предводитель пиратов, поскольку именно полярные совы чаще всего возглавляли пиратские шайки.

— Или ты расскажешь этим совам все, что они хотят, — продолжал крааль, — или мы оставим тебя здесь на растерзание волкам. И предварительно свяжем хорошенько, как миленький маленький подарочек. Волки всегда облизываются на сов, так отчего бы не доставить им долгожданную радость?

«Оставить маленького сычика на съедение волкам?!» — Твила зажмурилась. У нее даже клюв распахнулся при мысли о таком неслыханном злодействе.

— И нам тоже польза, — вмешался второй крааль. — Нам эта услуга ничего не будет стоить, а волки будут благодарны. За такой лакомый кусочек они покажут нам места, где растет осока с золотыми ягодками!

«Им нужна золотая краска! — догадалась Твилла. — Ну конечно, только золота им недоставало... Ради того, чтобы поярче размалевать свои перья, они готовы принести в жертву живую сову!»

Это просто в голове не укладывалось! Однако Твилла и раньше слышала, что невежественные краали принимают на веру множество суеверий и шарлатанских идей; в частности, они всерьез верят в то, что из плодов золотистой осоки можно получить золото.

Глауксовы братья никогда не питали таких иллюзий. Они использовали сок этих ягод для позолоты книжных переплетов и миниатюр, украшавших страницы манускриптов.

Получение золотой краски было делом сложным и трудоемким. Краалям такая работа явно была не под силу. Наверное, именно поэтому пираты до сих пор не сумели ни разыскать нужный вид осоки, ни выдавить из нее сок.

Твилла встrepенулась, услышав густой, тягучий голос Грагга:

— Сейчас еще утро... Волки появятся только к ночи. У тебя есть целый день, чтобы подумать.

«Да провались ты в Хагсмир, негодник! Тебе-то зачем все это понадобилось? Какие сведения эти мерзавцы хотят получить от сычика-эльфа?»

Твилла была вне себя от бешенства. Нужно было во что бы то ни стало придумать способ спасти Гильфи, которая никому не причинила зла.

Но тут мысли Твиллы были прерваны скрипучим старческим голосом, который она сразу же узнала.

Ифгар! Ифгар заговорил! За все годы, проведенные в обители, он произнес всего несколько слов, да и то весьма бессвязных. Вот почему Твиллу до самых перьев потрясло, что старый изменник не только заговорил, но завел речь на хуульском, а не на кракиш.

— Поняла, малютка? — скрипуче начал Ифгар.

«Великий Глаукс! — подумала Гильфи. — Он обращается ко мне по-хуульски. Значит, я уже не могу притвориться, что не понимаю, о чем речь».

— Я сгораю от нетерпения вновь увидеть моего дорогого брата, любимого Лизэ, или Эзилриба, как его теперь называют. Кто старое помянет — тому глаз вон, верно? Я слышал, что в Южных Царствах творятся страшные дела. Какие-то нехорошие совы, которые называют себя Чистыми, угрожают Великому Древу... Мы все знаем, что на Великом Древе живут хорошие совы,

славные Ночные Стражи, достигшие самого высокого уровня развития во всем совином мире. Видишь ли, малютка, в такой час я не могу оставаться в стороне. Я могу использовать свое влияние в союзе Ледяных Когтей, ведь с тамошними совами меня связывает крепкая дружба и старая преданность...

«Лопни мой желудок! Что за енотий помет! — процедила про себя Твилла. — Эту мерзкую птицу с позором вышвырнули из Ледяных Когтей и запретили клюв показывать обратно... Вот только знает ли об этом малютка-эльф?»

Тем временем Ифгар продолжал:

— Только представь, как будет славно, если я приведу на помощь брату целую дивизию из Ледяных Когтей? Но чтобы начать действовать, я должен точно знать, какая помощь от меня требуется. Ты расскажешь мне об этом, правда? Что представляет из себя войско Ночных Стражей? Когда они планируют напасть на Чистых? Я должен это знать, иначе ничего не получится. Союзу Ледяных Когтей должно быть известно, как обстоят дела на Великом Древе, иначе он не сможет прийти ему на помощь. Ты ведь меня понимаешь, правда? Гильфи лихорадочно соображала.

Твилла тоже отчаянно пыталась придумать план спасения сычика-эльфа.

Всего из каменной пещеры вышло семь сов. Две, судя по их виду, были охранниками Гильфи, остальные пять тоже выглядели весьма угрожающе. Да еще Ифгар с Граггом, и Глаукс знает, не остались ли в гнезде другие краали, готовые в любой момент выскочить наружу.

«Хотя вряд ли», — подумала Твилла. В это время совы обычно охотятся в тундре. Она снова моргнула.

Похоже, краали собирались улетать. Сразу несколько сов, развернув крылья, вспорхнули на вершину высокого камня, чтобы поймать восходящий ветер. Однако те двое, в которых Твилла сразу угадала стражников, повели пленницу обратно в пещеру.

Болотная сова осторожно выползла из-под куста. Теперь здесь становилось опасно. Поднявшись в воздух, краали немедленно ее заметят. Смешно сказать, но в этом безумном месте сова с обычным оперением сразу бросалась в глаза!

И тут Твиллу осенило.

«Точно! Я должна покраситься! И не просто покраситься, а вызолотить себе перья краской из сока ягод золотистой осоки. Ведь я-то и без всяких волков знаю, где их искать!»

Когда-то давно Твилла сама работала в скриптории обители под руководством старого позолотчика.

Дождавшись, когда пираты скроются из виду и берег снова опустеет, Твилла поднялась в небо и полетела в противоположную сторону. Лететь было недалеко, ведь она точно знала, где искать нужные ягоды.

Обнаружить их было не так-то просто, ибо в тундре растет бесчисленное множество разновидностей осоки, но Глауксовы братья открыли, что золотые ягоды дает только трава из так называемого «золотого треугольника».

По непонятной причине волки обладали безошибочным нюхом на эти ягоды, а вот совы такой

способностью похвастаться не могли.

Чтобы отыскать золотистую осоку, нужно было обладать познаниями в ботанике и геологии, а, отыскав, приходилось столкнуться с трудностями получения краски.

Для извлечения золотистого сока нужно было осторожно зажать каждую ягодку между двумя клочками ягеля. Разве под силу это нетерпеливым и глупым краалам? Но Твилла все это знала и умела!

Она знала, что Гильфи — сова с сильным разумом и желудком и что она скорее умрет, чем предаст Ночных Стражей и Великое Древо Га'Хуула. Твилла же не допустит, чтобы храбрая малютка была отдана на растерзание волкам!

ГЛАВА XVI

Неправедный союз

Сорен и его друзья стояли перед членами парламента Великого Древа.

Первым делом они сообщили страшную новость о похищении Гильфи. Мрачное настроение, воцарившееся в парламенте, слегка прояснилось, когда Отулисса доложила о своих разысканиях в области использования холодного огня.

Потом наступила очередь Сорена. Ему похвастаться было нечем. Ни дивизия Глаукса Быстрокрылого, ни Ледяные Клювы, ни кильские змеи не дали согласия принять участие в войне против Чистых.

Ледяное оружие, лежавшее на полу зала заседаний, выглядело насмешкой над всей экспедицией. Несколько мечей и ятаганов, даже в случае если Сорен и его «стая» сумеют обучить других сов ими пользоваться, погоды не сделают.

Но Сорен все-таки заставил себя заговорить. Подавив дрожь в голосе, он коротко доложил обо всем случившемся.

— Как видите, — закончил он, — мы не сумели добиться от Северных Царств помощи. Я до последнего дня надеялся, что они созовут внеочередное заседание парламента. Но они этого так и не сделали. Я ждал и поэтому откладывал отлет... — Он понурил голову и еле слышно проговорил: — Из-за этой отсрочки мы потеряли Гильфи. Если бы мы вылетели вовремя, ее бы не похитили. Я несу полную ответственность за это... — Тут голос его сорвался, и Сорен замолчал.

Эзилриб, не говоря ни слова, пристально смотрел на него, а Борон и Барран задали всего несколько вопросов. Да и о чем тут было спрашивать?

Никогда в жизни Сорен еще не чувствовал себя таким несчастным. Но он даже не представлял, что самое страшное еще впереди и что через несколько минут после выхода из парламента ему станет совсем плохо.

Однако именно так и случилось. Он сидел, судорожно вцепившись когтями в жердочку дупла, которое делил с Сумраком и Копушей, и смотрел на пустое гнездышко Гильфи — такое маленькое, не больше чайной чашки, которую Торговка Мэггз несколько раз безуспешно пыталась им продать, и такое безупречно аккуратное, каким могло быть только гнездо Гильфи.

Да-да, она всегда говорила, что мох нужно укладывать именно так... Гнездо самого Сорена представляло собой неопрятную грудку мха, веток и листьев, громоздившихся в углу дупла.

Но страдания Сорена еще только начинались. Видимо, судьбе мало было отнять у него Гильфи, лишить самого лучшего и самого близкого на свете друга, мало ей было даже провала экспедиции и гибели надежды на помощь из Северных Царств! Нет, Сорену был Уготован еще один, самый страшный удар.

Он до сих пор начинал безотчетно дрожать при одном воспоминании о том, что увидел, когда впервые после долгого отсутствия влетел в обеденную залу. Там сидели они — те, кто когда-то похитил его и Гильфи!

Визг и Ищейке восседали за одним столом с членами свиного парламента.

Одного вида этих мерзких старых сов за столом-змеей рядом со славными Вороном, Барран, Эзилрибом, Бубо и Элваном было достаточно, чтобы Сорен отрыгнул погадку в свой суп из ягод молочника.

Даже змея, за которой сидели важные едоки, мелко дрожала. Это была старая домашняя змея по имени Симония, известная особой осторожностью: она никогда не проливали ничего из того, что стояло у нее на спине, и поэтому всегда обслуживала членов парламента. Вообще-то парламентарии редко обедали вместе и садились за отдельный стол лишь в случае приема важных гостей.

«Кого они считают важными гостями? Этих тварей из каньона?!»

Нет, это было просто невероятно!

Сорен развернулся, вылетел из столовой и вернулся в свое дупло, где предавался горьким размышлениям о скорой гибели всего свиного мира.

Он услышал тихий шелест снаружи. Затем раздался ласковый голос миссис Плитивер:

— Сорен, мальчик мой, ты позволишь мне войти?

— Разумеется! Почему бы нет? — буркнул он.

Миссис Плитивер вползла в дупло, устроилась под жердочкой Сорена, но потом передумала и спросила:

— Можно мне забраться на твою жердочку, милый?

— Конечно.

Минуту или две миссис Плитивер молчала, старательно обвиваясь вокруг жердочки, а потом тихонько ткнулась головой в когти Сорена.

— Я знаю, что ты сейчас чувствуешь...

— Нет, не знаете! Я не желаю об этом говорить, миссис Плитивер!

Слепые змеи отличаются очень сильно развитой чувствительностью, но чувствительность миссис Плитивер была совершенно исключительной. Эта змея, если можно так выразиться, была чешуйчатым камертоном, способным воспринять самые тонкие оттенки эмоций и

настроений другого существа. Что уж говорить о Сорене, которого она знала с самого момента его появления на свет!

Вот и сейчас мудрая змея промолчала, будто не заметив грубого ответа своего любимца.

«Раз, два, три, четыре», — считала она про себя. Она знала, что Сорен взорвется ровно через четыре удара сердца, и как всегда, оказалась права.

— Вам никогда этого не понять! — заорал Сорен. В нем все клокотало от ярости, и он действительно не желал говорить о случившемся.

— Я не могу понять этого так, как понимаешь ты, — очень спокойно заметила мисс Плитивер. — Но это не означает, что мне недоступны твои чувства. А теперь я расскажу тебе то, что понимаю. Сегодня ты пришел в обеденную залу и увидел там тех самых сов, которые когда-то похитили тебя, держали в заточении и заставили пройти через все ужасы Сант-Эголиуса. Я понимаю, что ты потрясен до самого дна желудка. Ты увидел в этом невыносимый вызов всем своим чувствам и представлениям.

— Да! Вы только представьте — Эзилриб, сам Эзилриб сидел с ними за одним столом!

— Надеюсь, ты обратил внимание, что он не проронил ни слова до самого конца обеда... Ох, прости старую змею! Я совсем забыла, что ты сразу же покинул зал. Однако так оно и было.

— И что из этого? Он все равно сидел с ними за столом, правда? Этого я не могу понять!

— Что ж, это твое право. Однако в лихую годину товарищей выбирать не приходится!

— Bravo, миссис Плитивер! Ваше замечание может выиграть приз «Шутка года» и даже столетия! — процедил Сорен, наклоняясь к слепой змее. — А теперь послушайте, что я скажу. Это бесчестный и преступный союз, и я никогда с ним не смирюсь!

— Я понимаю, милый. Но разве у нас есть выбор?

Сорен понимал, что миссис Плитивер права.

Несколько часов назад он узнал, что Чистые получили новое подкрепление. Они вторглись на земли Далеко-Далеко, где было множество наемников, готовых с радостью наняться в войско за пару блестящих когтей, кремней или наконечников для своих грубых копий. Да какие там наконечники, эти бродяги были рады продаться за еду, столь редкую в бесплодном краю Далеко-Далеко!

— Повторяю вам — это преступный союз!

— Вот ты где! — раздался высокий голос, влетевшей в гнездо Отулисы. Следом показались Копуша с Сумраком.

— Угадай, что я тебе скажу?

— Знать не знаю и знать не желаю, — огрызнулся Сорен.

— Рано или поздно все равно узнаешь, — заявила Отулисса, да таким веселым тоном, что Сорен чуть не поперхнулся от бешенства.

— Послушай, душечка... — почти взмолилась миссис Плитивер, — пусть лучше Копуша нам

расскажет.

— Копуша? — с нескрываемым удивлением переспросила Отулисса. — При чем тут Копуша? Он же не входит в эскадрилью истребителей Стрикс Струмы!

— Зато он находится в запасе Жар-дружины, — с плохо скрытым раздражением прошипела миссис Плитивер.

— А разве Жар-дружина тоже участвует? — переспросил Сумрак.

— В чем участвует? — спросил Сорен, почувствовав недоброе.

Жар-дружина, или Огневой эскадрон, первоначально состояла из членов Лучшей в мире стаи, которые первыми научились сражаться горящими ветками.

Копуша вспорхнул на жердочку рядом с Сореном и вдруг растерялся, вспомнив, что это было любимое место Гильфи.

— Прости меня, Сорен, я не должен был забывать... — Он с готовностью приподнял крылья, чтобы перелететь в другое место.

— Все в порядке, не беспокойся, — остановил его Сорен. — Что ты хотел мне сообщить?

— Видишь ли, Сорен... Нам поручили научить Виззг, Ищейке и остальных сов Сант-Эголиуса обращению с огненным оружием.

Сорен разинул клюв и едва не рухнул со своей жердочки.

— Ты шутишь! Неужели наш парламент дружно сошел с ума? Мало нам было, что в этом проклятом Сант-Эголиусе хранился самый большой запас крупинок, пусть даже эти тупицы и не умели им пользоваться! Но огненное оружие — это совершенно другое дело. Огонь опасен! И вы предлагаете добровольно передать это смертельное оружие в когти этих глупых и злобных сов? Да они не просто злы, они преступны! Это настоящие маньяки, если хотите знать!

Друзья растерянно переглянулись. Было очевидно, что никто из них не ожидал, что Сорен примет эту новость так близко к сердцу. Некоторое время они молчали, не зная, что ему ответить.

— Я отказываюсь в этом участвовать, ясно? Категорически отказываюсь! Если меня заставят обучать этих тварей, я навсегда покину Великое Древо! Да я лучше улечу в Северные Царства и поселюсь в обители Глауксовых Братьев или буду искать Гильфи! Да, так я и сделаю. Я стану Глауксовым братом, буду предаваться созерцаниям и молитвам, буду рисовать миниатюры для манускриптов... и... и чем там они еще занимаются? Может быть, стану изучать медицину, как тот пятнистый принц, в которого влюбилась наша Отулисса.

— Ни в кого я не влюблялась! — взвизгнула Отулисса. — И вообще, в этом мире достаточно одного Клива, два — это уже перебор.

— Я сказал что сказал. Клянусь огненным Хагсмиром, небесной Глауморой и зелеными лесами Глаукса, что никогда не буду обучать Виззг и Ищейке обращаться с огненным оружием. Это разорвет мне желудок, ясно? Это мое последнее слово!

ГЛАВА XVII

Гильфи вернулась в пещеру ни жива ни мертва. Она была слишком потрясена, чтобы думать.

Волки, острые клыки и кровожадные хищники — этими опасностями матери пугают своих неоперившихся птенцов, чтобы те не высывались из родительского гнезда.

И вот теперь она, Гильфи, с наступлением ночи будет растерзана этими самыми голодными волками! Ну, какой смысл волку есть такое крошечное существо, как сычик-эльф? Да большому зверю ее и на один зуб не хватит!

Гильфи зажмурилась и приказала себе не думать о размерах волчьей пасти, длине зубов и силе клыков.

Мысли ее были прерваны истерическими воплями стражников.

«Глаукс Великий, отчего это они так переполошились?» — поразила Гильфи.

— Гляди! Да гляди же! — закричал первый стражник.

— Он летит прямо сюда! Клянусь когтями, быть того не может! — подхватил другой.

В голосах краалей слышался неподдельный трепет. Они судорожно хватали клювами воздух.

Гильфи выбралась в небольшой коридор и, насколько позволяла привязанная к лапе веревка, придвинулась к выходу. Потом с любопытством высунулась наружу.

Стоял ясный день. Небо было безоблачным. Но что за сияющее облако движется прямо к пиратскому логову?

— Это... это... — залепетал один из стражников.

— Это золотая сова!

— Не просто золотая сова, Плинк! Это же Глаукс!

— Точно, Флинк! Значит, мы с тобой избранники! Я всегда это чувствовал! Я — сова-избранник, и ты тоже... Золотой Глаукс явился нам с тобой! Говорят, он приходит раз в столетие.

— Что такое столетие?

— Сам точно не знаю, да какая разница?! Короче, не часто выпадает такая удача! Он пришел отвести нас с тобой к месту, где растут золотые ягоды! Теперь мы с тобой Глауксовы помазанники!

— Чем помазанники?

— Откуда я знаю, я же не Глаукс! Наверное, это что-то вроде благословения. Понял, Флинк? Да, мама мне что-то рассказывала про благословение... Мы святые, Флинк!

— Постой, Плинк, мы же пираты! Разве пираты бывают святыми? Подумай своей башкой, какой смысл становиться пиратом, если ты настолько хорош, что можешь стать святым?

Гильфи просто не знала, чему больше изумляться — то ли безумному разговору стражей, то ли золотоперой птице, которая медленно перемещалась в воздухе в их сторону, делая огромные взмахи сверкающими на солнце крыльями.

Когда странная птица начала спиралью спускаться к земле, Гильфи увидела, как оба стражника пали ниц, уткнувшись клювами в мох. Это тоже было странно, совсем не по-совиному.

«Совы не ползают по земле! Совы не пресмыкаются, — сурово подумала про себя Гильфи. — Глаукс Премудрый, что тут происходит?»

И вдруг она все поняла.

«Им кажется, будто они видят перед собой Глаукса!»

Гильфи едва сдержалась, чтобы не расхохотаться. Потом моргнула и всмотрелась пристальнее.

Разумеется, эта позолоченная сова не имела никакого отношения к Глауксу, но все же что-то в ее облике показалось Гильфи знакомым. Ну конечно же! Это же помощница и сиделка Ифгара, старая болотная сова Твилла! Но что она здесь делает? Может быть, разыскивает Ифгара? И для чего она выкрасила себе перья?

Твилла сверху вниз посмотрела на распростертых на земле стражников и моргнула. Этого она не ожидала. И тут малютка-эльф, волоча за собой длинную веревку, приблизилась к выходу и еле слышно прошептала несколько слов на хуульском.

— Они думают... что ты ГЛАУКС, — последнее слово Гильфи произнесла по буквам, чтобы Твилла поняла самое главное.

Твилла снова заморгала и поспешно захлопнула клюв, из которого уже готов был вырваться изумленный вопль.

Ну конечно! Должно быть, бедняги пали жертвой собственного суеверия.

«Всему виной их глупейшее обожествление золота! Ну что ж, раз они принимают меня за божество, буду вести себя соответственно. Что бы сказал бог на моем месте?»

И тут маленькая пленница снова прошептала по-хуульски:

— Они думают, что ты пришла помазать их, только они не знают чем.

На этот раз Твилла едва сдержалась, чтобы не захихикать.

«Боги не хихикают! — одернула она себя. — Закрой клюв, дурочка!»

Внезапно ее окатил прилив вдохновения.

— Приветствую вас, дети мои! — заговорила она на кракиш.

Стражи переглянулись. Потом тот, которого звали Плинк, робко разинул клюв и срывающимся от восторга голосом пролепетал:

— Зачем ты пришла к нам, Золотая Птица?

— Чтобы помазать вас, дети мои. Ибо я избрал вас, — прогудела Твилла.

— Избрал? — переспросил Флинк. — А для чего ты нас избрал?

— Избрал, дабы вы встали во главе краалей! Я скажу вам, где растут ягоды золотистой осоки, вы отправитесь туда, окунете клювы в золотистый сок и вернетесь обратно, отмеченные золотой печатью Глаукса. По этой печати в вас признают истинных предводителей.

«Великолепно!» — восхитилась Гильфи.

За время своего заточения она только и слышала, как эти стражники часами проклинали свою судьбу и жаловались, что им поручают самую грязную работу, заставляя стеречь проклятую пленницу, когда все остальные краали вволю летают по небу и охотятся на леммингов.

Тем временем Твилла подробно объяснила своим избранникам, куда им следует лететь.

— Летите вдоль пересохшего ручья до того места, где русло поворачивает на восток и где большая скала отгораживает реку от тундры...

— Но... кто же будет вместо нас стеречь пленницу? — спросил Флинк.

— Я, кто же еще! — ответила Твилла.

Стражники рассыпались в благодарностях, но Твилла нетерпеливо перебила их и приказала:

— Отправляйтесь в путь! Вы должны быть здесь до возвращения своих будущих подданных.

— Подданных? — всполошились стражи. — Кто такие подданные?

— Не имеет значения, — совсем не по-божественному огрызнулась Твилла.

Когда стражники торопливо поднялись в воздух, она повернулась к Гильфи и вздохнула:

— Ох, я уж боялась, что никогда от них не отделаюсь!

— Вы прилетели, чтобы помочь мне спастись?

— Ну конечно!

— Но разве... простите... но разве вы не с ним... не с Ифгаром?

— Нет! Слушай, детка, у нас нет времени на болтовню. Надо поскорее распутать этот узел... Ты не знаешь, где они прячут ледяные кинжалы?

— Нет...

— Ладно, сама посмотрю. А ты пока попробуй просунуть коготь в узел и ослабить его.

Вскоре Твилла вернулась с ледяным кинжалом в когтях. Однако он оказался слишком велик для того, чтобы обрезать узел на крошечной лапке сычика-эльфа. Одно неверное движение, и бедняжка Гильфи рисковала навсегда остаться одноногой. Поэтому Твилле пришлось отправиться на поиски ледяного осколка, гораздо более пригодного для столь тонкой работы.

Распутывая веревки, Твилла на смеси хуульского и кракиш объяснила Гильфи, как следует

летать над территорией Северных Царств:

— Не стоит бояться кatabатических ветров...

— Но они такие сильные и страшные, а я такая маленькая!

— Помолчи и послушай! Мы с тобой будем лететь в воздушной массе, расположенной над ветрами.

— Как это?

— Мы полетим по паровым туннелям.

— По чему? — переспросила Гильфи. Кажется, она впервые слышала о таком явлении — или не впервые?

— Мы называем такое явление паровой ямой. Такие ямы раскиданы вдоль всей территории Северных Царств. Если лететь над землей, не залетая в море, то ям будет еще больше. Разумеется, такой путь будет более долгим, зато он позволит нам избежать кatabатических ветров и спокойно добраться до самых Ледяных Проливов. Понимаешь, паровые туннели вызывают сильные восходящие течения, которые возносят птиц над кatabатическими потоками.

Теперь Гильфи поняла. Она вспомнила, как Отулисса болтала о каких-то паровых ямах, когда читала очередную книгу своей любимой Стрикс Эмеральды. Глаукс Великий! Ну почему она тогда не слушала ее внимательнее?

— Ну вот, — вздохнула Твилла.

Гильфи моргнула и потрясла лапой, освобожденной от веревки.

Однако радость снова обретенной свободы оказалась преждевременной. В следующий миг в одном из многочисленных ледяных зеркал, прислоненных к скалам, мелькнул какой-то разноцветный вихрь. Гильфи испуганно задрала голову и увидела, что небо окрасилось яркими красками, словно где-то над тундрой рассыпалась обезумевшая радуга.

— Они возвращаются! — закричала она.

— Кто? Стражники?

— Нет! Это целое войско... это пираты! Их гораздо больше, чем раньше!

Гильфи снова заглянула в зеркало — и быстро-быстро заморгала. Ну и птицы! Они нарочно расположили зеркала так, чтобы, возвращаясь с западной стороны, видеть свои отражения. Но сейчас солнце уже начинало клониться к горизонту.

«Что, если?...» — В голову ей пришла ослепительная мысль, такая же яркая, как садящееся за море солнце.

— Скорее, Твилла! Нужно приподнять это зеркало и направить его на солнце. Скорее, скорее... Так, теперь следующее...

Твилла заморгала. Она поняла, что задумала эта маленькая сова.

«Очень хитрая маленькая сова!»

— Дагмар! Смотри, куда прешь, идиот непуганый!

— В чем дело? — завизжал еще один пират. — Я не вижу! Я ничего не вижу!

Поднялся хаос, ослепительные цветные пятна заметались в прозрачном небе над тундрой. Ослепленные отражением солнца в зеркалах, совы врезались друг в друга и беспомощно хлопали крыльями.

Пульсирующие лучи света полыхали в воздухе, сбивая сов с курса. Прозрачные веки не могли защитить совиные глаза от беспорядочных вспышек. Куда они летят? Где запад, а где восток? Вниз или вверх? Само небо вдруг раскололось на куски и стало смертельно опасно. Привычный мир тундры рассыпался осколками света — непонятного, ужасного, острого, как тысячи ледяных лезвий.

Пока беспомощные пираты дождем падали с неба, две совы бесшумно поднялись в воздух и взяли курс на восток через юго-восток, чтобы поймать ближайшее теплое восходящее течение.

Внезапно на ум Гильфи пришла книга Виолетты Чужекоготь, в которой говорилось о гибельном тщеславии некоторых птиц.

Виолетта обладала философским складом ума и часто с горечью размышляла о неразумных совах, о которых говорят: «без скрума в желудке». Когда пираты с глухим стуком посыпались с небес на мягкую землю тундры, Гильфи вспомнила, что говорила Виолетта о тщеславии: «Тщеславие — убийца полета, мать падения, тюрьма души».

«Воистину это так! — подумала Гильфи. — Именно так оно и есть!»

ГЛАВА XVIII

Отторжение

— Что-что у него? — переспросил Сумрак.

— Желудочное отторжение, — тихо повторил Копуша.

— Поясни, — потребовал Сумрак.

— Да-да, мне тоже интересно, — с плохо скрытым недоверием фыркнула Отулисса.

Копуша крепко сжал клюв, закрыл глаза и медленно сосчитал про себя до трех...

«Нет, все-таки лучше до пяти», — передумал он, тщетно пытаясь подавить раздражение на Отулиссе.

Наконец он заговорил:

— Эзилриб назвал состояние Сорена «желудочным отторжением». Такое случается, когда сова сталкивается с чем-то, что по-настоящему потрясает ее сознание, оскорбляет врожденное чувство добра и зла, оказывается непереносимой тяжестью для ее желудка. В этом случае у совы наступает желудочное отторжение, и лучше оставить ее в покое и поручить какое-нибудь Другое дело.

— Это не объяснение, а вонючая куча енотьего помета! — взорвалась Отулисса.

Копуша и Сумрак растерянно захлопали глазами. Отулисса никогда не ругалась, а упоминание енотьего помета считалось вопиющим нарушением свиных приличий. Но сейчас пятнистая сова была вне себя от ярости — друзья не видели ее такой разгневанной с той самой ночи, когда погибла Стрикс Струма.

— Да это просто измена, вот как я такое называю!

Кровь бросилась в голову Копуше. В бешенстве он взмыл к потолку тесного дупла и приготовился накинуться на Отулиссу. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не вмешался Сумрак:

— Эй, полегче! Закройте клювы, оба. Успокойся, Копуша. А ты, Отулисса, немедленно возьми свои слова назад.

— Какие еще слова?!

— Те, что ты только что сказала о Сорене, — спокойно ответил Сумрак. — Это неправда, и ты об этом знаешь. Тебе должно быть стыдно. — Он укоризненно потряс когтем перед клювом распушившейся Отулиссы. Сам Сумрак тоже разозлился и стал почти вдвое больше ростом, заполнив собой все тесное дупло. — Немедленно возьми свои слова назад, или я тебя сброшу отсюда прямо в Хагсмир!

— Ладно, — злобно прошипела Отулисса. — Беру свои слова назад. Сорен не изменник, но он ведет себя странно и вызывающе, отказываясь обучать сов из Сант-Эголиуса навыкам обращения с огненным оружием.

— Странно — это другое дело, — согласился Сумрак. — Со странностями мы готовы смириться. Теперь твоя очередь, Копуша. — С этими словами великан обернулся к пещерной сове: — Ты видишь какой-нибудь выход из этой ситуации? Что именно можно поручить Сорену, раз уж он категорически отказывается иметь дело с этими из Сант-Эголиуса?

Копуша с Отулиссой снова разинули клювы и во все глаза уставились на Сумрака. Это было нечто новенькое!

Похоже, роль миротворца прилась Сумраку по душе, и он искренне наслаждался своим новым положением.

— Нет, мне ничего не приходит в голову, — признался Копуша. — Сейчас он разговаривает с Вороном, Барран и Эзилрибом. Кажется, Бубо тоже присутствует.

— В зале парламента? — уточнила Отулисса, и в глазах ее зажегся странный огонек.

— Кажется, да, — ответил Копуша, не понимая, куда она клонит.

— Так чего же мы ждем? — воскликнула Отулисса. — Полетели в корни!

— Отличная мысль, — просиял Сумрак.

И только Копуша не был в этом уверен.

Сорен тоже не был уверен в том, что ему следует встречаться с членами парламента.

Старшие совы расселись на согнутой полукругом белой березовой ветке. Вообще-то парламент состоял из двенадцати членов, но сегодня в зале присутствовали только четверо, из чего Сорен заключил, что ему собираются открыть какую-то очень важную тайну.

Сколько раз они с друзьями подслушивали секретные заседания! Сколько раз прокрадывались в странное место среди корней, где по неизвестной причине был слышен каждый звук и каждое слово, произносимое в расположенном наверху зале!

К сожалению, Сорен не мог посоветовать парламентариям перенести секретное заседание в другое место, ибо в этом случае выдал бы себя с головой. Сумрак, Копуша и остальные и без того огорчены его стойким желудочным сопротивлением. Они не скажут ему спасибо, если он откроет их тайну!

Нужно придумать что-то, и очень быстро. Если бы только он мог предложить Ночным Стражам какую-нибудь другую помощь!

Кажется, речь шла о его пассивном участии в грядущем огненном сражении... Сорен не очень понимал, что это значит, но, по крайней мере, это избавляло его от необходимости заниматься обучением Визг и Ищейке.

«Если дело как-то связано с огнем, может, предложить им перенести заседание в кузницу Бубо? Старый филин любит показывать свои угли и пламя...»

— Я... Сорен неловко переступил с лапы на лапу на жердочке, с которой простые совы обращались к членам парламента, — мне только в общих чертах рассказали о том, как бы я мог послужить нашему общему делу... Пассивное участие в несении огненной службы, кажется, так это называется.

Четыре совы — члены парламента — молча кивнули.

— Может быть, нам стоит обсудить это в кузнице Бубо? Думаю, я лучше пойму, о чем идет речь, если Бубо покажет мне на деле...

— Отличная мысль! — проухал филин.

— Но как быть с соблюдением секретности? — нахмурилась Барран.

— Зайдем в пещеру поглубже, — ответил Бубо. — Если хотите, я могу выставить пару домашних змей охранять вход.

— Принято, — решил Борон. — Отправляемся в кузницу!

Копуша, Сумрак и Отулисса тщетно прижимали уши к корням — в зале заседаний парламента царил мертвая тишина. Они недоумевающе переглянулись.

— В чем дело? — еле слышно прошептала Отулисса.

Сумрак и Копуша пожали крыльями. Еще минут пять друзья уныло слушали тишину, а потом, разочарованные, разлетелись по своим гнездам.

Тем временем Сорен и члены парламента собрались в самом дальнем углу пещеры кузнеца. Охрану входа решено было поручить миссис Плитивер. Она была самой надежной домашней змеей, к тому же, в отличие от своих подружек, совсем не любила сплетничать.

Бубо протянул Сорену маленький зеленовато-синий уголек. В самом его центре плясал еле заметный оранжевый язычок. Никогда в жизни Сорену не доводилось видеть углей такого странного цвета.

— Что это? — спросил он, не сводя глаз со странного предмета.

— Уголь.

— Что?!

— Холодный уголь.

— Тот, про который говорила Отулисса?

— Да. Отулисса разыскала формулу холодного огня и ледяного пламени. Благодаря ей я сумел создать холодный уголь.

— И он может пригодиться нам на войне? — недоверчиво спросил Сорен. Сам он очень в этом сомневался. Отулисса пыталась ему объяснить смысл своего открытия, но как-то излишне сложно и путано.

— Разумеется, — коротко ответил Эзилриб. — Холодный Уголь разрушает крупинки и способен уничтожить Дьявольский Треугольник.

— Дьявольский Треугольник? — еле слышно выдохнул Сорен.

Именно такой треугольник, представлявший собой особым образом расположенные мешки с крупинками, однажды полностью нарушил навигационные способности Эзилриба и сделал его беспомощным пленником Чистых. Другьям потребовалось несколько недель, чтобы отыскать своего учителя и спасти его из лап врагов.

— Да, Сорен, ты не ослышался, — сурово сказал Эзилриб. — Я уверен, что Чистые не забыли про это оружие и расставили сразу несколько Дьявольских Треугольников на подступах к каньону Сант-Эголиус. А значит...

«Значит, — думал Сорен на обратном пути в дупло, — в этом и заключается мое пассивное участие! Я не стану учить Визг и Ищейке сражаться, зато я буду участвовать в разрушении вражеской обороны».

Это задание ему предстояло выполнить не в одиночку.

В то время как Отулисса, Копуша и остальные будут обучать уцелевших сов Сант-Эголиуса обращению с огнем, Бубо с Сореном должны были тайно отправиться к скалистым уступам каньона, чтобы, обнаружив тайники с крупинками, подложить в каждый холодные сине-зеленые угли, предназначенные для разрушения Дьявольских Треугольников.

С помощью раздобытой Отулиссой формулы Бубо удалось создать поразительные угли — бездымные, тусклые, едва-едва светящиеся, но обладающие жаром невероятной силы проникновения. Они с легкостью уничтожали крупинки, однако, оставаясь практически холодными, не причиняли никакого ущерба лесам и отдельным деревьям.

Впервые Сорен мечтал, чтобы ночь поскорее подошла к концу и ему не пришлось бы встречаться с Копушей, Сумраком и Отулиссой. Он не мог рассказать им о своем секретном

задании. Завтра утром они с Бубо должны будут отправиться в путь, чтобы вернуться через несколько дней, когда подготовка новых союзников Ночных Стражей подойдет к концу.

Сорен не хотел, чтобы друзья задавали ему вопросы или смотрели как на сумасшедшего, что они делали все последние дни. И вообще, они как-то странно отреагировали на известие о желудочном отторжении Сорена. Желудочные дела всегда были делом частным, их не принято было обсуждать вслух, даже с самыми близкими друзьями.

Сорен тяжело вздохнул, и желудок у него болезненно сжался. Гильфи! Увидит ли он ее когда-нибудь?

Он молча влетел в дупло.

Сумрак и Копуша уже спали. Сорен подошел к своему гнезду, сбросил лапой несколько комков мягкого мха с вершины неопрятной кучи, устроился поудобнее и мгновенно уснул, несмотря на все свои горести.

Мох в гнезде Сорена был восхитительно мягок, прямо как перышко. («Нужно получше следить за своим гнездом и позже набрать побольше этого мха...») Однако вскоре эта мягкость стала превращаться в нечто странное.

«Вот чудеса», — сонно подумал Сорен.

Ему было по-прежнему тепло и удобно, вот только мох почему-то стал похож на туман. Да-да, вокруг него заколыхался густой туман.

«Я лечу или сплю?»

Он почувствовал неприятную дрожь в желудке. Этот туман был слишком похож на тот, в котором пропала Гильфи.

«Может быть, я смогу разыскать ее? Я должен ее найти!»

Сорен полетел сквозь туман, высматривая, не покажется ли где-нибудь след сычика-эльфа.

Впереди что-то слабо поблескивало. Он моргнул. Теперь Сорен ясно различил тусклый, пульсирующий золотой свет и помчался ему навстречу. Но с каждым взмахом его крыльев свет становился все слабее, словно растворялся в густом тумане. Сорену показалось, будто он слышит чей-то тихий напев. Песня прозрачной дымкой обступила его, а потом вдруг исчезла так же внезапно, как появилась.

Какое странное место! Все чувства его перемешались, и он совсем запутался. Почему-то песню он теперь не только слышал, но и чувствовал, а вот то, что обычно воспринимается на ощупь — например, мягкость мха, — видел и принимал за туман.

«Что это все-таки такое: мох или туман? И что вообще здесь происходит?»

Внезапно он услышал оглушительный удар грома. Небо перечеркнула молния.

Морская пена, ветки, мелкие животные вихрем неслись следом за Сореном, оторванные от земли могучей силой урагана. Затем воздух содрогнулся от нового удара, ослепительно-белая вспышка света разорвала ночь, и в этот краткий миг Сорен увидел сычика-эльфа, отчаянно взбивающего крылышками воздух.

«Гильфи! — не помня себя, закричал он. — Гильфи!»

Кто-то с силой затряс его за крыло:

— Проснись, Сорен! Проснись!

— Копуша? Сколько времени?

— Уже поздно. Ты проспал до самых сумерек. Повариха оставила тебе жареную полевку и несколько кусочков пирога из ягод молочника. Бубо ждет снаружи и просит, чтобы ты поторапливался.

— Да, конечно, — сонно пробормотал Сорен, но, вспомнив, что этой ночью они с Бубо отправляются на свое секретное задание, вскочил.

— Сорен? — осторожно спросил Копуша, и Сорен взмолился про себя, чтобы друг не стал задавать вопросов о предстоящей операции.

— Д-да? Что?

— Ты видел во сне Гильфи?

— Во сне? Да нет, вряд ли, — покачал головой Сорен.

Сейчас он был уверен, что не видел никакого сна. Так всегда происходило с вещими снами: Сорен забывал их и вспоминал только тогда, когда те сбывались.

ГЛАВА XIX

В каньоне

— Только подумай, Клудд, этот птенец должен вылупиться в ночь лунного затмения! — ворковала Нира, не сводя глаз с яйца, лежавшего в высланном пухом гнезде, которое она устроила в скалистой пещере каньона Сант-Эголиус. — Я никогда не перестану оплакивать наше первое яйцо, погубленное твоей ужасной сестрой Эглантиной, но теперь у меня появилось утешение. Наше дитя появится на свет в ночь затмения! Ты знаешь, что это означает?

— Да, конечно, — ответил Клудд, стараясь скрыть свое раздражение. Он уже сотни раз слышал этот рассказ и успел порядком от него устать.

Да, он понимал, что это знак — хороший знак, важный знак.

Нира сама появилась на свет в ночь лунного затмения. Старые совы говорили, что в час рождения такого птенца сбывается древнее пророчество. Очень сильное волшебство дарует новорожденной сове небывалую силу.

Но вот насчет природы этой силы мнения расходились. Одни уверяли, что волшебство это доброе и сова, рожденная в ночь лунного затмения, получит доброе сердце и величие духа. Другие же опасались беды и говорили, что такая сова может стать воплощением зла.

Самой Нире не было дела до добра и зла. Ее интересовали только сила и власть. Если рожденная в час затмения сова будет достаточно сильной, то какое ей дело до всего того, что жалкие твари называют «добром» и «злом»?

Но Клуdd думал не только о появлении на свет своего первенца. Он знал, что рождение птенца будет не единственным событием в ночь лунного затмения. Такая ночь идеально подходила для начала вторжения.

Клуdd не сомневался, что Ночные Стражи захотят воспользоваться наступившей тьмой, когда луна будет скрыта тенью земли, медленно проходящей через ее диск. Это дало бы нападающим возможность остаться незамеченными. Вот почему Клуdd настоял на том, чтобы устроить их гнездо не в скалистой крепости Сант-Эголиуса, а с другой стороны каньона.

Но когда эти проклятые совы начнут штурм? Когда они предпримут свое вторжение?

Клуdd не пожалел крупинки, чтобы как следует укрепить все подступы к каньону. Он расставил стражу на каждой скалистой вершине. Любая чужеземная сова будет немедленно замечена дозорными. Он поставил своих помощников Жуткоклюва и Зверобоя во главе дивизий Чистых и разместил гарнизоны на главных подступах к Сант-Эголиусу: на скале Филиновы ворота, где два острых пика, словно брови филина, возносились в небеса, и возле самого входа в каньон, известного как Клюв Глаукса. Особые отряды днем и ночью патрулировали оба участка. В дневное время ни одна ворона не осмеливалась приблизиться к каньону, в небе над которым господствовали свирепые совы.

Наемники из страны Далеко-Далеко оказались превосходными кузнецами. Они умели делать огненные когти! Такие когти были опаснее любого другого оружия, ведь они позволяли сражаться в ближнем бою, одновременно разрывая и сжигая плоть противника.

Огненные когти считались «грязным оружием» и были запрещены. Многие кузнецы отказывались делать их, поскольку такие когти не только калечили и убивали врага, но со временем неизбежно уродовали лапы своих хозяев.

Чистые усердно обучались владению огненными когтями, а также освоили приемы сражения горящими ветками, как Ночные Стражи.

Клуdd был готов. Готов к войне. Готов к встрече с Ночными Стражами Га'Хуула. Но прежде всего он был готов к встрече со своим братом Сореном.

Клуdd стиснул металлический клюв, зажмурил глаза и представил, как его когти вонзаются в тело брата. Он уже видел, как ночь окрашивается кровью. Слышал, как дыхание вытекает из разорванной трахеи, различал хриплые судорожные вдохи умирающей совы... Умирающего брата. Сорена.

На высокой стене Клюва Глаукса, крепко вцепившись когтями в узкий каменный выступ, сидел Жуткоклюв и всматривался в небо.

«Когда они прилетят? Когда же?»

Логика подсказывала ему, что вторжение должно начаться в безлунную ночь или же в пору, когда небо будет плотно затянуто тучами. Правда, тучи в районе каньонов были такой же редкостью, как и деревья.

Чтобы освоить фехтование горящими ветками, Чистым пришлось доставлять ветки из Амбалы и царства Тито, однако даже Клуddу было не под силу командовать луной или облаками.

Легкий ветерок пробежал по перьям Жуткоклюва, и у него отчего-то задрожало в желудке.

Кто знает этих загадочных сов с острова Хуула? Логика против них бессильна. Честно говоря, против них было бессильно практически все, и это больше всего тревожило Жуткокклюва.

Совы с Великого Древа Га'Хуула были абсолютно свободны и могли сделать все что угодно. Они не знали дисциплины, по крайней мере в той форме, как ее понимали Чистые или совы Сант-Эголиуса. В отличие от строгого построения Чистых, они летали вообще без всякого строя, небольшими ватагами.

И тем не менее Ночные Стражи выиграли последнюю битву в Ключах, несмотря на огромное численное превосходство Чистых.

Как они тогда ловко одурачили своих врагов, сделав вид, будто у них под крылом собраны целые дивизии, включая подкрепления из Северных Царств, тогда как на самом деле у них вообще не было никаких сил!

Как кучка недисциплинированных сов могла придумать такой блестящий план? В тот раз Чистые почти разбили своих врагов, но вынуждены были с позором отступить...

Победу Ночным Стражам обеспечила не техника ведения боя и не дисциплина. Они выиграли благодаря своим мозгам, только и всего. С тех пор Жуткокклюв не переставал думать об этом.

Все боевые операции Чистых планировались либо самими Клуддом, либо его подругой, Ее Чистейшеством Нирой. Дальше шло центральное руководство, осуществляемое амбарными совами. Ниже стояли травяные и масковые сипухи, а самые последние ступени Лестницы Чистоты занимали пепельные совы.

Все они были сипухами, у всех в официальном названии значилось имя Тито.

Тем не менее некоторые Тито считались более чистыми, чем остальные. И это тоже смущало Жуткокклюва.

Ночные Стражи представляли собой пестрый сброд из представителей всех видов сов. Говорят, среди них был даже бурый рыбный филин, который командовал подразделением Жар-бригады, и даже какая-то презренная пещерная сова тоже занимала довольно высокое место.

Что все это значило? Жуткокклюв пребывал в растерянности. Его пугали собственные чувства. Впервые он начал подвергать сомнению то, в чем никогда раньше не сомневался.

Но больше всего его пугали мысли о том, что готовят им Ночные Стражи. Они могли придумать такое, что другим совам и в самых смелых мечтах не привидится... Жуткокклюв подавил невольный смешок.

«Мечты! Енотий помет, вот что это такое! Мы не мечтаем. Мы не думаем».

И тут что-то, словно огромная звезда, вспыхнуло у него в мозгу. Отказ от размышлений был важнейшим условием вхождения в общество Чистых.

«Но ведь это правильно! — беспомощно подумал Жуткокклюв. — Так проще. В самом деле проще! Слишком много ума не доведет сову до добра... Или доведет?»

Начал накрапывать мелкий дождик. Ни Жуткокклюв, ни остальные дозорные не заметили двух сов, которые неслышно прошагали мимо них в глубь каньона. Все дозорные получили приказ смотреть вверх и вперед, а приказа смотреть на землю у них не было.

Через какое-то время Сорен с Бубо вновь поднялись в воздух и медленно полетели над самой землей. Сорен был задумчив. Он размышлял о том, насколько добытые Отулиссой сведения обогатили их познания о крупинках. Открытие холодного огня и холодных углей означало настоящий переворот в борьбе с Дьявольскими Треугольниками. И даже больше! Воспользовавшись формулами Отулиссы, Бубо изобрел простой и эффективный способ обнаружения «треугольников» и мест скопления крупинок.

Сорен и Бубо принесли в каньоны небольшой предмет, который филин назвал «камнем правды». Камень этот был небесного происхождения.

Иногда осколки небесных тел не сгорают в атмосфере, а падают на землю. Они называются метеоритами. «Камень правды» был фрагментом такого небесного метеорита, с повышенным содержанием железа. В ходе своих экспериментов Бубо обнаружил, что если отколоть от железного метеорита тонкую пластинку размером с иголку и поднести к крупному скоплению крупинок, то игла придет в движение и укажет на источник магнетизма.

Были сделаны и еще кое-какие усовершенствования.

До сих пор для защиты от опасного излучения крупинок совам приходилось использовать особые щиты из мю-металла. Долго летать с тяжелыми щитами в когтях было делом трудным и утомительным, но Бубо придумал, как решить эту проблему. В своей кузне он выковал из мю-металла легкие шлемы, которые надежно защищали в бою совиные мозги.

Бубо летел впереди с зажатым в когтях «камнем правды». Сорен следовал за ним, волоча корзинку с холодными углями.

Заметив, что Бубо вдруг резко повернул влево и тугим штопором начал опускаться на скалу, Сорен немедленно начал снижение.

Не говоря ни слова, Бубо подал условный знак — выгнул одно крыло и распушил хвостовые перья. Сорен приблизился. Вот оно! Небольшая кучка крупинок, аккуратно сложенная на узком выступе скалы и заботливо прикрытая от любопытных глаз обломками камней.

Сорен вытащил из корзинки уголь и бросил его в кучу. Последовала тусклая вспышка, сопровождаемая тихим шипением. Даже дыма не было.

«Готово! — решил Сорен. — Можно переходить к следующей вершине треугольника».

Он поднял корзину и полетел следом за Бубо, который уже начал спускаться к самой земле, где можно было не бояться взоров дозорных.

ГЛАВА XX

Песня в ночи

Первый воздушный поток Гильфи обнаружила совсем скоро. Твилла сопровождала ее до самого южного полуострова Ледяных Когтей. Дальше начиналась широкая полоса открытой воды, но Твилла объяснила испугавшейся было Гильфи, что в этой части моря Вечной Зимы глубоко под водой находится действующий вулкан и кипящая лава в его кратере рождает теплые воздушные потоки.

— Не волнуйся, Гильфи, все будет хорошо, — сказала Твилла, опускаясь на выступ скалы.

— Прощу тебя, Твилла! — умоляюще пролепетала Гильфи.

— Деточка, я никак не могу полететь с тобой. Я должна вернуться в обитель Глауксовых братьев. Нужно рассказать всем о предательстве Ифгара и Грагга. Но с тобой все будет в порядке, малютка. Я научу тебя песне, которая сделает твой полет легким. Это короткая песня, но ты должна выучить ее и сохранить в памяти и желудке.

Твилла запела на кракиш, но теперь Гильфи прекрасно понимала все слова.

Распусти крыла над морем,
Подними глаза над ветром,
Ощути поток воздушный
И доверься сну бесстрашно.
Поверь в милосердие моря,
Поверь в покровительство неба,
Услышь дальний голос зовущий
И следуй за ним без опаски.

— Какая красивая песня, Твилла! Где ты ее услышала?

— Ох, детка, да я не то чтобы услышала... Я ее сочинила. Когда-то я была скельдом. Ты знаешь, кто это такие?

— Да, мы познакомились со скельдом на острове Черной Гагары. Это была полярная сова, и ее звал Снорри.

— Снорри? Я отлично ее знаю! Она скельд из клана Мха, очень большого и очень уважаемого клана в наших царствах. Скельды чаще всего бывают полярными совами. Скельд — болотная сова, вроде меня, — это большая редкость. Однако наш клан настолько мал, что выбирать было не из кого. Так я стала скельдом.

— А сейчас ты больше не скельд?

— Мне больше не о чем рассказывать... Не о чем петь.

— П-почему? — захлопала глазами Гильфи. — Я не понимаю...

— Мой клан полностью уничтожен. Я единственная, кто остался в живых.

— Нет! — содрогнулась Гильфи.

— Это так... Мой клан был вырезан во время войны Ледяных Когтей. Ифгар тогда командовал наступлением. Потом началась резня... Это было дикое, ничем не оправданное убийство. Ифгару незачем было уничтожать побежденных и уж тем более не нужно было убивать неоперившихся птенцов. Но он сделал это.

— И после всего этого вы столько лет ухаживали за ним? — пролепетала Гильфи.

— После гибели моего клана я стала сестрой Глаукса и узнала, что прощение врагов есть высший Глауксов долг каждой совы. Прошло много времени, прежде чем я смогла простить. Но когда наконец это произошло, мне стало легче.

— Но посмотри, к чему это привело! Ифгар ни чуточку не изменился, он так и остался

предателем...

— Это неважно, малютка. Я изменилась. Исцелилась. Он — нет.

Гильфи во все глаза смотрела на эту удивительную сову. Золото, которым она выкрасила себе перья, осыпалось во время полета, и теперь лишь несколько золотистых пятнышек посверкивало среди бурого оперения.

— А теперь лети, малютка-эльф! — ласково сказала Твилла. — Помни песню, которой я тебя научила. Пусть ее слова станут в полете твоими маховыми перьями.

Гильфи встала на кончик ветки и расправила крылышки. Зажмурившись, она запела песню и с первыми ее словами почувствовала под крыльями плотный поток воздуха. Она даже не заметила, как поднялась в небо...

Песня расцветала в ее груди и гнала вперед. Этой песне даже катабатические ветра были нипочем!

Вскоре Гильфи увидела бледные струйки пара, клубящиеся над взбаламученной водой. Она с силой забила крыльями и, запев песню с самого начала, понеслась навстречу океанскому воздушному туннелю. Но когда первый куплет подошел к концу, Гильфи вдруг резко оборвала пение.

«Сон? Поверить в сон? Что это означает? Может быть, сон — это мечта? Но есть ли у меня такая мечта?»

Внезапно слова песни наполнились для нее новым и очень важным смыслом. Когда она пела ее в первый раз, ей просто хотелось поскорее добраться домой, на любимое Великое Древо, к своим друзьям, к Сорену. Но теперь ей стало казаться, будто песня скельда призывает ее к чему-то большему.

Теплое воздушное течение мягко приподняло Гильфи и понесло вперед. Ей было тепло. Уютно. Она могла лететь так очень долго, без усталости, до самого моря Хуула, до самого дома.

Так почему же она медлит? Странная песня звала ее покинуть теплое воздушное течение и развернуться навстречу суровому морскому ветру... Но зачем?

«Смогу ли я следовать сну?»

И тут в желудке у Гильфи стало зарождаться какое-то странное, до сих пор неизведанное чувство. Это была не дрожь страха, но что-то непонятное, похожее на восторг.

«Но ведь я не вижу снов! Это Сорен у нас сновидец! Это у него бывают звездные озарения. Его сны часто сбываются...»

Гильфи знала, что в ткани сновидения существуют невидимые обычной сове прорехи и Сорен обладал даром смотреть сквозь них. Но сейчас Гильфи почему-то казалось, будто и она смотрит сквозь такое отверстие и видит тот же сон, что и Сорен.

«Как странно! — подумала она. — Мы как будто заглядываем туда с разных сторон».

— Сорен! — беззвучно прошептала она. — Наберись терпения и не отчаивайся. Я обязательно вернусь! Но пока мне нужно кое-что сделать.

Она должна вернуться обратно. Должна добраться до Ледяных Ключов, потому что хоть Ифгар с Граггом и не узнали самого важного, но они все равно могли предупредить Чистых о готовящемся вторжении и погубить всю операцию.

Значит, Гильфи должна убедить Ледяные Ключи, дивизии Глаукса Быстрокрылого и кильских змей оказать помощь Ночным Стражам!

Гильфи вырвалась из мягких объятий теплого воздушного течения и помчалась навстречу кататическим ветрам. Она полетит на остров Черной Гагары, хотя бы все ветра в мире пытались ее остановить! Ради Сорена, ради Великого Древа и Ночных Стражей она готова была слетать в сам Хагсмир и обратно!

Каким-то чудом она находила в свирепых ветрах безопасные туннели, какая-то неведомая сила помогала ей обнаруживать слабые края, где кататические вихри стихали и выдыхались. Что-то гнало ее вперед и подсказывало путь...

А в это самое время на вершине самой высокой скалы на острове Черной Гагары сидела белая полярная сова Снорри. Она первой увидела Гильфи и запела новую песню. Это была песня о самом редком цветке Северных Царств, о хрупком и смелом растении, которое совы называют иссенблюменом, или ледяным цветком.

На краю лавины снежной,
Где земля со льдом граничит
И ветра свирепо воют
Над безжизненной равниной,
Там растет цветок чудесный,
Не страшась мороза,
Не пугающийся стужи.
Он один находит силы
Жить на самой тонкой кромке
Между гибелью и жизнью,
Между вечной тьмой и светом.
Как отважный иссенблюмен
Не сдаётся льду и смерти,
Так и крошечная птица —
Легче пуха, мельче снега —
Храбро спорит с силой ветра.
Пусть ревет свирепый вихрь,
Пусть неистовствует море —
Ярость северной стихии
Нипочем малютке-эльфу.
Дрожь желудка, робость сердца
Отступают перед долгом.
Ради дружбы, ради друга,
Все она преодолет,
И ничто не остановит
Крыльев этой птицы храброй.
О, прекрасный иссенблюмен!
Ледяная роза снега,
Глетчера цветок любимый,
Лилия штормов и ветра!
Ты тверда в своем цветенье,

Торжествуешь ты, над смертью
И цветешь во славу жизни!
Ты сродни отважной птице,
Сила в вас одной природы,
В мужестве своем вы — сестры.
Ибо храбрые — тщедушны,
Ибо слабые — всеильны,
Ибо робкие — находят
Силы для борьбы
Со смертью
И встают на бой за правду!

ГЛАВА XXI

Ожидание

— Как ты думаешь, когда начнется? — спросил Копуша.

— Что начнется? — не поняла Эглантина.

— Вторжение, что же еще! — ухнул Сумрак.

— Думаю, уже скоро, — сам ответил на свой вопрос Копуша. — Думаю, именно для этого собрали всепогодников.

— Да, — кивнула Отулисса, — полагаю, ты прав. Эзилриб не случайно так обрадовался, когда штурмовой отряд вернулся с разведки над морем.

— Как ведет себя Сорен в Клюве всепогодников? — спросил Копуша у Отулиссы.

— Отлично, — ответила она. — Весь вопрос в том, собирается ли он сражаться. То есть я хочу сказать, не ясно, насколько пассивным окажется его участие в предстоящей войне.

Сорен, сидевший на ветке напротив слухового окна, слышал каждое ее слово. В мгновение ока он ворвался в дупло и закричал:

— Сейчас я скажу тебе, насколько! Мое участие не имеет ничего общего с обучением идиотов, вроде Виззг и Ищейке использованию огненного оружия. Всем ясно? — Он развернулся и вспорхнул на жердочку прямо напротив Отулиссы. — Я буду сражаться, Отулисса. Можешь не сомневаться. Клянусь Глауксом, я буду участвовать в этом сражении всем своим сердцем, всем разумом и желудком.

— Вот и прекрасно, — слегка смущенно ответила Отулисса. — Я просто спросила.

Копуша давно заметил, что с тех пор, как у Сорена выявилось желудочное отторжение, он стал заметно отдаляться от своих друзей.

Копуше это совсем не нравилось. Перед лицом будущей войны они должны оставаться сплоченными и дружными. В любую битву они всегда шли крыло к крылу, поддерживая и укрепляя друг друга.

Сейчас это было особенно важно. Копуша понимал, что нужно во что бы то ни стало добиться былой сплоченности, вот только единственный способ, который приходил ему в голову, нельзя

было назвать особо... достойным.

— Я не хочу прерывать вашу интересную беседу, — небрежно заметил он, хотя на самом деле только этого и добивался, — но пока мы тут мило болтаем, наверху идет заседание парламента...

— В корни! — хором крикнули Сумрак с Отулиссой.

— Вы прочли мои мысли, — скромно потупился Копуша.

— А мне можно с вами? — спросила Эглантина.

— Разумеется!

Сумрак посмотрел на Сорена, не решаясь спросить, пойдет ли он с ними.

— Конечно! — с легким удивлением ответил Сорен. Неужели Друзья могли поверить в то, что он так сильно переменился?

* * *

— ...Таким образом, достопочтенные члены парламента, — царственно провозглашал Борон, — враг ожидает, что мы начнем вторжение в ночь лунного затмения, причем первый удар обрушим на Филиновы ворота. У них есть основания так считать. Филиновы ворота представляют собой самый простой способ проникнуть в каньон. Но эта простота обманчива. Во время своей миссии по обезвреживанию Дьявольских Треугольников Сорен с Бубо обнаружили, что этот участок охраняется нашими врагами сильнее всего.

Копуша, Сумрак, Отулисса и Эглантина дружно повернули головы и уставились на Сорена. Так вот в чем заключалась его миссия!

Сорен отвернулся и небрежно пожал плечами.

— Я предоставляю слово почтенному Эзилрибу, — продолжал Борон. — Под его руководством Клюв всепогодников совершил разведывательный полет, и сейчас Эзилриб доложит нам о результатах.

Друзья еще крепче прижались ушами к корням, и вскоре до них донесся скрипучий голос с характерным кракишским акцентом:

— Наш уважаемый монарх только что совершенно справедливо указал, что успех предстоящей операции в определяющей степени зависит от ее внезапности. Осталось ровно два дня до лунного затмения. Наши враги ожидают, что мы прилетим с северо-востока, через Филиновы ворота. Но есть и другой вариант. Наша молодая пятнистая сова Отулисса, которой принадлежит первоначальный план вторжения в каньон, первой предложила нанести удар с противоположной стороны.

Теперь все взоры устремились на Отулиссу, которая так и распушилась от гордости, услышав свое имя.

А Эзилриб тем временем продолжал:

— Есть и еще одно обстоятельство, которое может сослужить нам хорошую службу. Оно связано с погодой. В нашу сторону движется гроза. Она сформировалась как раз в северо-

восточной части моря Хуулмере. Что это нам даст? Это даст нам сильные морские ветра, в которых все мы чувствуем себя как дома. Нас это не остановит. Однако эти же ветра, сформировавшиеся в начале зимы, несут с собой град, сильно заряжены электричеством и, в целом, никак не обрадуют наших врагов.

— Но как же Виззг, Ищейке и остальные совы из Сант-Эголиуса? — встревоженно спросил Элван, преподаватель и командир Клюва угленосов. — Они непривычны к таким условиям и не смогут бороться со стихией.

— Я подумал и об этом. Мы попробуем создать особый воздушный вакуум, который широко используется в Северных Царствах для транспортировки раненых сов сквозь кататические ветра. Я научил этому нехитрому трюку нескольких сов из Клюва всепогодников и планирую обучить остальных, так что проблем не будет.

— Согласится ли Сорен принять участие в обеспечении безопасности Виззг, Ищейке и других сов из Сант-Эголиуса? — негромко спросила королева Барран.

— Разумеется, Ваше величество, — ответил Эзилриб. — Меня огорчает непонимание, с которым в последние дни большая часть стражей относится к Сорену. Поверьте моему слову, в час вторжения Сорен сделает все, что потребуется.

— Правильно ли я поняла, — раздался звонкий голос Сильваны, красивой молодой наставницы Великого Древа, — что, несмотря на провал попыток привлечь на нашу сторону силы Северных Царств, мы все-таки планируем осуществить вторжение?

— Именно так, — в один голос ответили Борон и Барран.

Затем Барран добавила:

— Наша Лучшая в мире стая отлично владеет ледяным оружием. Они уже обучили этому других.

— Сколько ледяных сабель, мечей и ятаганов имеется в нашем распоряжении? — решила уточнить Сильвана.

— Немного, — сурово ответил Эзилриб, — но придется обойтись тем, что есть. Сейчас — или никогда. В Южных Царствах невозможно долго сохранять остроту ледяного оружия, а надвигающийся циклон тоже скоро пройдет. Больше мы не можем ждать.

— Вы хотите сказать, что нужно атаковать немедленно? — очень спокойно спросила Сильвана. Голос ее звучал так тихо, что подслушивавшие в корнях совы едва разобрали слова.

— С наступлением первой тьмы, — рявкнул Эзилриб. — Примерно через два часа.

— Фентон! — окликнул Борон пещерную сову, выполнявшую обязанности дворецкого. — Будь добр, позови нам Одри.

— Одри? При чем тут Одри? Зачем она им? — беззвучно спросила Отулисса, однако друзья прекрасно ее поняли.

Одри была домашней змеей, служившей в семье Отулиссы до тех пор, как пятнистая сова осиротела. Вместе со своей воспитанницей Одри прибыла на Великое Древо, где вступила в гильдию ткачих — одну из многочисленных гильдий домашних змей.

Когда друзья снова прижали уши к корням, из зала заседаний раздавалось только оханье и аханье, как будто члены парламента чем-то громко восторгались. На самом деле так оно и было.

— Великолепная работа, Одри, — раздался наконец голос Барран. — Просто великолепно.

Совы непонимающе переглянулись, пытаясь угадать, что же такое рассматривают в зале.

— Благодарю вас, мадам. Всегда рады услужить.

— Ну просто вылитые совы! Вам удалось потрясающе передать совиную форму и силуэт!

— Ничего особенного, мадам, — прошипела польщенная Одри. — К счастью, в перьях у нас недостатка не было. Прошлой весной была особенно обильная линька, а мы все выпавшие перья храним на складе, чтобы иметь постоянный запас для выстилания гнезд. Думали ли мы, что когда-нибудь используем этот запас для изготовления совуколок?

«Совуколки!» — потрясенно переглянулись друзья.

Совуколками назывались маленькие куколки в виде совы, которых родители делали для своих птенчиков из пуха и выпавших перьев.

И тут они все поняли. Парламент задумал блестящий обманный маневр!

— Операция «Уловка»! — прогудел Борон.

— Да, — ответил Бубо. — Они уже пролетели половину Хуулмере по направлению к Филиновым воротам. Их ведет Перси с помощью Лучика и Серебряка.

«Лучик и Серебряк?» — едва не вскрикнули Сорен с Отулиссой.

Остальные подумали то же самое.

«Да ведь они еще птенцы!»

Все помнили, как Сорен с Отулиссой опекали и оберегали этих малышей во время их первого вылета с Ключом всепогодников.

Как быстро летит время! С того знаменательного полета прошло уже несколько зим, так что бывшие птенчики успели возмужать и стать настоящими совами.

ГЛАВА XXII

«Отныне и на веки вечные»

Оставался всего час до первой мглы, и именно в этот краткий промежуток между закатом солнца и восходом луны двенадцать сов поднялись в вечернее небо.

Эти совы умели летать на большой высоте и были привычны к необычным ветрам, сильно отличавшимся от движения воздушных масс у земли. Каждая сова тащила в когтях по совуколке.

На такой высоте никакие наблюдатели Чистых не могли бы заметить лазутчиков.

Поднявшись как можно выше, совы должны были отпустить свою ношу, после чего совушки, искусно выполненные домашними змеями из гильдии ткачих, будут медленно опускаться в более низкие воздушные потоки, а оттуда, подхваченные господствующим в это время ветром, понесутся прямо к Филиновым воротам.

Этим хитрым маневром Ночные Стражи надеялись отвлечь внимание главных сил Чистых.

Первая совушка была обнаружена над каньонами как раз перед восходом луны. Была поднята тревога. Целый взвод был немедленно перемещен в скалы между Филиновыми воротами и Ключом Глаукса.

— Медленно летят, — рявкнул Зверобой своему сержанту. — Подождем немного. Поглядим, как работает Дьявольский Треугольник.

Через несколько минут масковая сова подлетела к своему командиру:

— Лейтенант Зверобой, разрешите доложить! Никаких следов врага на пространстве от отрогов каньона до Филиновых ворот не обнаружено. Абсолютно никаких, Ваше превосходство! Должно быть, они совершенно сбиты с толку. Наши дозорные не заметили ни одной совы, которая миновала бы район действия Дьявольского Треугольника. Значит, они так и не сумели выйти из зоны действия крупинки. Погода также продолжает ухудшаться, сэр. Все складывается не в пользу противника.

— Отлично! Если они все-таки приближаются, то погода сыграет с ними злую шутку.

— Я в этом не уверен, — сказал подлетевший Жуткоклов.

— П-почему? — даже растерялся Зверобой.

— Потому что эти совы умеют летать при любом ветре. Обрати внимание, гроза идет со стороны Хуулмере. Им ли не знать свои домашние ветра?!

— Енотий помет! Не сумасшедшие же они, чтобы атаковать в такую ночь, да еще при полной луне! Это же волчья луна, и погода портится: желудком чую — быть грозе.

— Сэр! — раздался оглушительный визг еще одной совы, которая как раз в это мгновение влетела в расположение части.

— Что за дрянь ты тащишь в когтях, Кремнеглаз?

— Совушка! — хором ахнули воины.

— Я так и знал, что они выкинут что-нибудь подобное! — закричал Жуткоклов. — Я с самого начала это знал! Поднимайте тревогу! Немедленно оповестите Верховного Тито и Ее Чистейшество.

— Глупости! — воинственно распушился Зверобой. С какой стати он должен подчиняться Жуткоклову, который и так постоянно пытается втереться в доверие к Верховному Тито? — Это все блеф, ясно? Они пытаются пустить нам пыль в глаза, отвлечь от дела. Неужели ты до сих пор не понял? Они бросили эту дрянь возле Филиновых ворот только для того, чтобы выманить нас. Даю хвост на отсечение, что на самом деле они планируют ворваться через Ключ Глаукса. Чем не место для высадки? Вот увидите, они прилетят именно туда — в Ключ Глаукса. А эти уродские совушки понадобились только для того, чтобы мы решили, будто они

планируют вторжение через Филиновы ворота.

— Но разве мы можем знать наверняка? — спросил Жуткоклов.

— Я могу.

— А я считаю, что ты должен послать часть войск в противоположную часть каньона, — очень серьезно сказал Жуткоклов. — Вспомни, там вообще нет никаких крупинок. Нужно как можно скорее создать там непреодолимую крупинчатую зону.

— Такое решение может принять только сам Верховный Тито! — со злобным торжеством ответил Зверобой.

— Так лети и предупреди его! — из последних сил завизжал Жуткоклов.

— Их Величества изволят отдыхать. Я не посмею потревожить их сон. Ты не забыл, что сегодня на свет должен появиться царственный младенец? Нет, я не буду будить наших владык. Им нужно набраться сил для настоящей битвы.

— Настоящая битва может начаться в любую секунду. Я уверен, что вторжение уже началось! — в отчаянии крикнул Жуткоклов.

А в это же самое время на другой стороне каньона Сант-Эголиус одинокая пепельная сова совершала ежевечернее патрулирование окрестностей.

Как всегда, во время полета дозорный еле слышно разговаривал сам с собой и горько проклинал несчастную судьбу, по вине которой его угораздило родиться пепельной совой, а не великолепной сипухой Тито Альба.

— Несправедливо это — как есть несправедливо. Ну вот, возьмем, к примеру, меня. Чем я отличаюсь от Тито Альба? Пускай нет у меня такой плоской белой рожи, как у амбарных сипух, и что из этого? Подумаешь! Хотя могло бы быть и хуже... Мог бы родиться малой пепельной совой, вот ужас-то! Ниже них никого нет, это самые отбросы Чистого общества. И пахнет от них противно. Вот если бы в подчинении у Чистых было побольше малых пепельных сов, мне бы не пришлось летать над этой жалкой пустошью. Но нет, этого никогда не случится... Глаукс, что за проклятая работенка! Как много мучений она доставляет старому доброму Пыльнобровке!

Пыльнобровка! — это имя несчастный ненавидел почти так же сильно, как свое происхождение.

Когда-то у него было настоящее имя, а не эта поганая кличка. Кстати, как его звали на самом деле? Какое имя дала ему мама? Он помнил только, что имя было очень красивое и очень звучное.

«Филипп или Эдгар... Кажется, меня все-таки звали Эдгар?»

Пыльнобровка, которого также могли звать Эдгар, настолько глубоко ушел в свои невеселые мысли, что даже не заметил первую кучу валежника.

«Что это за?...» — Он не успел додумать, как почувствовал предательский холод, поднимающийся со дна желудка.

— Кто-то принес сюда эту кучу хвороста... — понял он и вдруг начал лихорадочно нанизывать одну мысль на другую: — Хворост хорошо горит. Значит, это горючие кучи. Кому нужно горючее? Тому, кто умеет обращаться с огнем! Кто лучше всех управляется с огнем? Ночные Стражи!

В следующий миг он увидел арьергард вражеских войск (авангардом были совы, доставившие совуколок). Множество сов облепило горные пики, вершины которых зловещими алыми копьями пронзали ночное небо.

«Вот оно. Вторжение. Они пришли. Пришли за мной. Я сейчас упаду. Я сойду с ума. Но я не хочу умирать! Пусть я пепельная сова, пусть навсегда останусь ею, только бы жить! Глаукс Милосердный, я не хочу умирать... Ой, я сейчас упаду. Упаду на землю, рухну под волчьей луной. Глаукс, какая ясная ночь! Я не хочу упасть. Если даже Ночные Стражи меня не убьют, то на земле меня сожрут волки...»

ГЛАВА XXIII

Туннель сквозь дым

Молнии огненными лентами неслись следом за арьергардом Ночных Стражей. Непогода настигала их. Вот уже и волчья луна — полная и ослепительно-яркая, словно специально созданная для волчьей охоты, — исчезла за косматыми тучами.

В первых рядах наступающих летели угленосы с углями для поджога хвороста. Сорен с Мартином бросили горящие угли в первую из многочисленных груд валежника, тайком доставленного в каньон за несколько ночей до вторжения.

В этот раз Ночные Стражи еще больше, чем во время вторжения Чистых, уступали войскам противника по численности, однако на их стороне были три очень важных преимущества: внезапность, непогода и гениальный план.

Согласно этому плану были проведены три тайные операции, существенно ослабившие и продолжавшие ослаблять врага. Дьявольские Треугольники были обезврежены. Совуколки отвлекли внимание гарнизона. И наконец, горящие кучи хвороста должны были послужить постоянным источником огня для нападавших.

На вершине одного из бесчисленных красных пиков, буравивших черное небо над каньоном, сидел командующий вторжением.

Из своего наблюдательного пункта Эзилриб мог видеть весь каньон. Благодаря системе заранее выработанных сигналов он мог руководить битвой, поднимая, опуская или складывая крылья. Целый отряд мелких сов, преимущественно сычиков-эльфов, должен были запоминать эти сигналы и во все крылья мчаться передавать их командирам подразделений. За всю историю совиной цивилизации совы еще никогда не выполняли настолько сложной и важной задачи. Именно поэтому Эзилриб сейчас беззвучно молился про себя: «Мы справимся. Должны справиться».

Когда запылали подожженные кучи хвороста, первые ряды Жар-бригады под предводительством Бубо и его заместителя Сорена помчались к самому сердцу Сант-Эголиуса — в библиотеку, где хранились крупинки. Согласно плану, проникнув туда, они должны были рассыпать холодные угли по всем закоулкам.

За Сореном следовали его заклятые враги — Виззг и Ищейке. Но сейчас у него не было выбора,

ибо только Визг, бывшая предводительница и командорша Сант-Эголиуса, знала кратчайший путь в библиотеку.

— Сюда, — ухнула Визг и помахала левым крылом.

«Старая дура даже не знает, где лево, где право! — презрительно процедил про себя Сорен. — Просто не верится, что такая тупица могла организовать эту страшную тюрьму!»

После того как с библиотекой будет покончено, воины должны были на всех крыльях вернуться к горящим кучам.

Здесь Жар-бригаде предстояло разделиться на две части: Бубо вместе с частью угленосов оставался поджигать ветки, а Сорен, Руби, Мартин и Сумрак, вооружившись принесенным из Северных Царств ледяным оружием, должны были вступить в большую битву.

Сражение обещало быть жестоким, но с каждой его минутой дьявольская сила крупинок будет ослабевать, избавляя совиный мир от угрозы безумия и порабощения. Эзилриб не зря дал этой операции название «Отныне и на веки вечные».

«У нас должно получиться, — подумал Сорен. — Просто должно, и все тут».

Между тем пепельная сова по имени Пыльнобровка очнулась за миг до того, как ее тело должно было разбиться в лепешку о каменное дно каньона.

Слабо взмахнув крыльями, стражник поднялся выше и попытался сообразить, что же теперь делать. Наверное, нужно во весь дух лететь к Филиновым воротам и предупредить Зверобоя? Надо рассказать ему обо всем, что он только что увидел!

Пыльнобровка развернулся и полетел, придумывая на ходу, что скажет командующему. Никто никогда не обращает внимания на пепельных сов, но теперь командованию придется его выслушать! Он будет краток и убедителен.

«Вот что я хочу вам сообщить, — так он, пожалуй, начнет. — Я выполнял патрулирование восточного сектора Пиков, когда вдруг заметил кучи хвороста...»

Оказалось, что летел он гораздо быстрее, чем соображал. Пыльнобровка еще не дошел и до середины своей блестящей речи, когда увидел Зверобоя. Командующий сидел на каменном гребне между Клювом Глаукса и Филиновыми воротами и почему-то тыкал дрожащим когтем в сторону Жуткоклюва.

От волнения Пыльнобровка забыл всю свою речь и, снижаясь, издал пронзительный свист, как делают все пепельные сипухи в минуту опасности:

— Они наступают! Они наступают! Вторжение началось! Они прилетели со стороны Пиков! Вторжение началось, началось!

Внезапно ветер резко переменился и забросил слова Пыльнобровки ему обратно в клюв. Но он закричал снова — на этот раз еще громче — и все совы гарнизона вдруг задрожали, обезумев от страха.

«Наконец-то! — восторженно подумал Пыльнобровка. — Наконец-то меня услышали!»

Библиотека была расположена на одной из самых высоких вершин Сант-Эголиуса, и один из ее

входов открывался прямо в небо. Именно через этот вход Сорен и остальные воины Жар-бригады ворвались внутрь и обезоружили двух растерявшихся часовых, которые никак не ожидали увидеть здесь свою бывшую командоршу.

Виззг с яростью набросилась на первого часового, а второй оцепенел от страха, увидев фонтан крови, хлынувший из оторванного крыла своего товарища. Он уронил крылья вдоль тела и даже не попытался оказать сопротивление.

Сорен моргнул и огляделся.

Вот из этой каменной комнаты, испещренной бесчисленными нишами для хранения крупинок, они с Гильфи когда-то сумели вырваться на свободу. Это был их первый в жизни полет... Вот здесь погиб храбрый филин Бормотт, который научил их летать, помог бежать и до конца прикрывал своим телом. Его убила Виззг. Сорен невольно зажмурился, чтобы не смотреть на командоршу.

Но сейчас было не время для воспоминаний, необходимо было торопиться.

Во избежание притяжения крупинок все воины были без боевых когтей, зато на голове у каждого красовался прочный шлем из мю-металла, предохранявший совиные мозги от смертоносного излучения.

Сорен вместе с Руби и Мартином двинулись вдоль стен хранилища, кидая в каждую нишу по холодному углю.

— Все ниши прошли, ни одной не пропустили? — спросил их Бубо.

— Все! — отозвалась Виззг.

— Я спрашиваю не вас, а Сорена, — огрызнулся филин. Он не доверял бывшей командорше, ее слово стоило для него не дороже совиной погадки. Кто знает эту проклятую сову, вдруг она решила припрятать немного крупинок в каком-нибудь укромном местечке?

— Мы все обошли, — ответил Сорен. — Положили по углю в каждую нишу.

— Отлично. Тогда выбираемся отсюда и надеваем когти. Настоящая битва начнется с минуты на минуту.

Пятеро сов с силой взмахнули крыльями и устремились вверх из каменного колодца библиотеки.

«Как это просто сейчас, и как трудно было тогда!» — подумал Сорен, вспоминая свой первый в жизни полет.

Вертикальный взлет не зря считается самым трудным для неопытных птенцов, а в ту пору Сорен и Гильфи были именно такими. Но Сорен был уверен, что никогда в жизни не забудет чувства, которое испытал, вырвавшись из каменного мешка в ясную черноту звездной ночи.

Он моргнул. Глаза отчаянно щипало. Куда подевались звезды? И тьма тоже куда-то исчезла... Что случилось? Небо затянуто туманом, но разве от тумана могут так слезиться глаза? Это не туман! Это дым. Каньон горит!

Пятеро сов вихрем мчались сквозь ночь цвета дыма.

— Сумрак! — во все горло позвал Сорен. — Что происходит?

— Ветер переменялся. Здесь слишком сухо. Весь каньон вспыхнул, как сухой куст.

«Но что тут может гореть?» — изумился Сорен. Он прекрасно знал, что в каньоне нет никаких деревьев, если не считать куч сухого хвороста, принесенного Ночными Стражами.

В следующий миг он вспомнил.

Земля каньона была покрыта ковром стелящихся древесных растений, высушенных до звонкости испепеляющим солнцем.

Пелена дыма рассеялась, и Сорен чуть не поперхнулся от неожиданности. Повсюду, насколько хватало глаз, расстилалось кипящее алое море.

Сорен был угленосом и привык к лесным пожарам. Он умел без страха и промедления лавировать между столбами огня, но как можно лететь сквозь сплошное пламя? Но страшнее всего был дым. Потоки восходящего жара заставляли сов все выше подниматься над землей.

— Что же нам теперь делать? — спросил летевший слева от Сорена Мартин, один из лучших добытчиков мелких углей в команде угленосов.

— Понятия не имею. Я просто не представляю, как будут действовать войска невысокого полета.

Руби тоже поднялась к ним и прокричала тонким, срывающимся на визг голосом:

— Чистые зажали два наших наступательных батальона между хохолками каменного филина на Филиновых воротах!

— Ты говоришь о нашей Жар-бригаде и истребителях Стрикс Струмы? — переспросил Бубо.

— Боюсь что да! В таком дыму Эзилриб не сможет ничего разглядеть из своего наблюдательного пункта. Вся система условных знаков пошла насмарку, — тараторила Руби.

— Может быть, попробуем забрать свое оружие? — спросил Сорен.

— Попробовать можно, — согласилась Руби. — Сумрак уже полетел туда.

Когда они добрались до сумки с оружием, то едва не столкнулись с Сумраком, который гонял зажатой в когтях горящей веткой сразу двух сипух и какую-то бородастую совку. Приглядевшись, Сорен узнал в совке одну из бывших надзирательниц из Сант-Эголиуса. Внезапно совка резко развернулась и кинулась на Сумрака, так что тот пошатнулся и неловко забил крыльями.

Бубо с Сореном бросились к запнувшемуся Сумраку, но совка яростно ринулась им наперерез... вместе с Ищейке!

«На чьей стороне Ищейке?» — с внезапным холодом в желудке подумал Сорен. Но ломать голову над этой загадкой ему было некогда, он уже подхватил выпавшую из когтей Сумрака ветку.

Выпад, удар — и вот уже Ищейке с пылающими маховыми перьями кувырком полетела вниз.

— Сзади, Сорен! — проревел Бубо, летя бок о бок с Сумраком.

Откуда ни возьмись из дыма и пламени стремительным вихрем вынырнул Мартин. В его когтях зловеще поблескивал ледяной осколок. Совка бешено заморгала, словно пыталась угадать, что сейчас произойдет. Мартин воспользовался ее секундным замешательством и нанес удар. Ледяная спица со свистом рассекла воздух. Совка ахнула, перевернулась через голову и понеслась к земле. Смертоносное оружие пронзило ей грудь, окрасив перья алым.

— Сумрак, ты в порядке? — крикнул Сорен, подлетая к каменному выступу, на который Бубо усадил его друга.

— Все отлично! — огрызнулся здоровяк.

— Он слегка оглушен, но в целом, все нормально, — пояснил Бубо.

— Ничего я не оглушен! — заорал Сумрак и, сорвавшись с места, полетел к устроенному чуть выше складу ледяного оружия. Остальные последовали за ним.

Складом заведовал Квентин, старая пещерная сова, которой было уже не под силу сражаться наравне с молодыми воинами. Все вооружение Ночных Стражей — от палок для поджига до боевых когтей и добытого на севере ледяного оружия — находилось под неусыпным надзором старика.

— Что вам угодно, сэр? — спросил Квентин у Бубо.

— Эти совы прошли подготовку на острове Черной Гагары, выдай им ледяное оружие. А я возьму мое любимое, — пробасил Бубо.

Его любимым оружием был просверленный в нескольких местах металлический шар, набитый горящими углями и привязанный к длинной цепочке. Такое оружие на острове называли кистенем, или волчком, но пользоваться им мог только очень опытный воин.

Бубо владел кистенем виртуозно. Бешено вращающийся шар раскалялся докрасна, и Бубо с легкостью пробивал себе дорогу сквозь вражеские ряды, так что противники сыпались во все стороны, словно осенние листья под порывом сурового ветра.

— Я бы посоветовал вам сначала пристегнуть боевые когти, — негромко сказал Квентин.

— Разумеется, старина.

Квентин чрезвычайно любил церемонии. Вот и теперь он с превеликим почтением взял боевые когти, которые Эзилриб подарил Сорену, и поклонился:

— Позвольте, молодой господин, я сочту за честь помочь вам.

— Хорошо, Квентин, — покорно вздохнул Бубо. — Помоги Сорену, а мы справимся сами. Понимаешь, нам нужно как можно скорее вернуться в бой.

Через несколько минут все были облачены и вооружены.

Дым клубами застилал ночь, но вот в крошечную мглу обрушился дождь, раздался страшный удар грома и молния раскаленной добела цепью разорвала густую завесу.

Никогда в жизни Сорену еще не доводилось летать в такой странной атмосфере. Вот только

почему все это кажется ему знакомым?

Разве ему не приходилось летать сквозь такой же густой, неподвижный воздух? Нет-нет, тогда не было дыма... Тогда был туман.

Туман? И тут Сорен с ослепительной ясностью вспомнил свой сон. Тот самый сон, который полностью изгладился из его памяти. Он почувствовал дрожь в желудке. В том сне его окружал густой мох, который вдруг почему-то стал превращаться в туман.

Лететь стало гораздо труднее. Дым щипал глаза, выжимал слезы, до боли разъедал легкие. Но сон продолжал сбываться, и вот уже Сорен заметил впереди какое-то странное свечение. Тусклый, золотистый, пульсирующий свет... Что это может быть такое?

«Я должен лететь туда!» — решил он.

Золотое свечение стало ярче.

Слезы застилали Сорену глаза, мешали смотреть. Он кашлял. Он задыхался. Он продолжал лететь.

— Дасгадден гут ринке иссен блау! — прошебетала малютка-сычик.

— Я тоже никогда не видела ничего подобного, — ответила Гильфи и сощурила глаза за ледяными стеклами своих очков. Парные пики Филиновых ворот показались закутанными в густой полог мягкого мха. Что это такое? Туман? Дым? Она поморгала. Сон начинал сбываться. Там, впереди, в густых клубках дыма ее ждал самый лучший в мире друг.

«Сорен!» — беззвучно закричали ее сердце и желудок.

В этот самый миг внезапный порыв холодного воздуха прорезал завесу дыма, образовав узкий туннель. Сорен заглянул в него — и не поверил своим глазам.

— Мой сон сбылся! — прошептал он. — Я все-таки нашел ее!

Рассеянный свет луны разбавил дым, и два сна слились воедино.

ГЛАВА XXIV

Битва огня и льда

— Да это же Ледяные Клювы! — закричал Сумрак.

— Ледяные Клювы! — эхом подхватила Руби. — А за ними артиллерия Глаукса Быстрокрылого и кильские змеи!

Сорен на всю жизнь запомнил этот момент. В мгновение ока небо наполнилось сотнями сов, вооруженных сверкающим ледяным оружием. Алые, голубовато-зеленые и ярко-синие змеи покачивались в седлах на спинах у самых крупных воинов.

Очень хрупкая воительница из рода североамериканских мохноногих сычей подлетела к Бубо и с сильным кракишским акцентом отрапортовала:

— Полковник Ледоцвет, командующая роты Е дивизии Ледяных Клювов. Какова обстановка?

— Два наших элитных подразделения заперты в воздушной траншее между бровями Филиновых ворот. Они попали в засаду. Данные о потерях пока неизвестны.

— Я вижу, в вашем распоряжении есть холодное оружие и огненный кистень?

— Что может заменить в ближнем бою старый добрый кистень? — пробасил Бубо. — Нет лучшего средства проложить себе дорогу сквозь чужое войско.

— У нас на вооружении есть ледяные кистени. Я бы посоветовала пустить кистеньщиков в первых рядах наступающих. Вы примете командование, сэр?

— Да, мадам... Простите, полковник Ледоцвет.

— Зовите меня просто Цвет. Все друзья зовут меня так.

С этими словами изящная воительница резко развернулась в воздухе и устремилась к своей роте.

Сорен до сих пор не успел перемолвиться с Гильфи даже словом. Им обоим, вместе с другими совами, приказали выполнять полеты в режиме ожидания, без права покидать свое место в строю.

Однако вскоре Сорен заметил, что Сумрак нагло нарушил приказ. Он вырвался из строя и начал стремительной спиралью подниматься к самой вершине скалы, где уже расселась стая стервятников, терпеливо ожидающих свою законную добычу — тела павших сов.

Стервятники были отвратительными тварями. После каждой битвы Ночные Стражи торопились унести тела своих убитых товарищей, пока до них не добрались падальщики.

Обычно совы отпугивали стервятников огнем, но если огня под крылом не было... Сорен нахмурился. Из всех сов один только Сумрак общался со стервятниками. Но что он задумал на этот раз? Сражение еще не закончено. Стервятники ни за что не спустятся вниз во время битвы, для этого они слишком трусливы и расчетливы.

«Что затеял Сумрак?»

Сумрак подлетел к вершине. Шустрый воробьиный сычик только что передал ему приказ от самого Эзилриба.

«До чего же умная птица этот Эзилриб! — с восхищением подумал Сумрак. — Дым не позволяет ему видеть битву, но он сразу понял, где искать стервятников».

Работенка предстояла славная, и Сумрак заранее предвкушал удовольствие. Он крепче сжал в когтях ледяной меч, прибавил скорости и помчался прямо на падальщиков.

Огромные птицы, похожие на чудовищных скрумов, подняли головы. Крылья их болтались по бокам, как черные лохмотья.

— Чё тебе надо? — прогнусавил один из падальщиков.

Сумрак кругами летал над их головами. Миг спустя он стремительно снизился и чиркнул говорившего стервятника мечом по хвосту. Несколько черных перьев взмыло в воздух.

— Эй, ты! Чё ты делаешь, а? Ты зачем это?

— Так просто, — хмыкнул Сумрак. — Погляжу, как ты будешь кувыраться, когда полетишь клевать мертвых солдат. Ну, кто следующий? — громко крикнул он.

Стервятники затряслись от страха.

— Слушайте меня, идиоты, вонючие отбросы птичьего мира, поганцы и трупоеды! Если не сделаете того, что я скажу, вы все останетесь без хвостов!

— А чё сразу без хвостов-то? Мы разве отказываемся? Да мы все сделаем, Сумрак! — хором закричали падальщики.

Они хорошо знали этого ужасного воина. Раньше он просто гонял их со скал и дразнил разными обидными стишками, но теперь в когтях у сумрака была странная блестящая штукавина, которой он мог в мгновение ока отсечь им хвостовые перья.

— Ладно, уроды. Я хочу, чтобы вы подняли с этой скалы свои задницы и пересели на филиновы брови. Поняли? Половина шайки пусть сядет на одну бровь, половина — на другую.

— А на фи́га? То есть зачем? — спросил один из стервятников.

— Затем, что мне так хочется! — рявкнул Сумрак.

— А что нам за это будет? Может быть, дополнительный кусочек мертвечинки?

— За это я оставлю тебе в подарок твой вонючий хвост, братишка! — расхохотался Сумрак, и его ледяной меч со свистом описал в воздухе полукруг.

Стервятники содрогнулись и дружно поднялась со скалы. Сумрак помчался следом за ними, подгоняя отстающих своим ледяным оружием.

Только Сумрак был способен испытать прилив поэтического вдохновения во время конвоирования стаи стервятников на Филиновы ворота. Однако Сумрак был Сумраком, поэтому вскоре над каньонами разнеслась залихватская песня:

На вас, стервятников, смотреть —
Немудрено остервенеть!
Вы — падальщики,
Вы на падаль падки,
Я сыт по горло вашим упадком!
А ну, шевелитесь, проклятые души,
Покуда я не искромсал ваши туши!
Всех ломтями нарублю,
А потом волкам скормлю!
Кто вас, дураков, поймет,
Ведь в мозгах у вас помет!
А в желудках — пустота,
А на перьях — грязнота...
Что, испугались, трусливые твари?
Сумрак вас быстро к делу приставит!

— Пошевеливайтесь, прощелыги! Э-ге-гей! У-ху! — вопил Сумрак, размахивая мечом в нескольких дюймах от хвостов падальщиков.

Стая черных птиц, подгоняемая угрожающим свистом сверкающего в темноте клинка, представляла собой завораживающее зрелище.

С победным уханьем Сумрак загнал сорок стервятников на вершину Филиновых ворот.

Краем глаза он заметил, как один из наемников Чистых оцепенел в воздухе и рухнул вниз. За ним последовал еще один воин, потом следующий.

«Кажется, Эзилриб называл это психической атакой, — припомнил Сумрак. Что ж, похоже, план сработал!»

Вообще-то, наемники были странным народцем. Подобно пиратам из Северных Царств, они придерживались самых чудных предрассудков и суеверий. С их точки зрения не было страшнее приметы, чем появление черных стервятников на поле битвы в ночь волчьей луны.

Отулисса не смогла сдержать облегченного вздоха, когда увидела в воздушной траншее открывшийся просвет. Она яростно сражалась своим ледяным кинжалом и вдруг заметила Мартина, спешащего ей на помощь с острой ледяной щепкой. Помощь все-таки подоспела!

— Слева, Отулисса! — прогремел Бубо.

Отулисса резко обернулась и увидела мчащуюся на нее сипуху. И не просто сипуху, а знаменитого Зверобоя, первого помощника Клудда. Отулисса сразу узнала его, ведь они уже встречались во время битвы в Клювах.

Зверобой летел, выставив вперед огромные боевые когти с зажатой в них горячей веткой. Итак, ледяной кинжал против горячей ветки?

«Они не очень опытные в обращении с огненным оружием, — успокоила себя Отулисса. — Они привыкли полагаться на боевые когти и совсем недавно освоили искусство огня... Так, чему нас учили на острове Черной Гагары?»

Северные совы демонстрировали своим гостям, как следует использовать ледяной кинжал против горячей ветки.

Это была очень сложная и очень опасная тактика, при которой необходимо было как можно дольше избегать открытого столкновения, подпуская противника поближе, после чего следовала целая серия обманных маневров и ложных выпадов.

Сейчас главная сложность заключалась в том, что палка Зверобоя была в несколько раз длиннее ее кинжала.

Отулисса нанесла обманный удар, проворно отлетела в сторону и закружилась перед Зверобоем.

«Еще немного, и можно будет нанести удар, — подумала она. Она заметалась, несколько раз отступила назад и перешла в оборону. — Пусть поверит, будто прижал меня к скале...»

Это был смертельно опасный маневр, поскольку если бы Зверобоем действительно удалось прижать Отулиссу к склону горы, ее участь была бы решена.

Зловещий огонек вспыхнул в глазах Зверобоя, когда он увидел, что пестрая сова глупо пятится к скале. Она уже почти коснулась хвостовыми перьями камня, когда вдруг произошло

невероятное.

Жертва неожиданно рванулась вперед. В мгновение ока она очутилась под Зверобоем и полоснула его кинжалом по животу. Зверобой испустил отчаянный визг и с бешеной яростью бросился на Отулисса. Рана оказалась неглубокой.

— Енотий помет! — процедила Отулисса.

Она не знала, сколько еще сможет продержаться.

Двумя мощными взмахами крыльев она вынырнула из-под Зверобоя и поднялась выше, где произвела самый сложный переворот изнутри наружу, которому научила ее любимая наставница Стрикс Струма. Потом Отулисса зажмурилась и с оглушительным визгом ринулась вниз:

— За тебя, Струма!

Она замахнулась и нанесла удар.

— Енотий помет! — снова выругалась она.

Ей не удалось попасть врагу в голову, но горящая ветка выпала из когтей Зверобоя и, кружась, понеслась к земле.

Зверобой громко охнул и помчался сквозь облако мелких искр, рассыпавшихся от упавшей палки. Отулисса с кинжалом в когтях бросилась за ним в погоню.

Никогда в жизни она не летала так быстро! К ней присоединилась Руби, и обе совы вихрем помчались сквозь каменные коридоры каньонов.

— Сажай его на землю! — кричала Руби, размахивая в воздухе своим ледяным ятаганом. — Сажай на землю!

Отулисса сразу поняла, что та задумала. Нужно было попытаться загнать врага в ловушку между огнем на земле и льдом в небе.

Сорен с Мартином преследовали сразу двух наемников, когда увидели невесть откуда взявшегося Сумрака.

— Где ты был? — пропыхтел Сорен, не сводя глаз с улепетывающего наемника.

— Сейчас увидишь. Смотри сюда! — загоготал Сумрак, устремляясь вперед.

— Надеюсь, он не собирается запеть? — проворчал Мартин.

Однако Сумраку сейчас было не до песен. Он догнал улетающих сов и закричал:

— Поднимите свои башки, тупоголовые! Там, наверху, вас кое-кто поджидает!

Сорен с Мартином изумленно захлопали глазами. Наемники подняли головы, увидели черные силуэты стервятников и, мгновенно оцепенев, со свистом рухнули вниз, в пылающую грудку хвороста.

— Вот это да!

— Гильфи! — прокричал Сорен. — Ты вернулась!

— Да, но сейчас некогда болтать. Я привела с собой роту Е. Познакомься с полковником Ледоцветом и Гриндлехоффом.

Сорен сразу вспомнил Гриндлехоффа — это был тот самый сычик-эльф, с которым Гильфи фехтовала на острове Черной Гагары.

Все вместе они бросились в погоню за улепетывающей масковой сипухой.

Она оказалась очень достойной противницей. Стоило преследователям хоть немного сократить разделяющее их расстояние, как она немедленно вырывалась вперед. Эта сипуха летала как Глаукс и с легкостью совершала крутые повороты на сумасшедшей скорости.

Вскоре Сорен почувствовал какой-то странный холодок в желудке. Он пока не понимал, в чем дело, но в этой погоне явно было что-то неправильное. Эта сова не просто удирала от них. Если бы она захотела улететь, она могла бы сто раз это сделать. Нет, она намеренно заманивала их куда-то.

В следующий миг ему показалось, будто одна из стен каньона отодвинулась и впереди открылась ночь. Прямо перед ним зияла огромная пасть пещеры.

«Ну конечно!» — догадался Сорен.

Масковых сипух иногда называют «норными совами», потому что они могут с легкостью летать по извилистым пещерным ходам, испещряющим недра гор.

Но было уже слишком поздно. Сорен не успел понять, как это произошло.

Они летели очень быстро, но Сорену вдруг показалось, будто огромная пещера сама втащила их в себя, словно хотела проглотить.

И тут в крошечной тьме раздался отчаянный крик:

— Не летите сюда! Не надо!

— Копуша? Это же Копуша! — ахнул Сорен.

Желудок у Гильфи содрогнулся от ужаса. Копуша стоял на узком каменном выступе, его длинные лапы были туго обмотаны гибкой лозой и привязаны к большому камню.

Не успели они заметить Копушу, как в глубине пещеры разлилось жуткое, леденящее кровь сияние.

Только одна вещь на свете могла так сиять. Это была металлическая маска Клуdda, родного брата Сорена, Верховного Тито — предводителя Чистых.

Все мысли разом исчезли из головы Сорена — все, кроме одной: «Я должен его убить. Я должен убить своего родного брата, и если я не сделаю этого, всему свиному миру придет конец».

Братья медленно приближались друг к другу. Сорен был вооружен ледяным мечом, слишком громоздким в тесном пространстве пещеры, а на лапах Клуdda посверкивали боевые когти.

Сорен нахмурился. Это были какие-то необычные когти, их острые кончики горели жарким алым светом. Да они же горячие! Огненные когти!

Сорен вспомнил, как Бубо рассказывал им о вреде, который причиняют такие когти своему хозяину. Очевидно, Клуdd считал это не слишком высокой ценой за жизнь младшего брата.

— У него огненные когти! — вскрикнул Копуша.

— У нас у всех огненные когти! — проревел Клуdd.

Словно в ответ на его слова из черной пасти пещеры выступили еще шесть сов с горящими когтями. Выхода не было.

«Сейчас я буду пытаться убить родного брата!» — повторил про себя Сорен. Все вокруг вдруг стало каким-то нереальным. Время словно замерло.

Противники продолжали сближаться. Остальные Чистые и Ночные Стражи уже сражались возле входа в пещеру.

Однако Сорен знал, что главная битва должна произойти между ним и братом.

Он поднял свой ледяной меч, заточенный до немыслимой остроты, в боевую позицию. Две совы начали описывать широкие круги друг перед другом, время от времени делая ложные выпады, отвлекая внимание противника.

Сорен понял, что задумал Клуdd. Он пытался заманить брата поглубже в пещеру, где знал каждый поворот.

«Там он сможет завести меня куда угодно, — подумал Сорен. Он знал, что в пещерах нередко встречаются заполненные ядовитым газом камеры, в которых порой находят задохнувшихся до смерти птиц и животных. — Я должен держаться как можно ближе к выходу. Может быть, если я очень-очень постараюсь, то смогу его убить... Убить своего брата. Глаукс, сжался надо мной! Пусть он просто сдастся и навсегда улетит отсюда!»

Сорен прекрасно понимал, что это пустые надежды.

Внезапно послышался оглушительный треск, и Сорен с Клуddом невольно оторвали глаза друг от друга. Копуша освободился и поднялся в воздух! Он каким-то чудом сумел порвать путы, привязывавшие его к скале, и теперь длинные лозы болтались у него на лапах. Однако Копуша был безоружен.

«И все-таки это лучше, чем ничего», — успел подумать Сорен.

Затем в темноте пещеры сверкнул ослепительный вихрь. Это Ледоцвет и Гильфи, вооруженные ледяным оружием, ринулись на помощь Сорену. Миг спустя они были уже под крыльями Клуdda.

Сорен не успел заметить, кто из них нанес его брату меткий удар в мягкое брюхо. Он просто увидел, как алая кровь брызнула из раны, и несколько ее капель попали на его ледяной меч, окрасив лезвие алым.

А потом случилось ужасное.

— Гильфи! — завизжал Сорен. Запахло палеными перьями. Гильфи зашаталась, маховые перья

на ее правом крыле почернели и задымились. Это сделал Клуdd!

«Я смогу убить своего брата!» — захохотало в голове у Сорена. Желудок его окаменел, когти крепче стиснули рукоятку меча.

Сорен ринулся вперед. Клуdd был слаб. Он отступил в угол пещеры. Он начал терять высоту...

Раздался зловещий свист, мелькнул серебристый вихрь.

— Хи-йя!

Никакой песни. Никаких дразнилок. Просто смертельный удар сверкающего льда. Затем раздался звон металла — это Клуdd рухнул на каменный пол пещеры. Рядом с упавшим начала собираться лужица крови. И его огненные когти зашипели в ней...

Сорен опустился на каменный выступ и посмотрел на лежащего внизу брата. Он не мог отвести от него глаз. Он словно оцепенел.

Он не отрываясь смотрел на жуткую рану, разделившую тело Клуdda от горла до хвоста. Из окровавленных перьев торчали осколки позвоночника.

Сорен зажмурился.

«Мой брат мертв. Мой брат, который выбросил меня из гнезда, когда я был птенцом. Он мертв. Мой брат, который поклялся меня убить, мертв!»

Это не укладывалось у него в голове. Ужасный Клуdd определил течение всей его жизни.

«Если бы не Клуdd, я бы никогда не разлучился с родителями. Если бы не Клуdd, я бы никогда не нашел Ночных Стражей».

И вот теперь Клуdd был мертв, но Сорен не испытывал от этого ни радости, ни облегчения. Он просто не знал, что ему чувствовать. Все это было слишком сложно, слишком важно и слишком загадочно.

— Ты в порядке? — негромко спросил его Сумрак.

Сорен моргнул. Мертвая тишина воцарилась в пещере.

— Сумрак, — еще тише ответил Сорен, — я не слышал, как ты подлетел.

— Удивился, что я не стал петь и дразнить его? — усмехнулся Сумрак.

— Да.

— Я убил твоего брата, Сорен. Мне показалось, его не следует провожать песней.

— Ты убил его! Ты спас Гильфи, спас меня... — Сорен помолчал. — Ты хоть понимаешь, что это значит? Война закончена! Это значит, что Чистые проиграли.

— Ну да, — просто ответил Сумрак. — Война закончилась, это точно.

Впервые в жизни Сумрак, который был самой хвастливой совой от Северных Царств до моря Хуула, не стал громко бахвалиться. Он просто моргнул и повернулся к Гильфи, над которой

суетился Копуша.

— Как же я рад снова видеть тебя, Гильфи! — пробасил Сумрак, опускаясь рядом с подругой. — Ты великолепно орудовала кинжалом!

— Спасибо, — слабо ответила Гильфи.

— Она поправится, — успокоил Сумрака Копуша. — Вот только летать ей какое-то время будет трудно. Ожог оказался гораздо легче, чем мне вначале показалось. Эти перья она все равно потеряла бы при линьке, так что все будет хорошо. Кстати, куда подевались остальные Чистые?

— Улетели, — хмыкнул Сумрак. — Ледяные Клювы преследуют их.

— Гильфи... Гильфи... Гильфи! Я просто глазам своим не верю, — пробормотал Сорен, глядя на подругу.

— Это я, Сорен. Все хорошо.

— Я думал, что больше никогда тебя не увижу.

— Но я вернулась, — просто ответила Гильфи. — Мы снова вместе, Сорен. Вся наша «стая» опять в сборе.

И четыре совы, которых связывала такая долгая дружба, молча посмотрели друг на друга.

— Мы снова вместе, — торжественно повторил Сорен. — А теперь мы должны вернуться на Великое Древо.

— Боюсь, у меня не хватит сил, Сорен, — пискнула Гильфи. — Наверное, вам придется сделать для меня носилки из этих лоз...

— Нам не понадобятся носилки, чтобы отнести тебя домой! — раздался громкий голос с сильным кракишским акцентом.

— Клив! — воскликнула Гильфи. — Что ты тут делаешь? Я думала, ты против войны...

— Я против убийства, но за спасение жизней. Ты забыла, что в обители Глауксовых братьев я изучал медицину? А теперь помолчи, побереги силы. Сейчас я приведу сюда воинов из дивизии Глаукса Быстрокрылого, и мы создадим вакуумный коридор, чтобы доставить тебя на остров.

— Я думала, что только пираты умеют проделывать такие фокусы, — пробормотала Гильфи, вспомнив, как краали приволокли ее с Ледяного Кинжала в тундру.

— Что за глупости! — засмеялась подлетевшая к ним сова из подразделения Ледяных Клювов. — Краали слишком тупы, чтобы додуматься до такой хитрости. Они подсмотрели это у нас. Мы использовали вакуумные туннели для транспортировки раненых во время войны Ледяных Когтей.

Вскоре «стая» Сорена и шесть сов из дивизии Глаукса Быстрокрылого поднялись в ночное небо.

Внизу, насколько хватало глаз, расстилалась обугленная пустошь с почерневшими от копоти скалами.

Вскоре в небе появились новые подразделения северных сов, и началась эвакуация раненых.

Лучик и Серебряк получили легкие ранения. К сожалению, не обошлось без потерь. Храбрая полярная сова по имени Брюс, сражавшаяся в рядах Жар-бригады, пала в бою, и теперь ее тело предстояло отнести на остров в специальном гамаке, сплетенном домашними змеями из гильдии ткачих. Бубо первым вызвался участвовать в транспортировке, поскольку погибший был его другом.

— Нет, Брюс, я не оставлю тебя здесь на растерзание стервятникам, — сурово пробормотал он, берясь за длинную лямку гамака.

Сумрак опустил глаза и увидел, как несколько стервятников уже спустились на землю и с упоением рвут тело погибшей совы из войска Чистых. Не выдержав, он бросился вниз и, дико размахивая ледяным мечом, согнал падальщиков.

— Чё ты? — закричал один из стервятников. — Ты зачем это?

— Затем! Мне так захотелось! — рявкнул Сумрак и понесся догонять своих товарищей.

— Я смотрю, — прокрипел Эзилриб, подлетая к Сорену, — эти когти прились тебе впору. Ты отлично летаешь с ними.

— Правда? — поразился Сорен. Он и не заметил, когда перестал чувствовать вес боевых когтей Эзилриба.

«Они такие легкие!»

— Клив! — завизжала Отулисса, подлетевшая, чтобы поближе рассмотреть вакуумный туннель. — Что ты тут делаешь? Я думала, ты не веришь в войну!

— Я верю в спасение жизней, Отулисса.

— Клив стал одним из лучших небесных докторов, — пояснила полярная сова, участвовавшая в транспортировке Гильфи.

— Ах, как это мило! — ахнула Отулисса, и Сорен готов был поклясться, что заметил быструю рябь, пробежавшую по ее крапчатым перьям.

Сорен с Копушей переглянулись и едва сдержались, чтобы не захихикать.

«Неужели она в самом деле строит перышки этому небесному доктору?»

Отулисса быстро повернулась к друзьям и перехватила их взгляды. В тот же миг она расправила перья, и дрожь крапинок прекратилась. Теперь ни одна пушинка не шевелилась на ее оперении. Деликатно откашлявшись, Отулисса переключила все свое внимание на вакуумный туннель.

— Какая прелесть! Восхитительный способ использования давления! Перепад давлений создает стойкий вакуум. Я уверена, что в изобретении этой потрясающей летной стратегии не последнюю роль сыграли исследования Стрикс Эмеральды, прославленной предсказательницы погоды и моей дальней родственницы.

Сорен украдкой подмигнул Гильфи, как будто хотел сказать: «Она никогда не изменится».

— Ах, Отулисса, — слабым голосом произнесла Гильфи и надолго замолчала. — Как же я рада снова тебя видеть!

На Великом Древе царило лихорадочное оживление. Сорену вспомнилась та далекая зимняя ночь, когда он со своей «стаей» впервые очутился на острове. Тогда тоже произошла какая-то пограничная схватка в районе Далеко-Далеко.

Галереи над большим залом были заполнены совами, ожидающими приказов командиров. По коридорам несли раненых. В ту далекую ночь друзья были ошеломлены увиденным, у них разбежались глаза и головы шли кругом. Они впервые в жизни увидели металлические шлемы, когти, самые разные непонятные устройства и огромную травяную арфу, между струнами которой сновали юркие домашние змеи, сплетая звуки в песню.

Сейчас, как и тогда, прозвучал удар гонга. В огромном зале воцарилась мертвая тишина. Эзилриб взлетел на большой насест.

Все Ночные Стражи были в сборе, даже легкораненных принесли из госпиталя послушать речь командующего.

Эзилриб обвел глазами собравшихся.

Казалось, его косящий глаз видит всех — каждого Ночного Стража, каждого из Ледяного Клюва, каждого солдата дивизии Глаукса Быстрокрылого и каждую кильскую змею, свисающую с балкона.

— Друзья мои — воины — змеи и совы! Прошло ровно три года с той поры Медного дождя, когда мы впервые узнали о существовании Чистых. Много дождей миновало с тех пор. Многие пали жертвой тирании Чистых. Первой пала Стрикс Струма, последней жертвой войны стал Брюс, славная полярная сова и ветеран Жар-дружины.

Могучий враг едва не одолел нас. После захвата Сант-Эголиуса он стократно увеличил свою силу и стал представлять угрозу для всего совиного мира. Однако мы вступили в борьбу, храбро сражались и вышли из войны победителями.

Мы вступили в эту войну по простой и благородной причине. Мы верим в свободу каждого живого существа, будь то сова, змея или медведь. Мы верим в то, что свобода рождает чувство собственного достоинства, тогда как всякая попытка поработить разум отдельного существа или целый народ уничтожает и свободу, и достоинство. Если нашей цивилизации суждено выстоять, процветать и продолжаться, то только на основе свободы каждого из нас.

А теперь мы хотим выразить свою сердечную признательность и воздать должное своим братьям и сестрам из Северных Царств, без помощи и поддержки которых наша задача могла бы оказаться невыполнимой. Ледяные Клювы! Дивизия Глаукса Быстрокрылого! Ледяные Кинжалы! Славные кильские змеи! Мы благодарим всех вас и восторгаемся вашей храбростью!

Слова его утонули в оглушительном уханье Ночных Стражей и радостных возгласах сов из Северных Царств. Прошло добрых несколько минут, прежде чем Эзилриб покачал крылом, призывая собравшихся к тишине:

— В последние два года мы понесли тяжелые утраты. Я бы очень хотел заглянуть в будущее и заверить всех вас, что эти потери были последними. Но никому не дано этого знать. Мы видели, как Чистые осквернили прекрасное слово «чистота», превратив его в синоним ненависти, разрушения и тирании; мы видели, как они создали общество, в котором совы

одного вида были противопоставлены всем остальным. Мы должны зорко смотреть в будущее и сделать все для того, чтобы это зло никогда больше не подняло голову.

Наши идеалы просты: честь и свобода. Мы сделаем все для того, чтобы эти великие слова никогда не потеряли своего истинного значения. Это потребует от нас постоянной бдительности. Война закончена, но мы не имеем права на отдых. Долг велит мне снова и снова говорить всем вам: где бы ни возникла угроза тирании — летите туда! Будьте тверды, непоколебимы, упорны и непреклонны до тех пор, пока мир не будет восстановлен и наша цивилизация не окажется в безопасности.

ГЛАВА XXV

Скрумы

В самом сердце каньона, где стервятники все еще продолжали свой гнусный пир, в глубоком гнезде, расположенном в трещине опаленной огнем скалы, мать рыдала над своим новорожденным птенцом. Малыш вылутился из скорлупы в тот самый миг, когда луна начала скрываться в густой тени.

— Ты пришел в этот мир во время лунного затмения, дитя мое. Я дам тебе имя, которое дают всем мальчикам, появившимся на свет в этот грозный час. Нирок — вот как будут звать тебя, любовь моя. Ты вырастешь большим, сильным и неукротимым, как твой отец.

Птенец приоткрыл припухшие веки и моргнул, увидев склоненное над ним прекрасное лицо своей матери.

А далеко-далеко, на другом берегу моря Хуулмере, полная луна сияла над островом Хуула. Шла последняя ночь Медного дождя, на следующее утро на остров должен был прийти Серебряный дождь, когда ягоды молочника становятся снежно-белыми.

Гильфи с Сореном покинули древо и помчались на дальний берег озера, где находился самый удобный наблюдательный пункт. Они хотели полюбоваться лунным затмением, поскольку именно в последнюю ночь осени это зрелище считалось особенно красивым.

Друзья прилетели на вершину высокой ели как раз в тот момент, когда тень земли начала наползать на лунный диск. На острове росла всего одна ель, которая напоминала Сорену родной лес и ту ель, в дупле которой он так недолго успел пожить со своими родителями.

Гильфи не случайно предложила другу полюбоваться лунным затмением именно с этого места. Она знала, что Сорен глубоко потрясен смертью своего брата. Друзья не раз повторяли ему, что Клуdd полностью разрушил самого себя, что в нем уже не осталось ничего свиного и его смерть была неизбежна, но Сорен все равно не мог избавиться от чувства вины.

Он продолжал страдать, хотя старался не подавать виду. Он стал непривычно молчалив. Гильфи знала, что миссис Плитивер несколько раз приползала к ним в дупло и пыталась поговорить со своим любимцем, но Сорен оставался безучастен к ее словам. Вот почему Гильфи решила увести его в ночь затмения подальше от Великого Древа.

Только ей одной Сорен без устали продолжал задавать один и тот же вопрос, терзавший его сердце и желудок:

— Как ты думаешь, Гильфи, мама с папой поняли бы меня? Они простили бы меня за Клуddа?

Гильфи каждый раз отвечала утвердительно, но Сорен продолжал спрашивать. Внезапно послышался негромкий шорох, и на соседнюю ветку осторожно опустилась Эглантина.

— Что ты здесь делаешь? — с некоторым изумлением спросил сестру Сорен.

— То же, что и ты. Хочу поглядеть на затмение.

Сорен почувствовал укол стыда. Разумеется, он должен был позвать сестру с собой, но в последние дни он стал ужасно рассеянным.

— Смотрите, смотрите! — закричала Эглантина. — Тень уже откусила первый кусочек от луны!

В полном молчании они смотрели, как земная тень расползается по лику луны.

Это было великолепное зрелище. Луна сияла золотом. Казалось, будто она на время одолжила блеск солнца, так что продолжала нестерпимо сверкать даже перед тем, как скрыться в темноте. Когда луна полностью исчезла, Сорен заметил в небе какую-то легкую дымку. Наверное, это была струйка стелящегося по земле тумана.

— Кажется, снег пошел, — пробормотала Эглантина.

Сорен повернул голову к сестре и моргнул:

— С чего ты взяла? Какой еще снег?

Эглантина быстро-быстро заморгала и, подавшись вперед, пристально всмотрелась в ночную тьму.

— Я что-то вижу, — сказала она.

— А я ничего не вижу, — возразила Гильфи. — Эй, смотрите! Да смотрите же! Тень начинает уползать. Сейчас мы снова увидим луну.

Но Сорен с Эглантиной уже не смотрели вверх. Они смотрели прямо перед собой — на то, что Эглантина приняла за снег, а Сорен — за туман. Это что-то клубилось и колыхалось, принимая смутно знакомые очертания. Оно выглядело мягким и пушистым, как самый мягкий пух, который мама-сова выщипывает со своей грудки для того, чтобы выстлать им гнездышко новорожденного совенка.

«Я не испугаюсь», — подумала Эглантина и тут же почувствовала, как странное спокойствие разлилось по ее телу.

«Конечно, ты не испугаешься, дитя мое».

«Как это происходит? — растерялась Эглантина. — Я слышу голос, но никто не говорит...»

«Они пришли, Эглантина». — Это был голос Сорена, но он тоже звучал у нее в голове, и очень негромко.

Эглантина быстро обернулась и вопросительно посмотрела на брата.

Он ответил ей долгим взглядом, и тогда она все поняла. Скрумы их родителей явились к ним в ночь затмения.

Два бледных призрачных силуэта, две дорогие тени выступили из ночи.

«Вот мы и вернулись к вам, дети».

Эглантина хотела что-то спросить, но тут в голове ее прозвучал беззвучный вопрос Сорена: «Это связано с тем незаконченным делом, о котором вы говорили мне в прошлый раз?»

«Да. Но теперь дело закончено, Сорен. Слава Глауксу, оно закончено».

Эглантина узнала голос своей матери.

«Клудду нет места в царстве сов», — сурово добавил ее отец.

«Ему нет места на земле», — подтвердила мать.

Тем временем луна начала потихоньку выступать из темноты.

Гильфи молча смотрела на Сорена и Эглантину. Она чувствовала, что с ее другом и его сестрой только что произошло нечто очень важное. Значит, не зря она в эту ночь привела Сорена именно сюда, на это самое дерево. Гильфи не смогла бы никому этого объяснить, она вдруг просто почувствовала, что поможет, если приведет его в ночь затмения на высокую ель.

Скрумы начали таять. Но теперь Сорен с Эглантиной не испытывали грусти. Они знали, что где-то там, в сияющей Глауморе, их мама с папой обретут долгожданный покой. А Сорен наконец понял, что смерть его брата была неизбежна и что родители это понимают. Именно это ему и нужно было знать.

Совы и другие герои «Ночных стражей»

Стая Сорена

Сорен — сипуха, или амбарная сова (*Tyto alba*). Родом из лесного царства Тито; Ночной Страж Великого Древа Га'Хуула.

Гильфи — сычик-эльф (*Micrathene whitney*), родом из пустынного королевства Кунир. Лучшая подруга Сорена; Ночной Страж Великого Древа Га'Хуула.

Сумрак — бородатая неясуть, или большая серая сова (*Strix nebulosa*), сова-одиночка. Осиротел через несколько часов после появления на свет; Ночной Страж Великого Древа Га'Хуула.

Копуша — пещерная сова (*Speotyto cunicularius*), родом из пустынного королевства Кунир. Заблудился в пустыне после того, как патрульные Сант-Эголиуса убили и съели его младшего брата; Ночной Страж Великого Древа Га'Хуула.

Предводители Великого древа Га'Хуула:

Борон — белая сова (*Nyctea scandiaca*), король Га'Хуула.

Барран — белая сова (*Nyctea scandiaca*), королева Га'Хуула.

Эзилриб — пятнистая совка, или совка с бакенбардами (*Otus trichopsis*). Мудрый наставник Клюва всепогодников и угленосов, учитель Сорена (также известен под именем Лизэ из Киля).

Стрикс Струма — пятнистая сова (*Strix occidentalis*), наставница Клюва навигаторов. Погибла во время осады Великого Древа.

Вислошейка — пещерная сова (*Speotyto cunicularius*), преподавательница Гахуулогии. Предала Великое Древо во время осады.

Сильвана — пещерная сова (*Speotyto cunicularius*), молодая наставница Клюва следопытов.

Остальные обитатели Великого древа Га'Хуула:

Отулисса — пятнистая сова (*Strix occidentalis*), сова из хорошей семьи и очень благородного происхождения; Ночной Страж Великого Древа Га'Хуула.

Мартин — новошотландский мохноногий сыч (*Aegolius acadicus*), соратник Сорена по Ключу угленосов; Ночной Страж Великого Древа Га'Хуула.

Руби — болотная, или короткоухая сова (*Asio flammeus*); также летает в одном Ключе с Сореном; Ночной Страж Великого Древа Га'Хуула.

Эглантина — сипуха, или амбарная сова (*Tyto alba*), младшая сестра Сорена.

Бубо — виргинийский филин (*Bubo virginianus*), кузнец Великого Древа Га'Хуула.

Мадам Плонк — белая сова (*Nyctea scandiaca*), красавица-певица Великого Древа Га'Хуула.

Миссис Плитивер — слепая змея, бывшая домашняя прислуга родителей Сорена; ныне член гильдии арфисток на Великом Древе Га'Хуула. Октавия — слепая змея, домашняя прислуга мадам Плонк и Эзилриба.

Чистые:

Клудд — сипуха или амбарная сова (*Tyto alba*), старший брат Сорена, предводитель Чистых (также известен под именами Металлический Ключ или Верховный Тито).

Нира — сипуха или амбарная сова (*Tyto alba*), подруга Клудда.

Зверобой — сипуха или амбарная сова (*Tyto alba*), заместитель Клудда.

Жуткоклюв — сипуха, или амбарная сова (*Tyto alba*), первый заместитель Ниры.

Предводители Сант-Эголиуса, Академия для осиротевших совят:

Виззг — виргинский филин или большая рогатая сова (*Bubo virginianus*), командор Сант-Эголиуса.

Ищейке — западная малая ушастая совка (*Otus kennicotti*), заместительница Виззг.

Остальные персонажи:

Кузнец-одиночка из Серебристой Мглы — белая сова (*Nyctea scandiaca*), не принадлежит ни к одному из существующих царств свиного мира.

Ифгар — пятнистая совка, или совка с бакенбардами (*Otus trichopsis*), родной брат Эзилриба, предатель, сражавшийся на стороне врага против своего брата и Кильского Союза во время войны Ледяных Когтей,

Грагг — кильская змея, верный вассал Ифгара, вместе с ним сражалась против Кильского Союза в войне Ледяных Когтей.

Клив из Фетрмора — пятнистая сова (*Strix occidentalis*), принц из благородного клана Кракоров, студент медицины, презирает войну.

Твилла — короткоухая сова (*Asio flammeus*), сиделка Ифгара, ухаживавшая за ним в обители Глауксовых братьев.

Мох — белая, или полярная сова (*Nyctea scandiaca*), старый воин, бывший командир дивизии Глаукса Быстрокрылого, давний друг Эзилриба.

Клюки-Крюк — кильская змея, бывшая командующая подразделением боевых змей Кильского Союза, ныне в отставке.

